

ЧАСТЬ 3

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 28 ФЕВРАЛЯ 2018 Г.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Сборник научных трудов

по материалам
Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 28 февраля 2018 г.

В четырех частях
Часть III

Белгород
2018

УДК 001
ББК 72
Р17

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАЕ (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибоев Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

Р17

Развитие современного социально-гуманитарного знания: отечественный и зарубежный опыт : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 28 февраля 2018 г.: в 4 ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2018. – Часть III. – 158 с.

ISBN 978-5-6040676-5-9

ISBN 978-5-6040676-8-0 (Часть III)

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Развитие современного социально-гуманитарного знания: отечественный и зарубежный опыт», состоявшейся 28 февраля 2018 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы данной части сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам социологии, юриспруденции, политологии.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли экспертную оценку членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001
ББК 72

© ООО АПНИ, 2018
© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Банзаров А.Б.</i> УСЛОВИЯ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ.....	6
<i>Пашков М.В., Кузьмина О.В.</i> ФЕНОМЕН МИРОВЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ РЕЙТИНГОВ: ПЕРСПЕКТИВА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ	10
<i>Уланов В.В.</i> ДЕМОКРАТИЯ И ЛИБЕРАЛИЗМ В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМОДИНАМИКИ.....	17
СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	24
<i>Абдурахманова И.В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	24
<i>Ахтямова Л.Н.</i> ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	28
<i>Афанасьев А.А.</i> ПРАВО И КУЛЬТУРА: ПОНЯТИЯ, СООТНОШЕНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТАМИ КУЛЬТУРЫ.....	31
<i>Баранников М.С.</i> ЗАЩИТА ПРАВ ЗАКАЗЧИКА КАК СТОРОНЫ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	35
<i>Булгаков В.В., Матюкова О.С., Хованова С.В.</i> РАЗРЕШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ	39
<i>Волошина Ю.А., Казарян С.Н., Булгаков В.В.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	43
<i>Воробьева С.В., Колягина Е.С.</i> МОЛОДЕЖЬ И ЕЕ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ: ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ.....	45
<i>Воробьева С.В., Скорбунова Ю.А.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПОЛНОМОЧИЯ НАБЛЮДАТЕЛЯ НА ВЫБОРАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	49
<i>Григорянц С.А., Черникова Н.С.</i> РАЗВИТИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАЦИИ В РАЗРЕШЕНИИ БИЗНЕС-КОНФЛИКТОВ	53
<i>Дорохов Н.И.</i> АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	56
<i>Дреус Ю.И., Третьякова М.С.</i> ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВА РЕБЕНКА НА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ	65
<i>Ефимова Ю.С.</i> К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ИМУЩЕСТВО ЗАКРЫТЫХ ПАЕВЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДОВ.....	68

Жданова Н.Р., Муминова М.С., Булгаков В.В. ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	75
Казакова Г.Р., Яковлева А.П. ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ ПРИ СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ	77
Климанов А.М. К ВОПРОСАМ КВАЛИФИКАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСТАВОВ УБИЙСТВА (СТ.106 УК РФ).....	81
Кукушкина Н.С. ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ СУДОВ.....	84
Кулаева О.Н. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ, ПРЕКРАЩЕНИЯ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	88
Николаева Ю.Е. СОГЛАСИЕ НА СОВЕРШЕНИЕ СДЕЛКИ: ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ	90
Османова Д.И., Мишунина А.А. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СЛОЖНОУСТРОЕННЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	95
Пайтян Р.Х. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ.....	100
Паршкова А.Г. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	103
Паршкова А.Г. ПОНЯТИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	106
Пешков Д.В. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 230.1 УК РФ.....	109
Романова Е.А., Хлучина П.Д., Булгаков В.В. РЕШЕНИЕ СПОРОВ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ И ИХ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	113
Соловьев О.Д., Горбачева А.В. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ-РЕВИЗОРОВ К ВЫЯВЛЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ.....	116
Стерликова В.С., Фунтова А.Д., Булгаков В.В. ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ ..	119
Трофимова О.А., Соловьев О.Д. ПРОБЛЕМА КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ФИНАНСОВО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ	122
Федоров М.В., Перепелкин В.И. К ВОПРОСУ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ.....	126

<i>Филатова А.В., Яковлева А.П.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	128
<i>Хархун Д.С.</i> УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	131
<i>Хороших А.Э.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ .	134
<i>Швидкая К.В.</i> ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ НОРМ ЧАСТНОГО ПРАВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	137
СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»	143
<i>Ковешников Г.В., Сметанин А.Г.</i> ПОПЫТКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	143
<i>Куликов Р.С.</i> РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ – УГРОЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА.....	145
<i>Куликов Р.С.</i> ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ	150
<i>Шабалина В.С., Шепелев М.А.</i> СУБНАЦИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ В МНОГОУРОВНЕВОМ УПРАВЛЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	154

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

УСЛОВИЯ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Банзаров А.Б.

аспирант, Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления, Россия, г. Улан-Удэ

Статья посвящена рассмотрению условий и этапов формирования института предпринимательства в России, их хронологии и периодизации со времен Древней Руси и до наших дней. Обозначены особенности возникновения и трансформации института предпринимательства в российских условиях, в отличие от европейских. Высказана авторская точка зрения по некоторым характеристикам периодов формирования института предпринимательства в нашей стране.

Ключевые слова: институт предпринимательства, этапы и периоды формирования института предпринимательства, условия формирования института предпринимательства, экономика, социология, политика.

Довольно продолжительное время такое явление как институт предпринимательства рассматривался исключительно с позиций экономической науки. Однако глобальное влияние института предпринимательства на развитие общества в целом и его значение для формирования и функционирования общественной инфраструктуры неизбежно ввели его в сферу интересов социологии, выделив в отдельную научную дисциплину.

Возникновение предпринимательства как явления связывают с проведением обменных операций еще на ранних этапах развития общества, а его расцвет принято соотносить с периодом функционирования рыночной экономики [2, с. 241]. Как правило, речь идет, прежде всего, об истории развития европейского предпринимательства. Что касается условий становления и формирования института предпринимательства в нашей стране, в данном случае автор придерживается точки зрения профессора А.А. Бессолицына об их неразрывной связи с историей Государства Российского, которая условно делится на четыре крупнейших этапа [1, с. 47]:

- 1) Древняя Русь;
- 2) Московская Русь;
- 3) Императорская Россия;
- 4) Зарождение и развитие капитализма в современной России.

А также этапы монополистического развития капитализма (конец XIX века – октябрь 1917 года), крушения частного предпринимательства (октябрь 1917 года – март 1921 года), возрождение предпринимательства в современной России (конец XX века).

Первый этап в становлении предпринимательства охватывает Древнюю Русь и распадается на два относительно самостоятельных периода. Это период Киевской Руси, то есть период, когда у восточных славян появляется собственное государство (IX – XII века), и период феодальной раздробленности на Руси, хронологически продолжавшийся с XII века до конца XIV века [7]. Ведение предпринимательства на Руси в первом периоде связано исключительно с международной торговлей, благодаря проходившим через страну крупнейшим торговым путям того времени – «Великий путь из варяг в греки» и «Великий Волжский путь». Следовательно, говорить о каких-либо зачатках формирования института предпринима-

тельства на данном этапе преждевременно. Аналогичное заключение можно сделать и относительно второго периода – феодальной раздробленности Руси (как домонгольских, так и монгольских времен) – связанному с появлением и развитием уже внутренней межобластной торговли.

Второй этап условно назван авторами Московская Русь (вторая половина XIV–XVII века), поскольку в это время шел процесс укрепления прежде всего Московского царства и формировался новый тип государственного устройства, что самым непосредственным образом отразилось на предпринимательской активности [1, с. 48].

В свою очередь и второй этап может быть разделен на периоды: 1) становление Московского царства (вторая половина XIV – конец XV веков); 2) укрепление Московского царства (XVI век – первая половина XVII века); 3) расцвет и упадок Московского царства (конец XVII века). Естественно, что каждый из периодов имеет свои характерные черты.

Становление Московского царства с экономической точки зрения отличало возобновление предпринимательской деятельности в рамках существовавших на то время торговых маршрутов.

Период укрепления Московского царства, благодаря присоединению Сибири и Уральских земель, ознаменовался расширением уже существовавших торговых путей и, что гораздо важнее, появлением новых (Северный морской путь). Кроме того, именно в этот период появляется новая форма торговли – ярмарка, формируются привилегированные купеческие корпорации, развивается государственное и монастырское предпринимательство.

В период расцвета Московского царства закладываются юридические основы деловых отношений, что завершает формирование привилегированных торговых корпораций, а также закрепляет активное участие государства и в торговом (через объявления заповедных товаров) и в промышленном (строительство казенных мануфактур) предпринимательстве [7].

Конец XVII века, на который пришелся упадок Московского царства, был ознаменован усилением централизованной власти, еще большим закрепощением крестьян и сложившимися отношениями между властью и предпринимателями. Все это способствовало, на наш взгляд, определенной экономической, социальной и культурной изоляции России от Европы, которая к этому времени уже вступила на путь капиталистического развития.

Третий этап исторического и экономического становления института предпринимательства в России приходится на эпоху правления Императора Петра I с его нововведениями, включая послепетровское время (первая половина XVIII века) и Императрицы Екатерины II с ее реформами (вторая половина XVIII века).

Петровская политика в отношении поощрения государственного и частного предпринимательства, хотя и диктовалась, прежде всего, военными проблемами (Северная война), тем не менее способствовала созданию реального частного промышленного сектора экономики, который практически отсутствовал в предшествующий период [1, с. 49]. Помимо этого, ликвидация сформировавшихся к этому времени привилегированных купеческих корпораций, а также реформа существовавших гильдий, по убеждению автора, и качественно и количественно разнообразили предпринимательскую среду, позволив вовлечь в нее торгующее крестьянство.

Либеральный курс Екатерины II, направленный на всемерное поощрение промышленности и торговли, ознаменовал начало нового периода в развитии

предпринимательства. «Жалованная грамота дворянству» 1785 года открыла возможность более активного участия этого привилегированного сословия в предпринимательской деятельности, а «Жалованная грамота городам» 1785 года позволила купечеству окончательно оформиться в качестве самостоятельного сословия [7]. Существенное значение для развития института предпринимательства имеет еще и политика Екатерины II относительно активного вовлечения церкви и представителей других вероисповеданий России в предпринимательскую деятельность.

Однако, несмотря на очевидные успехи реформ, проведенных Екатериной II в торговле и промышленности, перехода на качественно новый тип отношений так и не произошло, что объясняется наличием в стране крепостного права и, как следствие, отсутствием реального рынка рабочей силы.

Четвертый этап формирования института предпринимательства в России – время зарождения и развития капитализма в XIX веке – также можно разделить на два самостоятельных периода. Первый – дореформенный (начало – середина XIX века); второй – пореформенный период, наступивший в результате отмены крепостного права в 1861 году и продолжавшийся условно до 1893 года [1, с. 49].

Первый период ознаменовался сменой мануфактурного производства фабричным, что и послужило началом промышленного переворота, который создал, в свою очередь, условия для перехода к капитализму и формированию института предпринимательства капиталистического типа.

Окончательно этот переход завершился во втором периоде, когда в результате отмены крепостного права в стране сформировался рынок рабочей силы, а программа строительства железных дорог, активно реализуемая в 1860-1880 годы, позволила завершить образование единого экономического пространства [7]. Главным достижением данного периода является появление класса буржуазии, сложившейся из представителей купечества, богатых сельхозпроизводителей и отчасти мещанства и состоятельных ремесленников.

Логическим продолжением второго периода стало монополистическое развитие капитализма в России, основанное на экономической модернизации С.Ю. Витте, продолжавшееся вплоть до 1914 года, а также период, охватывающий Первую мировую войну и Февральскую революцию (1914 год – октябрь 1917 года) [7].

Мощный экономический подъем, начавшийся в 1893 году, совпал с целой серией реформ, инициатором которых стал министр финансов С.Ю. Витте. Денежная реформа, введение винной монополии, реформирование законодательства в сфере акционерного учредительства, реформа коммерческого образования и другие способствовали бурному развитию предпринимательской активности практически во всех сферах экономики. В рассматриваемый период происходит окончательное социально-классовое и политическое оформление российской буржуазии, выразившееся в создании многочисленных представительских и профессиональных организаций, а также учреждение политических партий, выразивших интересы широких предпринимательских кругов [1, с. 49].

Впрочем, столь многообещающий для России подъем был прерван началом Первой мировой войны и последовавшими за ней политическими катаклизмами. Недопущение буржуазии до процессов стабилизации экономики с целью ограничить ее стремление к власти привело к тяжелым последствиям, самым тяжелым из которых стала перепрофилирование промышленности на военный лад. Последующая деятельность Временного правительства и продолжение военных действий усугубили социально-экономический и политический кризис в стране, что также

негативно отразилось на положении предпринимательства. Всеми этими событиями ознаменовался пятый этап развития института предпринимательства в России.

Шестой этап профессор А.А. Бессолицын и его соавторы условно обозначили, как этап крушения частного предпринимательства в России, начавшийся с Октябрьской революцией 1917 года и продолжившийся реализацией так называемой политики «военного коммунизма» (1918 год – март 1921 года). Провал данной политической программы привел к столь глубокому экономическому кризису, что необходимость пересмотра отношения к экономике стала очевидной даже для большевистского руководства страны. Результатом стало внедрение новой экономической доктрины – широко известной как НЭП (Новая экономическая программа).

НЭП ознаменовал поворот от бюрократически-централизованного командования к экономическим методам управления хозяйством с широкой опорой на инициативу и творчество частных предпринимателей. Именно НЭП обеспечил быстрый подъем производительных сил страны, улучшение жизни всех слоев общества, однако он шел вразрез с курсом на форсированную индустриализацию и поэтому был обречен. С начала 30-х годов XX века в СССР утвердилась модель государственного социализма с присущим ему внеэкономическим принуждением, милитаризацией труда, командно-приказными методами управления хозяйством. Следствием явилось полное уничтожение остатков частного предпринимательства и фактическая отмена НЭПа как экономической политики [7].

Следующий этап функционирования института предпринимательства в нашей стране начинается только в конце XX века в период Перестройки. Необходимо уточнить, что занятие предпринимательством в тот период было возможно лишь в некоторых сферах деятельности и не всегда носило легальный характер. Период с 1985 года по 1990 год специалисты определяют как законченный период перестройки, когда предпринимательство получило новое дыхание, и незаконченный период развития предпринимательства в современной России [1, с. 50].

Относительно седьмого этапа хронологии формирования института предпринимательства автор считает возможным уточнить, что в данный период появляются лишь предпосылки для возрождения предпринимательства, так как советская плановая экономика не предполагала ведения какой-либо предпринимательской деятельности. Поэтому автор полагает, что говорить о возрождении института предпринимательства в данный период говорить несколько несвоевременно, поскольку реальное возрождение, с нашей точки зрения, начинается только после 1991 года.

В новейшей истории российского предпринимательства принято выделять четыре этапа [3, с. 328]:

- 1) 1992-1994 годы;
- 2) 1994-1996 годы;
- 3) 1996-1998 годы;
- 4) 1999 год – по настоящее время.

Итак, первый этап, с точки зрения профессора В.М. Кудрова, охватывает 1992 – 1994 годы. Страна находится в глубоком политическом, экономическом и социальном кризисе, причиной которого стал распад СССР, повлекший за собой столь глобальные изменения во всех сферах деятельности.

Второй этап с 1994 года по 1996 год ознаменовался положительными изменениями в экономике, не последнюю роль в которых сыграли и укрепляющиеся позиции института предпринимательства.

На 1996-1998 годы приходится третий этап, где ключевым становится вопрос о возобновлении экономического роста, появляются его признаки, но дефолт 1998 года радикально меняет ситуацию и определяет следующий этап реформ.

Отличительной особенностью четвертого этапа, начавшегося в 1999 году, является, по нашему мнению, оформление института предпринимательства в отдельную самостоятельную единицу российской экономики.

Список литературы

1. Бессолицын А.А. Основные этапы становления и развития российского предпринимательства // Управление собственностью: теория и практика. – 2008. – № 4. – С. 45-50.
2. Грядов С.И. Теория предпринимательства. – М.: КолосС, 2007. – 328 с.
3. Кудров В.М. Мировая экономика: Учебник / В.М. Кудров. – М.: Юстицинформ, 2009. – 512 с. – (Серия «Образование»).
4. Недорезова Е.С. Предпринимательство в системе рыночных институтов экономики России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Самара, 2013. – 28 с.
5. Паевская С.Л. Трансформация предпринимательства в России в историческом контексте // Материалы III Международной научно-практической конференции «Проблемы теории и практики современной науки». Научно-образовательное учреждение «Вектор науки». – Таганрог, 2015. – С 193-209.
6. <http://fnpr.org.ru/macroeconomics/razvitiya-predprinimatelstva-v-rossii> (Дата обращения 10.02.2018).
7. http://www.0ck.ru/ekonomika_i_ekonomicheskaya_teoriya/razvitie_predprinimatelstva_v.html (Дата обращения 10.02.2018).

ФЕНОМЕН МИРОВЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ РЕЙТИНГОВ: ПЕРСПЕКТИВА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Пашков М.В.

доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии, канд. филос. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург

Кузьмина О.В.

аспирант кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается феномен мировых университетских рейтингов и их обусловленность социокультурной средой общества. Такой ракурс рассмотрения позволяет раскрыть идеологическую составляющую университетских рейтингов и их роль в развитии организационной структуры и образовательной практики отечественных университетов.

Ключевые слова: университетский рейтинг, социокультурная среда, глобализация, The Times Higher Education или ТНЕ, Академический рейтинг университетов мира Шанхайского университета или ARWU.

Существование и развитие современного мира неразрывно связано с формированием нового уровня его интегрированности и целостности. Усилившуюся взаимозависимость мирового сообщества чаще всего именуют термином «глобализация». Глобализация – это «не просто новая среда, в условиях которой различные общества растут и изменяются». Ее проявлением становятся «социальные, политические и экономические связи, которые пересекают границы государств, формируют единое для всех стран социальное пространство и властно вторгаются в судь-

бы людей» [2]. Однако становление глобальной системы сопровождается не только процессами интеграции и унификации, но и, как справедливо отмечают неонституционалисты, ослаблением суверенитета национальных государств, являвшихся главными действующими лицами международных отношений на протяжении многих веков [9].

Процесс глобализации как двуединый процесс превращения всеобщего в особенное, а особенного во всеобщее меняет и наше отношение к жизни: триумф национальной и когнитивной рациональности уступает место виртуализации, фрагментаризации, консьюмеризации, релятивизации, возрастанию неопределенности и даже шизофренизации сознания человека [3]. Гармония, которая сопровождалась отстраненностью от всякой насильно насаждаемой внешней «модальности» и на начальном этапе глобализации позиционировалась как процесс с обязательным сохранением национального в каждой стране, в наши дни предстает уже как интернализация с лицом международной стандартизации и унификации социально значимых процессов.

Применительно к высшему образованию структурами или стандартами, направляющими развитие единого мирового образовательного и научно-исследовательского пространства, выступают международные рейтинги университетов, которые представляют собой философию и практику внешнего оценивания и ранжирования университетов в иерархическом порядке. При этом рейтинги университетов в эпоху глобализации, как полагают некоторые исследователи, неизбежны (*inevitable*). Они представляют собой социальный механизм, который стимулирует процесс модернизации в вузах и побуждает их соревноваться на глобальном уровне за финансирование, репутацию, студентов, лучший профессорско-преподавательский состав [10].

Сегодня институт высшего образования – это один из наиболее реформируемых социальных институтов глобальной системы. Развитие современных университетов в большинстве национальных государств характеризуется очевидной тенденцией к конвергенции, т.е. к формированию общих, схожих организационных структур и систем общепринятых образовательных практик.

Катализатором их реформирования бесспорно является Болонский процесс как посылка и результат глобализации национальных систем образования. Именно этот процесс, как свидетельствуют многочисленные публикации, ориентирует высшее образование на создание университетов мирового уровня, качество образования в которых соответствовало бы принципам конвергенции и стандартизации их деятельности как носителей мировой, космополитической системы знаний на пространстве Западной Европы и в странах за ее пределами.

Однако, как реформировать университеты, если для такого сложного социума, каким является наш мир, характерен «эффект *временного дисхроноза*: в одном социальном пространстве сосуществуют люди, фактически живущие в разных *темпомирах*: моральные представления одних групп могут относиться к одному социальному времени, а других – к другому» [5].

Проще всего ответить на этот вопрос, если обратиться к международным рейтингам университетов. Их создатели (рейтинговые агентства) утверждают, что ранжируют университеты, руководствуясь только стандартами и критериями совершенствования современного глобального мира. По их мнению, рейтинговые системы позволяют выявить учебные заведения с высоким уровнем учебных и научных достижений, а также, что не менее важно, являются показателем конкурент-

ных преимуществ вузов, получивших высокую оценку. Статус образовательного заведения, основанный на международной рейтинговой системе оценок, признается во всем мире и свидетельствует о больших достижениях вуза, позволяющих ему сохранять привилегированное положение среди университетов и, как следствие, иметь успех в привлечении больших объемов финансирования, лучших студентов и лучшего преподавательского состава.

При этом стороной обходится тот факт, что социальные пространства, из которых он соткан и в которых функционируют университеты, развиваются неравномерно и что заимствование образовательных практик и организационных структур, успешно работающих в одних университетах, может привести к крайне негативным последствиям в других, в которые они приносятся. И причиной этого являются не столько деятельность и предпочтения университетов, сколько та социальная среда, которая задает логику их развития и определяет их приоритеты.

Не случайно дискуссии по поводу доверия к университетским рейтингам продолжаются до сих пор. Сомнению подвергается как их репрезентативность, методика сравнения и интерпретация получаемых данных, так и возможность формализовать и выразить числом исследовательскую и научную эффективность деятельности вузов.

Согласимся, что поставить под сомнение научную объективность и беспристрастность мировых университетских рейтингов вряд ли могут те критерии и показатели, которые характеризуют развитие и функционирование университетов как институтов накопления и межпоколенной трансляции знаний и к которым можно отнести международную мобильность студентов, цитируемость научно-педагогических кадров, количество преподавателей и студентов и т.п. Если рейтинги университетов и можно рассматривать как «искусственные конструкторы», подобно понятиям «средний класс», «качество образования», то только лишь потому, что цели и задачи конвергенции и стандартизации мирового образовательного пространства они связывают с интересами развития отдельных образовательных систем, например, англо-саксонской (рейтинг, составляемый «Таймс» в приложении «Высшее образование» (THE), или азиатской, когда речь идет об Академическом рейтинге университетов мира Шанхайского университета (ARWU), которые посредством привязанных к ним рейтингов позиционируются в качестве моделей развития университетов в эпоху глобализации.

Конфликт между императивом следовать требованиям международных рейтингов и эффективностью системы высшего образования того или иного общества порождает то обстоятельство, что деятельность университетов исторически складывалась и развивалась не только в автономном ценностно-правовом поле, но и была привязана к экономическим, политическим и социокультурным процессам того общества, в котором развивалась их «душа и тело». В этой связи «общепланетарный глобализм» как социально-педагогическое явление, если и может стать основой гармонизации (и гуманизации) содержательной и организационной части образовательного дискурса, то лишь в той мере, в какой университет его может воспринять, а общество – поддержать.

Кроме того, рейтинг – это все же не столько эмпирически очевидный и непререкаемый «артефакт», сколько «конструкт», содержание которого складывается в ходе исследования. Отличие «конструкта» от «артефакта», как заметили еще В. Вахштайн и Д. Куракин, состоит в том, что содержание «конструкта» предопределено не столько методикой исследования, сколько выбором его идеологической

составляющей [1]. За примером того, что ориентация на социокультурную составляющую целевой потребительской группы определяет концепцию рейтинга и его показателей, далеко ходить не надо. Ярким проявлением этого является, например, резкое повышение репутации российских вузов в 2015 году в рейтинге The Times Higher Education. А причина оказалась достаточно банальной. Выборку экспертов, оценивающих вузы, расширили, написав анкеты на русском языке и подключив к опросу русскоязычный слой научно-образовательного пространства. В результате статус российских вузов в структуре репутационного рейтинга резко вырос. А привело ли это к каким-либо существенным изменениям в российском образовательном пространстве и в социально-экономической сфере российского общества? Вопрос, ответ на который так и не получил однозначного суждения.

В настоящее время существует множество рейтингов: предметные, молодых вузов, инновационных и национальных университетов, а также рейтинги инженерных, медицинских, естественнонаучных вузов и т.д. Все они, как правило, конструируются на основе методики многомерного ранжирования и опираются на изучение объективных и субъективных данных, часть которых предоставляется самими университетами, часть формируется на основе экспертного опроса известных ученых, предпринимателей и общественных деятелей, а часть черпается из общедоступных информационных ресурсов. Полученным данным присваивается удельный вес. Суммирование удельного веса заявленных данных и позиционируется как итоговая оценка деятельности вузов. Оцениваться могут как вузы в целом, так и отдельные образовательные программы обучения, и предметы.

Среди наиболее популярных и влиятельных международных рейтингов выделяются ежегодный рейтинг университетов мира, составляемый и публикуемый «Таймс» в приложении «Высшее образование» (The Times Higher Education или THE), и Академический рейтинг университетов мира Шанхайского университета (Academic Ranking of World Universities или ARWU), а также Quacquarelli Symonds (QS).

Рейтинг лучших университетов мира (THE), публикуется издательством «The Times Higher Education» с 2010 года. Он пришел на смену популярному рейтингу World University Rankings, который публиковался изданием совместно с компанией Quacquarelli Symonds с 2004 года. Новый рейтинг составляется по методике, разработанной при участии информационной группы Thomson Reuters. По итогам ежегодного исследования составляется рейтинг 400 лучших университетов мира. В рейтинг не включаются лишь университеты, которые занимаются только специфическими областями исследований и имеют менее 200 научных публикаций в год.

Уровень достижений университетов оценивается на основании комбинации данных статистического анализа их деятельности и результатов ежегодного экспертного опроса представителей международного академического сообщества и работодателей. Опросы охватывают десятки тысяч респондентов из большинства стран мира. Критериями отбора экспертов служит анализ их продуктивности и цитируемости (наличие не менее 50 опубликованных научных работ), а также преподавательская и научная деятельность в высших учебных заведениях более 16 лет.

Оценка деятельности высших учебных заведений складывается из 13 показателей. Основными среди них рассматриваются международная студенческая и преподавательская мобильность, количество международных стипендиальных программ, уровень научных исследований, вклад в инновации, индекс цитируемости

научных статей, уровень образовательных услуг и так далее. Все оценки нормируются и приводятся к 100-балльной шкале.

Результаты международного опроса экспертов используются также для создания субрейтинга научной репутации университетов мира (The World Reputation Rankings), который создается в рамках проекта отдельным изданием.

Рейтинг QS World University Rankings составляется компанией Quacquarelli Symonds с 2010 года. Он ранжирует университеты на основе таких критериев, как академическая репутация вуза; его репутация среди работодателей; соотношение преподавателей и студентов; сколько цитат приходится на одного преподавателя; какова доля иностранных преподавателей и иностранных студентов.

Эксперты ARWU придерживаются несколько иных критериев, их интересует то, сколько выпускников и сотрудников вуза получили Нобелевскую премию или медаль Филдса; каков индекс цитируемости научных статей их сотрудников в двадцати одной дисциплинарной области; сколько статей опубликовано сотрудниками в журналах «Nature» и «Science» и проиндексировано в SCIE и SSCI; какова академическая производительность относительно размера институции.

Конструирование каждой рейтинговой системы имеет свою методологическую и социокультурную особенность и специфику. Это следует уже из того набора критериев, по которому оценивается деятельность университета, а также той доли и веса, которые им придаются в общей оценке «на выходе». Если, например, сравнить действующие критерии образовательных рейтингов THE и ARWU (таблица), представляющих соответственно европейский и азиатский образовательные регионы, то мы увидим, что ни один из критериев двух рейтингов не совпадает. Более того, рейтинги стоят на абсолютно разных социокультурных платформах.

Таблица

Основные показатели рейтингов

Номер критерия	THE (%)	ARWU (%)
1.	Преподавание: среда обучения (30%)	Квалификация преподавателей (сотрудники университета, получившие Нобелевскую премию или медаль Филдса) (40%)
2.	Исследования: объем, доход, репутации (30%)	Достижения в области научных исследований (публикации в “Nature”, “Science”) (40%)
3.	Цитаты: влияние исследований (30%)	Качество образования (выпускники, получившие Нобелевскую премию или медаль Филдса) (10%)
4.	Международная перспектива: люди, исследования (7,5%)	Производительность на душу населения (10%)
5.	Доход от индустрии: инновации (2,5%)	

Рейтинг THE делает акцент на баланс основных движущих сил современного университета: преподавания, научных исследований, публикаций и международной активности, призванных развить духовный и интеллектуальный потенциал обучающихся, укрепить господство рыночных отношений, европейских ценностей и предпринимательства [12]. Не даром англо-саксонская система высшего образования позиционирует себя как комплексная, включающая в себя абсолютно все аспекты, способствующие созданию привлекательной социальной среды обучения, исследования, деятельности и жизни.

В то же время рейтинг ARWU целиком привязан к научной и исследовательской деятельности образовательного учреждения, так как во внимание принимает лишь количество нобелевских лауреатов, уровень цитируемости исследователей, работающих в университетах, и количество опубликованных статей. Это обусловлено тем, что характерной чертой азиатской образовательной модели является не столько образовательный процесс, сколько его результат. Во всем, что ты делаешь, ты должен быть ориентирован на высокий результат, и не важно каким способом ты его добьешься.

Исследователи разных стран активно обсуждают целесообразность, преимущества и недостатки существующих университетских рейтингов. Многие из них даже ставят под сомнение их объективность. Тем не менее это не мешает многим странам ориентировать свои вузы на здоровую конкуренцию за высокие места в этих рейтингах. Предполагается, что именно конкуренция на международном уровне заставляет вузы развиваться и добиваться новых научных, исследовательских и инновационных высот.

К этим странам относится и Россия. Свои приоритеты в области международного образовательного пространства она заявила пять лет назад в программе «5-100», отобрав 5 вузов, которые получили политическую и финансовую поддержку и перед которыми была поставлена задача: попасть в топ-100 международных рейтингов.

Какова же эффективность реализации этой программы? Как чувствуют себя российские вузы в самых известных и авторитетных рейтингах? Имеют ли они шансы приблизиться к лидерам этих рейтингов – вузам Великобритании, США и Китая? Мнения по этим вопросам как всегда разделились.

Например, эксперты Международной конференции Российской ассоциации исследователей высшего образования считают, что «проект «5-100» – одна из самых успешных госпрограмм последнего времени». Она позволила многим вузам, исследовательским группам и отдельным молодым ученым заявить о себе на международном образовательном пространстве [4].

Тогда как противоположная точка зрения утверждает, что задача «опасть в топ-100 международных рейтингов для наших вузов – задача вообще не из простых». Ведущие рейтинги «нашим университетам, прямо скажем, не льстят». Так, в рейтинге Quacquarelli Symonds (QS) многие наши вузы, кроме МГУ и Новосибирского государственного университета, «потеряли свои позиции». Причины называются разные: низкая научная цитируемость, отсутствие опыта у университетской профессуры совмещать преподавание с исследовательской и публикационной активностью. Поэтому даже с учетом поддержки, которую университеты получают по программе "5-100", «ждать от них скачка в лидеры не стоит» [7].

Противоречивое отношение к возможностям российских вузов в рейтинговой конкуренции с ведущими вузами мира обусловлено, на наш взгляд, не столько уровнем организации и качеством образовательного процесса, сколько социокультурной доминантой самих рейтингов.

Как известно, мировые университетские рейтинги заявляют о себе как о наднациональных стандартах, которые якобы указывают как должно развиваться образование в XXI веке, чтобы обеспечить гармонизацию (и гуманизацию) современного глобального мира. Однако заявленные в этих рейтингах показатели и критерии, отнюдь не универсальны, а утверждают доминантное положение либо англо-саксонских университетов и англо-саксонской культуры, либо китайских

университетов и соответствующей культуры в сфере мировой науки и высшего образования, т.е. по сути дела отражают сугубо национальный контекст развития университетов, ориентируя их на освоение тех компетенций, которые формируются экономическими, политическими, социальными и духовными потребностями той социальной среды, в которой реализуется образовательная и научно-исследовательская деятельность.

Безусловно российское образование как социально-педагогическое явление должно расширять связи с международным научно-образовательным сообществом, стать релевантным, мобильным, сопоставимым, привлекательным в мировом пространстве высшего образования. Однако достижение этой цели российскими университетами связано с радикальной трансформацией основ, сущности и целей исторически сложившейся практики своей деятельности: преодолением разделения образования и исследования. Это обусловлено тем, что в России университеты традиционно позиционировали себя как институты образования и просвещения, тогда как исследовательская деятельность была прерогативой институтов Академии Наук. В российских университетах культура исследовательской работы и публикационной активности только начинает формироваться. И уже имеются определенные достижения.

Как свидетельствует статистика, научно-исследовательский потенциал российского образования растет, хотя, может быть, и не такими темпами, как требуют мировые университетские рейтинги. Так, если в период 2000 – 2010 годов доля России в общем числе публикаций в журналах, индексируемых «WEB of Science», составляла 2,5% – 3% [8], то согласно статистике базы данных Scopus на 9 января 2016 года публикации по физике и астрономии составили 19,9% (16 481 публикация), инженерным наукам 11% (10 672), материаловедению 11% (9914), химии 9,2% (7787), математике 6,4% (5612), биохимии, генетике и молекулярной биологии 5,9% (5077), наукам о Земле и планетах 5,8% (4848), медицине 5,3% (4130), социальным наукам 2,7% (3995), компьютерным наукам 4% (3493) [11].

Однако решение исторически не свойственных для российских университетов задач, а именно, включение в свою деятельность научно-исследовательской составляющей, существенно повлияло на качество образования, которое оказалось оторванным от потребностей, целей, норм (стандартов) и условий развития своей национальной социальной среды. О чем может свидетельствовать большое количество выпускников российских вузов, работающих не по специальности. Так, по данным на 2016 год работают не по специальности 34% выпускников инженерно-технических вузов, 23% – гуманитарных, 23% – естественно-научных и только выпускники медицинских вузов все работают по специальности [6].

В связи с тем, что было сказано выше, мы полагаем, что первостепенной задачей образовательного дискурса российских университетов все же должно стать оказание помощи российскому обществу в преодолении внешних вызовов со стороны развитых стран, в преодолении сложившейся зависимости от их технологий, оборудования, патентов и т.п.

Для общества, которое находится в состоянии модернизации своей социальной среды, важен не столько образовательный процесс сам по себе, хотя его гармонизация с университетами, занимающими передовые позиции в мировых университетских рейтингах, и способствует совершенствованию принципов построения смысловой, сущностной архитектуры Университета и системы высшего образования в целом, сколько его результат: количество новых идей и технологий, внедрен-

ных в отечественное производство, количество студентов, подготовленных с учетом приоритетов модернизации экономики и технологического развития Российской Федерации и востребованных на отечественном рынке труда. В противном случае ситуация в российском обществе может сложиться подобно истории с лампой накаливания, изобретенной русским ученым А.Н.Лодыгиным: сорокалетний юбилей изобретения в Петербургском электротехническом институте, как это не было бы странно для россиянина, проходил при освещении помещений лампами, произведенными за рубежом, на заводе Эдисона.

И в заключении хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. Для того, чтобы образовательные дискурсы российских университетов теснее смыкались с целями, задачами и потребностями именно российского общества, мнение отечественных экспертов о необходимости создания продуманного национального рейтинга вузов не столь уж и лишено смысла.

Список литературы

1. Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю. Качество образования на социологической кухне. Директор школы. 2010. № 6 (149). С. 17-22. URL: <http://ecsocman.hse.ru/direktor/msg/33542150.html>
2. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. ISBN 5-7777-0304-6.
3. Гишинский Я.И. Девиантность и социальный контроль в обществе постмодерна: краткий очерк // Общество и человек. № 3,4. 2015. С. 89-99.
4. Зачем российские вузы пробиваются в международные рейтинги. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26747.5/3776239/>
5. Кравченко С.А. Сложное общество: необходимость переоткрытия морали. В: Проблемы теоретической социологии. Вып.8. – СПб: Скифия-Принт, 2011. С.79-80.
6. Поколение Y: Трудоустройство по специальности. URL: <http://www.acig.ru/ru/full/news8/pokolenie-y-trudoustrojstvo-po-spcialnosti/>
7. Российские вузы просели в международном рейтинге. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26744/3773683/>
8. Федеральная служба государственной статистики. Россия и страны мира – 2010 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_39/Main.htm/
9. Abercrombie N. The Penguin Dictionary of Sociology. Fourth edition. М.: «Экономика», 2004. P. 81-82.
10. Marijk van der Wende Rank or to be ranked: The impact of Global Rankings in Higher Education. P. 306-309. Режим доступа: http://www.cshe.unimelb.edu.au/people/marginson_docs/Marginson&VanDeWendeJSIEFallWinter07.pdf
11. Russian Science Citation Index. URL: <http://pavel-kasyanov.blogspot.ru/>
12. Soh Kay Cheng. Mirror, mirror on the wall: a closer look at the top ten in university rankings / Soh Kay Cheng // European J. of Higher Education. – 2011. – Vol. 1, No. 1. – P. 77–83.

ДЕМОКРАТИЯ И ЛИБЕРАЛИЗМ В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМОДИНАМИКИ

Уланов В.В.

заведующий кафедрой общегуманитарных дисциплин, канд. филос. наук,
Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического
университета, Россия, г. Калуга

Исходя из того, что демократия и либерализм не являются ни ценностями, ни выражением законов природы, автор анализирует их влияние на общество с точки зрения законов социальной термодинамики.

Ключевые слова: демократия, либерализм, социальная термодинамика, социальная энергия.

Исписаны тонны макулатуры, прославляющей либерально-демократические ценности: все имеют право на публичное выражение своего мнения и все мнения важны, права и свободы каждого человека являются высшей ценностью и т.п. При этом как-то упускается, что *ни демократия, ни либерализм не являются выражением каких-либо законов природы*, как, например, законы термодинамики или законы антропогенеза. Демократия и либерализм это даже и не ценности, а всего лишь искусственно придуманные *инструменты организации и управления обществом*, которые в одних условиях и при соблюдении меры, могут работать на его эффективное функционирование и развитие, но в других условиях или при несоблюдении меры, будут работать на его разрушение.

Рассмотрим эти явления с точки зрения термодинамики. Кто-то удивится: термодинамика это раздел физики, изучающий поведение термодинамических систем, состоящих из большого количества частиц – элементов со случайным поведением, обменивающихся энергией между собой и внешней средой и оперирует такими фундаментальными понятиями, как энергия и энтропия. Но, как показывает В.Н. Ильин в своей великолепной книге «Термодинамика и социология» [1], общество включает в себя большое количество людей, которым присуще случайное поведение и которые в процессе своего взаимодействия обмениваются энергией между собой и внешней средой, т.е. общество – та же термодинамическая (далее ТД) система.

Приведем несколько базовых аналогий. В социальной энергии человека В. Ильин выделяет кинетическую и потенциальную составляющие. *Кинетическая энергия человека* (аналог хаотического теплового движения частиц) выражается в его действиях, продиктованных инстинктом самосохранения и обеспечивающих реализацию его личных интересов. Но ни движение частиц в классической ТД системе, ни инстинктивное движение человека в обществе никогда не бывает полностью хаотическим, потому что всегда происходят в некоем физическом поле, а движение людей происходит в поле неких коллективных идей, законов, интересов и пр. В обоих случаях имеет место некое упорядочивание движения. *Потенциальная составляющая энергии человека* в социуме определяется силой межличностных внутригрупповых и межгрупповых связей, и аналогично потенциальной энергии молекул в узлах кристаллической решетки (зависящей от силы связей в кристалле), зависит от жесткости рамок морали, законодательства, то есть от общественных взглядов и государственного устройства. *Индивидуальная составляющая потенциальной энергии человека* (аналог внутримолекулярных и внутриатомных сил) определяется его психическим складом, духовностью, нравственностью, интеллектуальным потенциалом. Потенциальная энергия жизненных сил, при определенных обстоятельствах перетекает в индивидуальную составляющую кинетической энергии действия и наоборот.

В физическом мире, при неизменной полной энергии тела, кинетическая и потенциальная составляющие его внутренней энергии всегда находятся в *антагонизме* – чем больше одна, тем меньше другая. Физическая причина этого антагонизма в том, что повышение уровня внутренней кинетической энергии вызывает ослабление межэлементных связей и снижение потенциальной энергии. В социальном мире оказывается также! У частного собственника, ориентированного на свои материальные интересы, всегда велика кинетическая энергия, а социальные и духовные интересы оказываются на заднем плане. У коллективиста – общественника, наоборот – велика потенциальная энергия социальных связей, но кинетическая,

связанная с заботой о себе, с накоплением личного материального благосостояния всегда меньше. То есть и здесь антагонизм двух социальных энергий очевиден.

В классической термодинамике все тела делят по своему фазовому состоянию на газы, с пренебрежительно малыми связями между молекулами, жидкости и твердые тела, где эти связи сильнее. Так и в обществе, по Ильину, можно выделить общества «газоподобного» типа – страны с развитым индивидуализмом и либеральной идеологией, где низок уровень социальных связей (каждый за себя). К странам «твердотельного» типа можно отнести общества с коллективистскими социальными связями (мы вместе против проблемы), с объединяющей сплачивающей всех тоталитарной и авторитарной идеологией. Переходные общества «жидкостного» типа – где сочетается идеологический плюрализм с ограничением допустимого свободомыслия, свобода предпринимательства с четким регулированием рыночных отношений.

Со школьной скамьи мы помним про первое, второе начала термодинамики. *Первое начало*, известное как *закон сохранения энергии*, утверждает, что невозможно полное преобразование какой-либо энергии в работу, т.к. часть энергии будет затрачена на само преобразование. В применении к социуму это означает, что *полное превращение социальной энергии в духовную или материальную потребительскую стоимость невозможно и будет сопровождаться неизбежными потерями*. В социальные потери включается все, что, возникая в процессе создания социального продукта, не может быть использовано обществом (производственные отходы, социальные растраты из-за плохой организации, использования устаревшего оборудования или устаревших идей и пр.). Однако величина потерь может существенно меняться в зависимости от степени и форм регулирования социальной деятельности (военное или экономическое принуждение, энтузиазм, саморегулирование и т.п.).

Если все это перевести на простой житейский язык, то получится, например, следующее: построенные яхта или вилла содержат в себе долю социальной энергии и если они могут (например, как базы отдыха) многократно использоваться гражданами общества, то доля этой энергии будет многократно возвращаться в общество. Если же этой яхтой или виллой может пользоваться только владелец-олигарх, то вся энергия, затраченная обществом на их построение, фактически превращается в социальные отходы и потери. Чем больше социальной энергии будет закачиваться в такие индивидуальные владения и капсулироваться в них, тем эти владения будут богаче, но страна как целое будет слабеть.

Вспомните феномен Второй мировой войны. Почему сильные и богатые страны Западной Европы легли под Гитлера, не сумев оказать ему серьезного сопротивления? Франция, например, не была слабее Германии. Принято говорить, что причина в предательстве правительств этих стран. Возможно. Но может дело еще и в проявлении законов, о которых мы говорили: *первого начала термодинамики, антагонизма кинетической и потенциальной социальной энергии*? Гитлер, готовясь к войне, под лозунгом «пушки вместо масла!» собрал в кулак все ресурсы страны. Чтобы противостоять стальному кулаку Гитлера, нужно было и другим странам собирать все свои ресурсы в такой же кулак. Но как это сделать, если ресурсы отнюдь не бедных стран Европы в соответствии с их идеологией индивидуализма и заботы каждого прежде всего о себе, расплылись на тогдашние «яхты и виллы» состоятельных граждан, и соответственно, оказались слабыми потенциальные силы, делающие государство целостным и сильным. Только СССР, в котором забо-

та каждого о себе была минимальной и все ресурсы которого под лозунгом «все для фронта, все для победы!» были собраны в кулак, сумел обломать зубы Гитлеру.

Еще примеры. Пока Русь была раздроблена – князья обладали большей свободой (кинетической энергией), но их могли бить по-отдельности. Когда объединились – их свобода ограничилась, но Русь как целостность стала сильнее (кинетическая энергия перешла в потенциальную, возрос уровень внутренней организации Руси как целостности). А почему монорелигии, исторически оказались сильнее религий с многобожием? Не потому ли, что религиозная формула «Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим...» на языке социальной термодинамики означает, что всю энергию своих молитв, мыслей и дел все должны отдавать в единый центр, в один мощный кулак, с помощью которого можно не только защищаться, но и эффективно нападать.

Второе начало классической термодинамики утверждает неотвратимость роста *энтропии* (рассеивания энергии) в закрытых системах с необратимыми процессами. Утверждает, что в природе всегда происходит то, что наиболее вероятно, а наиболее вероятным является то состояние системы, которое требует для своего существования минимального количества энергии. Проще говоря, ТД система при отсутствии внешних воздействий, всегда будет стремиться к наименее энергозатратному, экономному состоянию, все самопроизвольные процессы преобразования энергии будут протекать только в направлении усиления энтропии.

На бытовом уровне смысл второго начала каждому из нас хорошо знаком: для создания чего-либо или хотя бы поддержания порядка у себя дома, нужно затрачивать энергию, а если этого не делать, то разрушение и беспорядок образуются сами и неотвратимо. На социальном уровне аналогично может деградировать и государственное устройство, и духовность.

Для понимания фундаментальных оснований протекания социальных процессов, подчеркивает В. Ильин, важно учитывать *четыре принципа самоорганизации энергии*, определяющие направление её изменений:

1. Стремясь к устойчивому состоянию, система всегда стремится принять форму с минимальной потенциальной энергией, а поскольку величина последней пропорциональна величине различий, *будет стремиться к минимизации различий*.

Значит принцип Шарикова – «все отнять и поделить!» – имеет «фундаментальные» основания. Поэтому Шариковы будут появляться самопроизвольно всегда и везде и для развития или хотя бы сохранения социальной организации, руководству нужно очень внимательно отслеживать процессы самоорганизации и не допускать уравниловки, минимизации различий и прочих энтропийных процессов.

2. Любая социальная система, предоставленная сама себе, *будет стремиться занять наименее организованное состояние* и, если не тратить энергию на поддержание установленных порядков – неизбежно наступят неразбериха и крах. Источником беспорядка будут сами служащие, которые в соответствии с теми же началами ТД постараются выполнять свои обязанности наиболее удобными для себя способами – т.е. с наименьшими затратами энергии.

Поэтому профессор Преображенский (из того же «Собачьего сердца» М. Булгакова) был абсолютно прав, когда говорил, что «разруха в доме начинается с разрухи в голове!». В чем «разруха в голове?» – как раз в том, что четкая продуманная организация дела и ответственность за невыполнение обязанностей, начинает размываться под лозунгами «права и свободы каждого человека являются высшей ценностью», «все имеют право на выражение своего мнения и все мнения важны...»

Вспомните как разваливали СССР. Первые удары были направлены на ослабление идеологических скреп и контролирующих государственных органов! Начали оплевывать, шельмовать и распускать наиболее эффективные и боеспособные структуры КГБ, МВД и армии, под предлогом «там совершались преступления и вообще, зачем они нам нужны?». Начались послабления в экономике: стали исчезать положения об ответственности за невыполнение директивных планов и показателей, четкие ГОСТы (Государственные стандарты) стали заменяться расплывчатыми техническими условиями (ТУ), додумались даже до «выборов директоров трудовыми коллективами» на государственных предприятиях. Правда опыт такой «производственной демократии» быстро показал к чему она приводит, и от этой глупости быстро отказались.

Как это не покажется странным, даже циничным, но, как справедливо отмечает В. Ильин, *зло, насилие, тоже зачастую являются не чем иным, как проявлением второго начала термодинамики*, стремлением человека к наиболее энергетически экономному поведению, образу жизни.

Сколько нужно сил, времени, средств, затрат энергии, чтобы что-то вырастить, создать, построить для обеспечения своей жизни всем необходимым? А сколько нужно затрат энергии, чтобы украсть, отнять выращенное, созданное или построенное другим? С энергетической точки зрения, затраты зачастую несопоставимы. Значит преступные поползновения по этому основанию всегда были и, к сожалению, всегда будут. И чем более гуманными и либеральными будут законы и практика их применения, при прочих равных условиях, тем больше будет преступлений.

3. Любая система самопроизвольно изменяется, *трансформируется лишь в той минимальной степени, которая необходима ей для продолжения своего существования.*

Проще говоря, самопроизвольные социальные изменения всегда идут постепенно, незаметно, «с самыми добрыми намерениями», но только в сторону уменьшения порядка и организованности! Поэтому, например, инженеры говорят: если хорошая техника вдруг стала давать сбои, – ищи «рационализатора», который решил что-то упростить! Если при сохранении внешних условий в организации стала уменьшается производительность или качество труда – ищи того, кто стал менее требовательным к соблюдению технологии или к выполнению персоналом установленных правил и инструкций, т.е. тоже решил что-то упростить, ослабить.

4. В замкнутых системах (не получающих подпитки извне) *все самопроизвольные процессы протекают только с рассеянием энергии*, и, если нет затрат энергии на поддержание порядка, *наступает хаос*, как наименее организованное и наиболее устойчивое состояние.

Но здесь нужно сделать два крайне важных примечания. Первое: все социальные системы являются открытыми, т.е. могут получать подпитку энергии извне или изнутри, при определенных условиях. Второе, хаос – это совокупность множества потенциально возможных состояний, которые *равновозможны*, лишь пока нет условий для преимущественного проявления какого-либо. Но как только появляется фактор, создающий условия для более вероятного появления той или иной организации – система скачком переходит на новый уровень организации. Далее процесс повторяется: энергия, предоставленная сама себе, будет искать наименее затратный способ своего существования.

Выводы. Чем больше «демократии и либерализма» в обществе, тем больше каналов рассеяния социальной энергии и капсулирования её в отходы, тем слабее

общество как целостность, тем скорее оно будет скатываться к неразберихе и хаосу. Но с другой стороны, чем больше демократии, тем больше идей и вариантов самодеятельности, из которых можно выбрать лучший. Хаос не всегда чреват гибелью общества, иногда только из хаоса можно скачком перейти на принципиально другой более высокий уровень социальной организации, что невозможно в условиях стабильного общества. Вспомните опыт революций в России.

К 1917 году, слабость царского режима в решении назревших социальных проблем привела к хаосу и государственному перевороту, после которого хаос еще более усилился, и Россия могла «покатиться» в любую сторону. Вспомните тогдашнюю отчаянную борьбу во власти: куда далее двигаться России? С приходом к власти И. Сталина, страна стала переходить на принципиально другой – социалистический уровень социальной организации. Была стратегическая идея – куда и как идти и жесткая ответственность за организацию дела и результаты, т.е. были весьма четкие антиэнтропийные меры. Еще одно принципиально важное замечание – сталинские принципы социалистического общества были весьма созвучны со старорусскими принципами общинного образа жизни не вызывали энтропийного инстинктивного неприятия в народе.

Никакой частной собственности, только государственная (та же общинная, только в национальных масштабах) и колхозно-кооперативная; опора на коллективизм; планирование и производство не ради прибыли, а для общей пользы (как было в русских общинах); четкая вертикаль управления, дисциплина и спрос за результаты, все кадры проверяются в деле, каждый должен заниматься тем, к чему имеет талант и квалификацию (так всегда было в общинах); выкупить или унаследовать государственную (как и общинную) собственность нельзя; семья – непреходящая ценность, если что-то случилось с кормильцем – государство (как было в общинах) возьмет на себя заботу о детях и т.д.

Поэтому, несмотря на ошибки и перегибы, удалось модернизировать страну, выиграть войну против Гитлера, на которого работала практически вся Европа, поразительно быстро восстановиться после войны, что отметили даже вечные недруги России Великобритания и США. М. Тэтчер (бывшая премьер-министр Великобритании) в 1991г. откровенно сказала, что СССР был страной, представлявшей серьезную угрозу для Западного мира, причем не в военном смысле, а в экономическом, т.к. благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов, экономика СССР была весьма эффективна. [2]

Сталинского задела хватило лет на 25-30, но далее «разруха в головах» руководства страной привела к «разгулу демократии», потере управляемости страной. Через полгода после «исторического» либерального лозунга Ельцина "Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить" СССР развалился. Хаос 90-х вел уже к распаду России, но с приходом В.В. Путина процесс распада удалось остановить, началось укрепление управленческой вертикали, восстановления армии и оборонной промышленности.

Чего сегодня не хватает России для ее развития? Думается, отнюдь не расширения демократии и либерализма на Западный манер. *Демократия* – это право на разнообразие и это хорошо, но, как отмечалось, чем больше разнообразия, тем больше каналов рассеивания энергии, т.е. энтропии. Значит демократия хороша только в меру, и эта мера определяется как внутренней, так и внешней обстановкой. *Либерализм* зародился в средние века как реакция на беспредел абсолютных монархов и Католической церкви, утверждавшей «божественное» право монархов

на власть, а самой церкви на толкование истины и тогда сыграл положительную роль. Но сегодня либерализм превратился в инструмент разрушения общества.

Стоит вспомнить и законы этногенеза Льва Гумилева, его выводы из истории этносов: *«расцвет» тогдашних демократии и либерализма в обществе*, которые выражались в стремлении всех к интенсивному накоплению личных материальных благ, в презрительном отношении к трудолюбивым, талантливым и стремящимся к интеллектуальному развитию, (ведь когда «все могут и имеют право» – идеалом становится посредственность,) *всегда означали приближение его конца!* [3] Все эти признаки мы видим и в нынешней России, поэтому нам, если хотим развития, нужны скорее антиэнтропийные меры. Главное – нужны идеи, генерирующие энергию народа!

В декабре 2012 г. В.В. Путин в Послании Президента РФ Федеральному Собранию высказал стратегическую мысль о том, что «Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией!». [3] Но с какого периода истории следует считать, что Россия «стала Россией» и обрела свою национальную и духовную идентичность? Где в собственной истории искать идеи, адекватные нынешнему ее периоду и социокультурной идентичности, и способные генерировать энергию народа? Ведь четкой идеи «куда и как» идти, пока нет! Об этом отдельный разговор.

Список литературы

1. Ильин В.Н. Термодинамика и социология: физические основы социальных процессов и явлений. М.: КомКнига, 2005.
2. Маргарет Тэтчер: «Как мы разрушали СССР». URL: [https:// politikus.ru/articles/66953-margaret-tetcher-kak-my-razrushali-sssr.html](https://politikus.ru/articles/66953-margaret-tetcher-kak-my-razrushali-sssr.html). (время обращения 20.01.18).
3. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года. <http://президент.рф/17118>.

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Абдурахманова И.В.

кандидат исторических наук, доцент,
Ростовский государственный экономический университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону

Статья посвящена анализу этапов и особенностей становления института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Правовой статус омбудсмена рассматривается в контексте конституционного закрепления правовой демократической государственности и формирования правозащитного механизма. В качестве фактора эффективности деятельности Уполномоченного по правам человека автор называет уровень правовой культуры и правосознания граждан.

Ключевые слова: омбудсмен, механизм защиты прав и свобод человека и гражданина, правовой нигилизм, внесудебная правозащитная деятельность, правовое государство, верховенство прав и свобод личности.

В последние годы к институту Уполномоченного по правам человека приковано внимание широко круга специалистов. Это обусловлено, с одной стороны, необходимостью совершенствования данного института защиты прав человека и повышением его эффективности. А с другой – выявлением пробелов и необходимостью их преодоления. Не менее актуальным остается и вопрос о правовой регламентации деятельности Уполномоченного по правам человека на уровне субъектов Российской Федерации.

Однако анализ этой научной проблематики не может ограничиваться лишь формально-юридическим аспектом. Эффективность работы Уполномоченного определяется не только состоянием нормативно-правовой федеральной и региональной базы. В значительной степени она обусловлена и состоянием правового сознания общества в целом и отдельных социальных групп, уровнем правовой культуры, степенью доверия граждан к органам государственной власти. Правосознание выступает здесь «как фактор преобразования государственно-правовой действительности» [1, с. 7]. Граждане должны быть информированы о том, каким образом и в каких случаях они могут обратиться за восстановлением своих нарушенных прав к омбудсмену. К сожалению, некоторые деформации правового сознания имеют глубинные исторические корни, опираются на ментальные традиции. Поэтому преодолеть их крайне сложно, хотя возможно при проведении соответствующей долгосрочной государственной политики. Речь идет, прежде всего, о правовом нигилизме, который не совместим ни с развитым гражданским правосознанием, ни с активной гражданской позицией, ни с какими другими атрибутами демократического государства.

Стремление граждан обратиться за правовой помощью к Уполномоченному свидетельствует не только о повышении правового сознания общества, но и о развитии институтов гражданского общества, их эффективности. Это обстоятельство имеет особое значение, так как именно неразвитость гражданского общества является одной из причин того, что правовое государство у нас существует пока только формально-юридически, но не фактически. Изучение статистики обращения росси-

ян в различных субъектах к Уполномоченным позволяет сделать интересные выводы относительно соблюдения прав человека и гражданина в разных регионах России.

Мировой опыт конституционного строительства демонстрирует различные модели правовой регламентации статуса Уполномоченного по правам человека, которые опираются на свои национальные исторические региональные традиции [2, с. 142]. Учреждение этого института в России связано с принятием Конституции РФ 12 декабря 1993 г. Провозглашение приоритета прав и свобод человека и гражданина, правового социального государства обусловили необходимость создания института омбудсмана. Этот атрибут демократического государства является новым для России. Однако еще до начала 90-х гг. в СССР существовали некоторые компоненты правозащитной деятельности государства. Так, Ф.М. Бурлацкий в работе «Проблемы прав человека в СССР и в России» описывает создание и деятельность Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека, которая была создана в 1987 г. в рамках советского Комитета за Европейскую безопасность и сотрудничество [3, с. 89].

Комиссия рассматривала жалобы граждан, которых поступило в ее адрес более 100 тысяч. Реальную правовую помощь получили более 15 тыс. заявителей, несмотря на то, что аппарат Комиссии состоял из трех человек. Деятельность этой Комиссии способствовала освобождению из мест лишения свободы сотен осужденных по политическим и религиозным мотивам. Исследователи находят аналогии между деятельностью Комиссии и Австрийского омбудсмана, который является коллегиальным правозащитным органом.

Несмотря на то, что учреждение российского омбудсмана стало следствием демократизации, как и в других европейских странах, на территории Российской Федерации этот процесс имеет свою специфику. К таким особенностям следует отнести: наличие острых социально-политических противоречий; резкий переход от авторитарного режима к демократическому; криминальный характер процесса первоначального накопления капитала; неразвитость правовых демократических представлений о законности и частной собственности; крайне низкий уровень жизни населения; незавершенность формирования правовой системы и правовых демократических институтов. Отсюда сложный и противоречивый характер формирования института Уполномоченного по правам человека.

Предложения об учреждении в Российской Федерации омбудсмана стали высказываться в конце 80-х гг. Н.Ю. Хаманева считала этот институт фактором укрепления законности деятельности исполнительной власти, рассматривала его как механизм реализации прав граждан [7, с. 34]. В 1987 г. Э.М. Аметистов предложил учредить должность союзного Уполномоченного парламентского комитета для рассмотрения жалоб граждан, а также создать его региональные отделения. Е.А. Лукашева тоже обосновывала необходимость учреждения внесудебного правозащитного органа [4, с. 21]. В.В. Бойцова рассматривала институт Уполномоченного как средство публично-правовой защиты, которое дополняет частноправовые средства.

Промежуточным этапам становления государственной правозащиты в пореформенной России были парламентские и правительственные комиссии, возникшие в начале 90-х гг. История российского омбудсмана начинается 22 ноября 1991 г., когда Верховный Совет РФ принял Декларацию прав и свобод человека и гражданина [5]. Она ввела в оборот новое должностное лицо – Парламентского уполномо-

моченного по правам человека. Статья 40 Декларации целью его деятельности провозгласила осуществление парламентского контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Парламентский Уполномоченный по правам человека назначался Верховным Советом РСФСР сроком на 5 лет. Он обладал такой же неприкосновенностью, как и народный депутат РСФСР.

В этой связи Комитету Верховного Совета РСФСР по законодательству было дано поручение подготовить предложения по приведению законодательства РСФСР в соответствие с положениями Декларации.

Указом Президента РФ от 1 ноября 1993 г. была образована Комиссия по правам человека при Президенте РФ. При осуществлении своих полномочий Комиссия должна была взаимодействовать с органами государственной власти РФ, органами власти субъектов РФ, общественными правозащитными организациями, средствами массовой информации. Она должна была содействовать реализации полномочий Президента Российской Федерации как гаранта основных прав и свобод человека; уважению и соблюдению прав и свобод человека; защите прав и покровительству граждан российской Федерации, находящихся за ее пределами; укреплению международного сотрудничества по обеспечению прав и свобод, признаваемых международным правом и законодательством Российской Федерации.

Для выполнения возложенных на нее задач Комиссия по правам человека при Президенте РФ должна была изучать и анализировать поступающие от органов государственной власти Российской Федерации материалы об обращениях граждан и организаций по вопросам соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, Комиссия могла проводить специальные исследования, обращаться к материалам СМИ о нарушении прав и свобод человека. К сфере ее ведения относилось составление ежегодных докладов о соблюдении прав человека, которые направлялись Президенту РФ. Занималась Комиссия и тем, что информировала о положении дел в области соблюдения прав человека законодательные органы и администрации субъектов; запрашивала у федеральных органов государственной власти разъяснения изданных ими нормативных актов. Еще одно направление деятельности членов Комиссии состояло в том, что они участвовали в разработке законопроектов, затрагивающих вопросы защиты прав человека; участвовали в работе международных организаций по правам человека, включая разработку международных соглашений по этим вопросам.

Для осуществления своих полномочий Комиссия была вправе: запрашивать и получать от государственных органов и должностных лиц любые сведения, документы и материалы, необходимые для выполнения возложенных на нее задач; проводить проверку деятельности государственных учреждений, относительно которых Комиссия располагала информацией о массовых или грубых нарушениях прав человека; получать объяснения от любых должностных лиц по вопросам компетенции Комиссии.

По результатам обращений или нарушений Комиссия принимала заключение. Должностное лицо, получившее такое заключение, в течение 15 дней должно было рассмотреть рекомендации и уведомить Комиссию о принятом решении. В необходимых случаях заключение Комиссии доводилось до сведения Президента РФ. Важным принципом ее функционирования была независимость от других органов власти. Председателем Комиссии был назначен С.А. Ковалев. Указом Президента РФ от 4 августа 1994 г. №1587 «О мерах по обеспечению конституционных функций Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» на

Председателя Комиссии были возложены дополнительно и функции Уполномоченного по права человека в Российской Федерации [6]. Указ закреплял, что реализация конституционных функций Уполномоченного по правам человека обеспечивается путем осуществления им полномочий, предоставленных Председателю Комиссии по правам человека при Президенте РФ. Указ действовал до принятия Федерального конституционного закона.

Важным шагом на пути формирования института российского омбудсмана стала Конституция РФ 12 декабря 1993 г. Статья 103 принятой по итогам всенародного референдума Конституции отнесла к ведению Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации назначение на должность и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека. Конституционные положения потребовали разработки и принятия специального закона, который бы подробно регламентировал правовой статус Уполномоченного.

После некоторых согласований Федеральный конституционный закон «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» был принят Государственной Думой, а 12 февраля 1997 г. его одобрил Совет Федерации. 26 февраля 1997 г. закон подписал Президент РФ. Он вступил в силу 4 марта 1997 г. Федеральный конституционный закон определил порядок назначения на должность и освобождения от должности Уполномоченного по правам человека в РФ, его компетенцию, организационные формы и условия его деятельности. Частью 1 ст. 1 определялось, что в РФ должность Уполномоченного по правам человека создается с целями обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан; соблюдения и уважения прав и свобод граждан государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами.

Данный закон закреплял и развивал международно-правовые положения о правах и свободах человека, которые содержатся в Международной конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г., Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.

Список литературы

1. Абдурахманова И.В. Массовое правосознание в Советской России в 1917–1921 гг.: традиционализм или новационность? Монография. Ростов н/Д: РИЦ РГЭУ «РИНХ», 2008.
2. Абдурахманова И.В. Становление института омбудсмана в странах Западной и Восточной Европы // Правовые системы современности в условиях международной интеграции. Сборник научных статей. Ростов н/Д., РГЭУ, 2014.
3. Бурлацкий Ф.М. Проблемы прав человека в СССР и в России. М.: Прогресс, 1999.
4. Лукашева Е.А. Права человека: проблемы посттоталитарного общества // Права человека накануне 21 в. М.: Прогресс, 1994.
5. Постановление Верховного Совета РФ от 22 ноября 1991г. №1920–1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» //Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. №52. Ст.1865.
6. Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению конституционных функций Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» от 04 августа 1994г. №1587 //Собрание законодательства РФ. 1994. №15. Ст.1713.
7. Хаманева Н.Ю. Роль омбудсмана в охране прав граждан в сфере государственного управления // Советское государство и право. 1990. №9. С. 30-35.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ахтямова Л.Н.

юрисконсульт, Россия, г. Казань

В данной статье рассматриваются вопросы международного сотрудничества. Автором, на примере территории Арктики, была предпринята попытка изучения глобальных вопросов правового урегулирования международного сотрудничества для определения правового статуса отдельных территорий.

Ключевые слова: международное сотрудничество, процессы глобализации, международно-правовой статус арктической территории.

Проблемы международного сотрудничества России с другими государствами изучаются теорией права и государства с точки зрения развития взаимодействия правовых систем. Процессы глобализации, затронувшие многие сферы межгосударственных отношений выявляют множество проблем, решений которых возможно только при помощи права. Современный глобальный подход к изучению проблем государственности позволят под особым углом зрения посмотреть на многие традиционные проблемы и разработать новую гуманитарную методологию изучения государственно-правовых явлений [5, с. 650], считает В.В. Лазарев.

Одним из глобальных вопросов изучения правового урегулирования международного сотрудничества является определение правового статуса отдельных территорий. На примере территории Арктики, в данной работе мы предпримем попытку обосновать возможные решения данной проблемы [6, с. 181]. Для их решения необходимо использовать традиционную и новую гуманитарную методологию, в т.ч. и правокультурный подход, разъясняющий возможность расширения правовых взаимоотношений государств при помощи связующих основ правовой культуры [10]. В свою очередь, такая постановка вопроса позволит как найти общие консенсусные решения в удовлетворении интересов государств, так и обеспечить соблюдение и защиту прав и свобод граждан, проживающих на спорных территориях.

Вследствии перманентно развивающейся деятельности человека, разрешение вопроса о рациональном использовании ресурсов становится все более актуальным. Ещё более значимым с правовой позиции является узаконение правового статуса спорных или же обсуждаемых на межгосударственном уровне отдельных географических объектов. Одним из таких является территория Арктики. Международно-правовой статус арктической территории, подразумевающий государственную регулятивность и обеспеченность, в полной мере правовым образом не определен.

В среде российских и зарубежных учёных преобладает точка зрения, о том, что Арктика – это часть земной сферы, центром которой является Северный полюс, а окраинной границей – Северный полярный круг. Площадь её составляет около 21 млн. кв. км, т.е. в 2,3 раза превышает территорию Европы [7].

Арктика является неосвоенной территорией, с нетронутой природой, защищать которую критически важно для всего человечества. Безусловно, это богатство природных ресурсов и «залежи» экономических интересов. Эти проблемы конечно должны решаться посредством сотрудничества и взаимодействия, которые требуют обсуждения, как заявил Президент Российской Федерации на Арктическом форуме в марте 2017 года.

Еще во времена СССР вопрос о присвоении границ арктической территории обсуждался и был решен государствами Советского союза, Европы, Канадой и США. Это решение было оформлено в постановлении Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 г. В современной России данное положение дел было закреплено в указе президента об «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и далее» от 18.09.2008 г., что еще раз говорит о том, что этот вопрос актуален и сегодня [8].

Первоначально, интерес к этому региону Земного шара выразили ученые-первопроходцы, исследователи, а также представители торговли, искавшие новые возможности транспортировки товаров. Но, только с открытием в Арктике месторождений полезных ископаемых, к ней возрос значительный интерес, ведь стратегические характеристики региона хорошо известны.

Вопрос о контроле за загрязнением Арктики, сохранении её окружающей среды решаются сегодня как национальным экологическим законодательством «арктических государств», так и в рамках международного сотрудничества под эгидой двух специализированных учреждений ООН – Международной морской организации (ИМО), Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций (ФАО), а также одной парамеждународной организации – Арктического Совета. Некоторые японские эксперты отмечают, что с 2014 года организация ИМО активно разрабатывает правовой регламент Северного морского пути, так как в связи с глобальным потеплением в статике предполагается, что возрастет количество судов, проходящих по этому маршруту [4].

Арктический Совет является пара-международной организацией, которой присущи постоянство и регулярность работы. Вместе с определенным местопребыванием, в нем четко регламентирован состав участников. Совет отличается от международных организаций тем, что юридически не наделен правоспособностью, хотя работает в определенном составе, но без учредительных актов, не имея закрепленной организационной структуры. Совет не обладает правом принятия юридически-правовых решений [3, с. 46].

Арктика с давних времен стала объектом внимания стран, чьи интересы были напрямую связаны с территориями, включающими в себя залежи неразведанных полезных ископаемых. Нужно отметить, что на территории северной части Арктики залегают 2/3 месторождений российского газа, 1/3 нефтяных залежей США и ещё не оцененные запасы Канады. На сегодняшний день не подлежат каким-либо спорам права пяти арктических государств (США, Норвегии, Дании, России, Канады) которые закреплены на отсчитываемые от прямых исходных линий 200-мильные районы дна Северного Ледовитого океана и поперхлежащие водные и ледовые пространства. Но по вопросу о статусе прилегающих к Северному полюсу районов шельфа за этим 200-мильным расстоянием, имеются различные точки зрения на официальном и доктринальном уровнях [2, с. 170].

Существует два основных правовых подхода в вопросе о статусе подводных территорий Северного Ледовитого океана. В одном случае, предполагается включить территорию Арктики в Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Во втором считается, что территория Арктики не рассматривалась на III Конференции ООН по морскому праву, ее правовой режим, основу которого составляет национальные законодательства арктических государств, сложился задолго до принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Необходимо подчеркнуть также, что неясность и неопределенность в спорах относительно правового статуса и режима высокоширотных районов Арктики внесло направленное в ООН в 2001 г. представление России о предлагаемом ограничении ее континентального шельфа. В соответствии с этим представлением, данную часть дна Арктики было предложено отнести к международному району морского дна или «общему наследию человечества».

Таким образом, Россия оспорила сложившийся в Арктике *status quo*, привнеся в это Положение нормы об «общем наследии человечества» и, по существу, признав со ссылкой на ст. 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., то, что в Арктике не весь шельф принадлежит Арктическим государствам, что послужило поводом для противоречий в российско-американских отношениях [4].

По нашему мнению, межгосударственное научно-техническое сотрудничество в данной сфере освоения Арктических ресурсов должно стать областью восстановления американо-российских отношений. Сотрудничество в Арктике должно разворачиваться не только в государственном секторе, но и через непосредственные контакты между отдельными юридическими лицами. Вопрос о взаимном доверии сохраняет свое значение и в данном случае.

Профессор Джорджтаунского университета Маржори Мандельштам Балзер (Marjorie Mandelstam Balzer) подняла вопрос о необходимости привлечения к научным разработкам в Арктике профессионалов из коренного населения региона. Джон Фаррелл подчеркнул, что соблюдение прав и учет интересов коренного населения Арктики – в числе ключевых условий в своде законов Арктического совета [8].

Действительно, охрана защита и соблюдение прав коренных народов, изучение и предложение эффективных способов налаживания международного сотрудничества, как объясняется при помощи этнометодологического подхода в современном теоретическом правоведении [9], может способствовать снятию «напряжения» в спорных территориальных вопросах, в т.ч. территорий Арктики. Для чего, как нами отмечено ранее, современное теоретическое правоведение обосновывает новые методологические подходы и направления, при помощи которых объяснение выдвигаемых проблем и гипотез будет наиболее научно достоверным [1] и практически востребованным.

Предлагаемая нами гипотеза подразумевает интернационализацию арктического пространства, а также заключение соответствующего договора между странами, в чьем ведении и под чьим суверенитетом находятся отдельные участки Арктики. В своем основании предполагается наделение данных территорий особым статусом, подразумевающим совместное использование богатейшего потенциала региона в научных и политико-экономических целях. Данное решение должно оказать сильнейшее позитивное воздействие, как на международное сотрудничество, развитие правокультурных связей государств. В условиях усиливающегося глобализации мира, такое решение вопроса станет примером успешного взаимодействия в общем развитии нашей правовой цивилизации и успешного функционирования «юридической географии мира» [5, с. 578].

Список литературы

1. Бакулина Л.Т., Степаненко Р.Ф. Обзор материалов III Всероссийского «Круглого стола» по общетеоретическим проблемам права «Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований». Право и государство: теория и практика. 2016. №7(139). С. 135-152.
2. Бекашев К.А. Морское рыболовное право. – М., 2001. 464 с.

3. Копылов М.Н., Копылов С.М., Мохаммад С.А. Программа региональных морей ЮНЕП // Международное право – International Law, 2010. – № 3 (43). С. 46-52.
4. Копылов М.Н., Якушева Е.А. К 10-летию Арктического совета // Экологическое право, 2006. – № 3.
5. Лазарев В. В. Теория государства и права: учебник 4-е изд.,- М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 72.
6. Международное право: учебник / под ред. А.Н. Вылегжанина. – М.: Высшее образование, Юрайт-Издат., 2009.
7. Паничкин И.В. Правовое обеспечение экологической безопасности при разработке морских нефтегазовых ресурсов Арктики // Московский журнал международного права. – 2011. – №2 (82). – С. 187-197.
8. Российская газета – 2009. – 30 марта. [Электронный ресурс]: <https://rg.ru/> Режим доступа: <https://rg.ru/>, свободный (дата обращения 10 февраля 2018 г.)
9. Степаненко Р.Ф. Этнометодологические практики в доктрине правовой политики: общетеоретические проблемы. Право и политика. 2016. № 2. С. 287- 295.
10. Юн Л.В. Правовая культура как обобщающий компонент правосознания и правового воспитания в советском государстве. В сборнике: Наука и образование: проблемы и перспективы. Материалы ежегодной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-Летию Университета управления «ТИСБИ». 2016. С. 406-410.

ПРАВО И КУЛЬТУРА: ПОНЯТИЯ, СООТНОШЕНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТАМИ КУЛЬТУРЫ

Афанасьев А.А.

доцент кафедры социально-культурной деятельности, канд. юрид. наук, доцент,
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск

В статье на основе научной юридической и специальной литературы, правоприменительной практики даются понятия культуры, права, их соотношение. Право относится к числу фундаментальных ценностей мировой культуры, выработанных человечеством в ходе его развития. Право относится к числу фундаментальных ценностей мировой культуры, выработанных человечеством в ходе его развития. Подчёркивается важность изучения права как элемента культуры специалистами этой сферы деятельности человека.

Ключевые слова: право, культура, государство, общество, специалист.

Человечество, общество до своего современного состояния прошло сложный путь развития. Чтобы это было именно развитие, им были выработаны основы существования общества и его деятельности, в ряду которых стоит культура. Именно наличие культуры в социуме отличает человека от другого животного мира, позволяет сглаживать неизбежные противоречия индивидуума и групп, меньшинства и большинства, избегать фатального развития событий для всего живого на Земле, использовать научно-технический прогресс для созидания.

Понятие "культура" употребляется сегодня в обществе во множестве значений. Одни исследователи понимают под культурой результат состояния общества. Другие рассматривается её как сторону общественного процесса или как форму развития человека в ходе своей деятельности. Однако несмотря на кажущееся разнообразие определений, в каждом из них присутствуют некоторые общие позиции. Культура определяется как духовная жизнь в её целостности и взаимосвязи, как духовное бытие. Она обогащает человека духовно и помогает ему идти вперёд по пути созидания и прогресса. В понятие культуры в широком (философском) смысле

ле этого слова входят такие элементы, как экономика, государство, право, обычай, информация, нравственность, мораль, религия, язык, наука, философия, идеология, в совокупности отражающие различные её грани [3].

Вот уже около десяти лет будущие специалисты в сфере культуры Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского изучают учебную дисциплину "Информационно-правовое обеспечение сферы культуры и искусств". Это является обоснованным и крайне важным, т.к. ведёт к более углублённому усвоению отдельных элементов понятия "культура" – права и информации. Отдельно подчеркнём, что в понятие культуры в её общем понимании входит и искусство как высшая форма творчества в гуманитарной области человеческого бытия, в т.ч. в таких отдельных её направлениях как музыка, живопись, театр, художественная литература и других. Некоторые исследователи относят искусство к любой форме практической деятельности, когда она совершается умело, мастерски, искусно не только в технологическом, но и в эстетическом смысле. Специфика искусства состоит в отображении действительности посредством художественных образов. Искусство как особая область культуры связана со способностью человека к эстетическому освоению жизненного мира, его воспроизведению в образно-символическом ключе при опоре на ресурсы творческого воображения [4, с. 274]. Для предания значимости особой области культуры – искусства для современного общества, в т.ч. поддержки творческих работников и специалистов этой отрасли практической общечеловеческой деятельности, в наименовании учебной дисциплины к слову "культура" добавляется и термин "искусство". Хотя в общефилософском плане эти понятия не принято разделять. Культура в данной учебной дисциплине главным образом понимается как сфера человеческой деятельности, направленная на сохранение и развитие отдельных её направлений – народного творчества, живописи, литературы, кино, театральной и музейной деятельности, архивного дела и ряда иных. Наш народ на протяжении всей истории Человечества, бережно сохранял и развивал культуру во всех её проявлениях, тем самым внёс огромный вклад в мировую культуру в целом. Это должно вызывать у нас не только чувство гордости за Россию, но и желание познавать и преумножать наше многонациональное достояние.

Известно, общество в процессе жизнедеятельности на пути своего исторического развития выработало систему правил общественно необходимого, возможного или желаемого социального поведения, а тем самым и критерии правомерного, неправомерного или несправедливого поведения. Они закреплены понятием социальных норм – правил поведения человека, которые установились благодаря существующим в обществе социальным связям (общественным отношениям) при его сознательной деятельности. Различают следующие основные виды социальных норм: морали (нравственности), эстетические, обычаев, организаций (корпоративные) и права. Некоторые авторы различают ещё религиозные, этические и другие социальные нормы.

В учебной дисциплине именно этим нормам право, действующим в сфере культуры, уделено основное внимание. Источником их является властные распоряжения уполномоченных органов, выраженные в форме правовых актов на основе Конституции РФ.

Право относится к числу фундаментальных ценностей мировой культуры, выработанных человечеством в ходе его развития. Ценностные свойства права обусловлены его значением как особой формы общественных отношений, его местом и

задачами в социальной системе общества. Право есть исторически обусловленная, сложившаяся мера человеческой свободы для того, чтобы поддерживать динамическое равновесие между интересами личности и общества. Закрепляя среди других ценностей культуры социально оправданную, нормативно упорядоченную свободу, право приобретает тем самым значительную, притом собственную, социальную ценность в обществе. Через нравственность, традиции вырабатывается и нормативно закрепляется справедливость, в рамках которой гармонизируются интересы личности и общества. Как глубинный элемент культуры право не только вбирает в себя её ценности, но и реализует основополагающие требования и достижения цивилизации, обеспечивая тем самым сохранение, а в известной мере и преумножение потенциала материальных, социальных и духовных богатств общества. На процессы общественного развития в сфере культуры право воздействует как комплексная, структурно организованная и динамическая социальная система, действующая с высокой степенью эффективности. Право закрепляет – и в этом его высокая социальная значимость – нравственные основы и ценности в качестве реалий социальной действительности, тем самым из моральных, абстрактных пожеланий они становятся социально-правовой реальностью. В этом проявляется их взаимосвязь с другими социальными нормами. Законы, иные нормативно-правовые акты юридически гарантируют реализацию принципов общественного устройства – гуманизма, равенства, социальной справедливости, меры демократизма. При этом вместе с достижениями социального прогресса обеспечивается и более высокий уровень реализации этих идеалов общественного развития. Здесь цели, ожидания и начала гражданского общества находят свое цивилизованное выражение в стабильной, надежной системе законов, их взаимодействии со всей системой социально-нормативного регулирования, что позволяет формировать институты гражданского общества [5, с. 126].

Наряду с раскрытием гуманистической сущности права (утверждения идеалов гуманизма, свободы и равенства) в оценке права надлежит видеть и его роль в закреплении, рациональной организации и преобразовании всей системы общественного устройства. Право имеет нормативно-регулятивную значимость для общества, и в этом его ценность. С помощью права обеспечивается достижение многообразия целей социального бытия: воспроизводство материальных благ, утверждение социальных ценностей, определение границ свободы, закрепление правовых основ власти, охрана естественных условий обитания, обеспечение всеобщего устойчивого правопорядка. Воплощая целый мир отношений – от главных, глубинных пластов жизни до самых житейских, – право тем самым объективизирует и реализует в законах требования культуры, социального прогресса, цивилизации в целом [1, с. 57-58].

Достижение рациональности общественного устройства с закреплением, а в известной мере и интеграцией разнообразных социальных (классовых, национальных, частных) интересов обуславливает общезначимость права как государственного, социально необходимого регулятора отношений в обществе. Необходимость правового регулирования присутствует всегда, но особенно она ощутима в условиях, когда меняются реалии жизни, появляются новые области отношений, требующие упорядоченности, либо ускоряется динамика общественных процессов. Людям в любом обществе привычно жить не по обстоятельствам, а под надежным, разумным началом закона, что подтверждается многочисленными исследованиями в этой области. В этой связи заслуживает особого внимания характеристика права как

нормативно-ценностной регулирующей системы. Право, вводя в жизнь нормативные начала, представляет собой не просто совокупность социальных норм – это государственно-властный императив, закрепляющий и охраняющий самоорганизацию гражданского общества. Для гражданского общества характерна высокая степень самоорганизации на основе культурных, экономических, социально-политических и иных систем регуляций, но эффективность функционирования этого общества с учетом сложности, глубины, а в известной мере и противоречивости его развития не может быть вне государственно-правового воздействия.

Достоинством права являются и те особые его качества – нормативность, общеобязательность, формальная определенность и прочее, которые делают его необходимым, достаточно эффективным средством социально-нормативного регулирования. Нормы права, которые облакаются в форму законов, постановлений и приказов властных органов, устанавливаются (санкционируются) государством в качестве общеобязательных требований ко всем гражданам, при этом сам факт их общеобязательности является важнейшим мотивом соблюдения законодательства. За невыполнение установленных властными органами требований поведения для граждан могут последовать со стороны уполномоченных властных органов санкции в виде предупреждения, штрафа, ограничения или лишения свободы и т.д., установленные законодательством, в т.ч. на основе Уголовного кодекса РФ, Кодекса РФ об административных правонарушениях.

В конституциях и законах современных государств выражена воля большинства их населяющих народов по обустройству общественной жизни на пути к прогрессу. Такая воля российского народа выражена в Конституции РФ, принятой на всенародном голосовании (общероссийском референдуме) 12 декабря 1993 года и принятых на её основе нормативно-правовых актах РФ, субъектов РФ и местного самоуправления. Наряду с другими особо выделим важнейший для сферы культуры Закон РФ от 09.10.1992 № 3612-1 "Основы законодательства Российской Федерации о культуре".

Специалист, а тем более руководитель коллектива, в сфере культуры без знания основ права и вопросов правового регулирования отрасли не может себя считать работником, отвечающим современным требованиям. Это положение, впрочем, актуально для специалиста на любом участке культурной деятельности. В процессе изучения курса "Информационно-правовое обеспечение сферы культуры и искусств" на основе соответствующих для направления подготовки рабочих программ дисциплины рассматриваются следующие темы: 1. Введение; 2. Общая характеристика вопросов правового регулирования сферы культуры и искусств в РФ (основы правового регулирования сферы культуры и искусств в РФ; предметы ведения и полномочия органов государственной власти РФ в сфере культуры и искусств; предметы ведения и полномочия органов государственной власти субъектов РФ в сфере культуры и искусств; предметы ведения и полномочия органов власти местного самоуправления в сфере культуры и искусств); 3. Общая характеристика правовых актов РФ сфере культуры и искусств (федеральное законодательство в сфере культуры; международное право в системе регулирования сферы культуры в РФ; законодательство субъектов РФ в сфере культуры (на примере Омской области); правовые акты органов местного самоуправления в сфере культуры (на примере Омской области)); 4. Права граждан РФ в сфере культуры и искусств; 5. Общая характеристика отдельных межотраслевых законодательных актов сферы культуры РФ (Налоговый кодекс РФ; Бюджетный кодекс РФ; Гражданский кодекс

РФ, Трудовой кодекс РФ; Кодекс РФ об административных правонарушениях, Уголовный кодекс РФ); 6. Общая характеристика правового регулирования отдельных направлений сферы культуры и искусства в РФ (нормативно-правовое регулирование сохранения и развития народного творчества, живописи и литературы; нормативно-правовое регулирование музейного дела; нормативно-правовое регулирование деятельности в области театрального искусства; нормативно-правовое регулирование вопросов охраны памятников истории и культуры; нормативно-правовое регулирование кинематографии; нормативно-правовое регулирование архивного дела; нормативно-правовое регулирование деятельности средств массовых коммуникаций; нормативно-правовое регулирование развития национально-культурных автономий по вопросам культуры; взаимодействие организаций сферы культуры с общественными объединениями граждан и религиозными организациями; информационно-рекламное обеспечение деятельности организаций сферы культуры; благотворительная деятельность в сфере культуры; нормативно-правовое регулирование архитектурной деятельности; правовое обеспечение инновационной деятельности в сфере культуры и искусств; правовое регулирование результатов интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации). При рассмотрении каждой темы обучающимся предлагается для выполнения тесты [2].

Такой подход в обучении будущих специалистов сферы культуры позволяет надеяться, что выпускники получат не только более глубокие знания в сфере правового регулирования отрасли в России, но и будут теми активными членами нашего гражданского общества, общение с которыми (социальные связи) будет способствовать прогрессу страны на основе фундаментальных ценностей культуры и его неотъемлемого элемента – права.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. 220 с.
2. Афанасьев А.А. Информационно-правовое обеспечение сферы культуры и искусств в Российской Федерации: Учебно-методическое пособие. Омск, 2013. 252 с.
3. Кертман Л.Ф. История культуры стран Европы и Америки. М., 1987. 304 с.
4. Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 1998. 447 с.
5. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М., 1997. 652 с.

ЗАЩИТА ПРАВ ЗАКАЗЧИКА КАК СТОРОНЫ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Баранников М.С.

ведущий специалист первого разряда, Аппарат Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации, Россия, г. Москва

В статье рассматриваются вопросы защиты права заказчика как стороны договора оказания возмездных юридических услуг. Автором проводится анализ возможности применения к данным правоотношениям законодательства, регулирующего вопросы защиты прав потребителя. Обосновав вывод о том, что применение вышеуказанных норм неэффективно для защиты прав заказчика на качественную услугу, в качестве альтернативы предлагается использование страхования гражданской ответственности исполнителя юридической услуги за неказание либо некачественное оказание услуги.

Ключевые слова: юридическая услуга, договор возмездного оказания юридических услуг, закон о защите прав потребителей, страхование гражданско-правовой ответственности исполнителя, адвокат, нотариус.

Юридические услуги являются распространенным видом услуг. Важно отметить, что юридические услуги обладают определенной спецификой, которая затрудняет возможность оценки качества оказанной юридической услуги. В первую очередь, речь идет о том, что юридическая услуга относится к группе услуг, не имеющих материального результата. Особенностью юридической услуги является и тесная взаимосвязь процесса оказания юридической услуги с действиями заказчика (например, желание либо нежелание заказчика заключить мировое соглашение со своим контрагентом, проведение переговоров о заключении договора, оказавшиеся безрезультатными и др.)

В силу ограниченного объема статьи не представляется возможным провести подробный анализ представленных в научной литературе точек зрения относительно понятия и признаков юридической услуги. По указанной причине полагаем возможным исходить из того, что юридическая услуга представляет собой деятельность исполнителя, обеспечивающая достижение правового интереса заказчика путем возникновения у заказчика определенных субъективных прав, и имеющая лично-доверительный характер.

Исходя именно из предложенного понимания юридической услуги, по нашему мнению, следует рассматривать вопрос о возможных механизмах защиты права заказчика на качественную юридическую услугу.

Прежде всего, необходимо исследовать вопрос о возможности применения к взаимоотношениям сторон договора возмездного оказания юридических услуг норм Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [2] (далее – Закон о защите прав потребителей).

Безусловно, применение Закона о защите прав потребителей необходимо в тех ситуациях, когда более слабая сторона (т.е. потребитель, которым является гражданин) нуждается в повышенной защите. Большая часть положений закона о защите прав потребителя ориентирована на ситуации, когда потребителю продали товар, выполнили работу или оказали услугу ненадлежащего качества.

В то же время, исходя из логики закона, речь идет о товарах, работах и услугах, которые являются типовыми, не имеют столь тесной привязки к личности как юридическая услуга, не обладают уникальностью, и могут быть заменены другими товарами, работами или услугами.

Кроме того, определяя требования к качеству, Закон о защите прав потребителей (ст. 4) говорит о качестве, установленном законодательством, а если такие требования к качеству не установлены, то товар должен быть пригодным для целей, для которых он обычно используется. Отдельных статей, устанавливающих требования к качеству работы либо к качеству услуги, в законе о защите прав потребителей не имеется. Уникальность юридической услуги не позволяет использовать данное понятие – «пригодность для целей, для которых товар обычно используется» – для оценки ее качества.

Таким образом, применение норм о защите прав потребителей к правоотношениям между заказчиком и исполнителем как сторонами договора возмездного оказания юридической услуги не решит главной задачи – установление критериев качества услуги в целом и юридической услуги в частности. Соответственно, использование норм Закона о защите прав потребителей не даст заказчику, которому оказана некачественная услуга, никаких преимуществ, за исключением льготы по оплате государственной пошлины.

Механизмы закона о защите прав потребителей предназначены, в первую очередь, для услуг, не отличающихся фидуциарным характером. Применение же к каждой уникальной ситуации оказания юридических услуг типовых критериев оценки качества будет неверным, так как не позволит в должной мере объективно оценить, насколько добросовестно (а, следовательно, качественно) действовал исполнитель.

По указанной причине мы полагаем, что признание договоров оказания юридических услуг потребителем приведет скорее к негативным последствиям. Одним из таких негативных последствий может стать, например, спор о цене оказанной услуги, сформированной на основе типового прейскуранта без учета ее индивидуального характера.

Суммируя вышеизложенное, мы полагаем, что достижение требований качества применительно к оказываемым юридическим услугам должно достигаться иными способами, а не применением норм закона о защите прав потребителей к данным правоотношениям.

Более того, следует отметить, что п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» № 17 от 28.06.2012 [4] прямо указывает на то, что к отношениям, возникающим при оказании профессиональной юридической помощи адвокатами и совершении нотариальных действий нотариусами закон о защите прав потребителей не применяется. Полагаем, что принципы ответственности исполнителей, оказывающих юридические услуги, должны быть едиными, а применение норм указанного Закона к правоотношениям с участием адвоката прямо исключено.

Представляется, что в настоящее время в целях повышения ответственности исполнителя за качество юридических услуг одним наиболее предпочтительных способов является страхование гражданско-правовой ответственности исполнителя в пользу заказчика за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства по оказанию юридических услуг.

Как справедливо отмечается в научной литературе, для европейских государств система обязательного страхования профессиональной ответственности является почти такой же привычной, как и обязательное страхование ответственности автовладельцев [6, с. 24]. Следует отметить, что нормы об обязательном страховании профессиональной ответственности адвокатов установлены законодательством Германии, Франции, Великобритании, Японии, Финляндии, Нидерландов [5, с. 47,49].

При этом можно выделить различные системы страхования профессиональной ответственности, но ее существование является обязательным. Помимо этого, следует отметить, что согласно процессуальному законодательству ряда указанных государств лицо, не имеющее соответствующий статус, может представлять интересы другого лица только в малозначительных делах.

Нормы, предусматривающие подобную обязанность для некоторых лиц, выступающих в качестве исполнителей юридических услуг, уже содержатся в законодательстве. Так, согласно статье 19 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3] (далее – Закон об адвокатуре) адвокат осуществляет в соответствии с федеральным законом страхование риска своей профессиональной имущественной ответственности за нарушение условий заключенного с доверителем соглашения об оказании юридической помощи. В то же время действие указанной статьи было приостановлено до принятия отдельного нормативного акта,

регулирующего вопросы обязательного страхования профессиональной ответственности адвокатов. На сегодняшний момент необходимый федеральный закон до сих пор не принят, что следует отнести к безусловным недостаткам правового регулирования сферы ответственности исполнителя по договору оказания юридических услуг.

Предлагая использовать договор страхования в качестве альтернативы возмещению убытков как способу гражданско-правовой ответственности исполнителя в договоре оказания юридических услуг, мы исходим из того, что предоставление сторонам подобной правовой возможности поможет защитить имущественные интересы заказчика как объективно более слабого участника данных правоотношений. Если исполнитель юридической услуги не в состоянии выполнять условия договора и оказывать качественную услугу, в результате чего имущественные интересы заказчика страдают, то представляется нецелесообразной ситуация, когда для защиты своих имущественных интересов заказчик будет вынужден обращаться к другому лицу, оказывающему юридические услуги с тем, чтобы защищать свои интересы путем возмещения убытков.

Как представляется, существует настоятельная потребность в принятии федерального закона, который предусмотрел бы обязательное страхование гражданско-правовой ответственности любых лиц, оказывающих юридические услуги, и распространялся как на участников профессиональных сообществ, так и на юридических и физических лиц, оказывающих юридические услуги.

Потребность в принятии такого нормативного акта в настоящее время обусловлена тем обстоятельством, что недостатки существующего правового регулирования страховых правоотношений препятствуют широкому использованию обязательного страхования как альтернативы гражданско-правовой ответственности исполнителя за некачественное оказание юридической услуги. К проблемам, которые были выявлены на практике при попытке внедрить страхование профессиональной ответственности адвокатов в качестве добровольного, можно отнести проблемы определения страховой суммы и страховых тарифов.

Страховой интерес в данном случае определен нормами закона – это риск наступления имущественной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства.

Логичным представляется законодательно установить предельные страховые суммы аналогично тому, как это было сделано для иных случаев обязательного страхования гражданско-правовой ответственности (например, для обязательного страхования гражданско-правовой ответственности за причинение вреда владельцами транспортных средств).

Полагаем, что при страховании ответственности исполнителя по договору оказания юридической услуги как нормы, общей для всех лиц, занимающихся указанной деятельностью, речь должна идти о достаточно крупных суммах. Такой подход будет стимулировать исполнителя к более качественному исполнению своих обязанностей. Удачным примером, уже используемым на практике представляется норма, содержащаяся в ст. 18 Основ законодательства РФ о нотариате [1], где указывается в виде твердой денежной суммы размер страховой суммы в договоре страхования ответственности нотариуса.

Определенность страховой суммы позволит рассчитать страховые тарифы и разработать систему поправочных коэффициентов к ним. При разработке общего тарифа для страхования ответственности любого исполнителя следует, в целом, оценить уровень его образования и частоту повышения квалификации, а также опыт работы в данной сфере (степень профессионализма) для первичного страхо-

вания, а в дальнейшем – количество страховых случаев. Полагаем, что разработанная система страховых тарифов может быть достаточно гибкой и учитывать все нюансы взаимоотношений между исполнителем и заказчиком.

Полагаем, что в нормативном акте, регулирующем вопрос о страховании ответственности любого исполнителя юридической услуги, в качестве общего правила следует предусмотреть годичный срок как предельный срок договора страхования ответственности. Годичный срок является оптимальным сроком, охватывающим в среднем взаимоотношения сторон по оказанию юридической услуги от стадии обращения лица до окончания представления его интересов во всех возможных судебных инстанциях.

Для более широкого использования сторонами договора оказания юридических услуг указанной возможности необходимо более детальное правовое регулирование императивных требований законодателя к страхованию гражданско-правовой ответственности исполнителя по договору оказания юридических услуг.

Завершая рассмотрение указанной проблемы, следует отметить, что именно использование страхования ответственности исполнителя юридической услуги позволит, с одной стороны, повысить качество оказания юридических услуг, а, с другой стороны, избежать злоупотреблений со стороны заказчиков, поскольку будет иметь достаточно гибкий механизм оценки действий сторон договора возмездного оказания услуг в каждой спорной ситуации.

Список литературы

1. Основы законодательства о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 31.12.2017) // Российская газета. – № 49. – 13.03.1993.
2. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 01.05.2017) // Ведомости СНД и ВС РФ. 09.04.1992 г. № 15. ст. 766.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.
4. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 28.06.2012 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. сентябрь 2012.
5. Кучерена А.Г. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» М: Деловой двор, 2009. – 248 с.
6. Наумов Д.В. Механизмы страхования профессиональной ответственности адвокатов за рубежом // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2010. № 9 (108). С. 22-28.

РАЗРЕШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Матюкова О.С., Хованова С.В.

студентки второго курса,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

В данной научной статье рассматривается понятие земельного спора. Исследуются признаки и элементы земельного спора. Предлагается классификация земельных споров. Изучается процессуальный судебный порядок рассмотрения земельных споров, а также анализируется правовой статус третейского суда как арбитра, уполномоченного разрешать земельные конфликты.

Ключевые слова: земельный спор, земельные правоотношения, земельное право, гражданское право, арбитражное право.

Изучение проблемы разрешения земельного спора является актуальной для современной правовой науки. Безусловно, земельный спор – это неотъемлемый элемент для земельных правоотношений.

На сегодняшний день в законодательстве понятие земельный спор не закреплено. Современные ученые рассматривают данный термин с разных позиций. Так, по мнению В.Г. Харькова земельный спор – это «особый вид правового отношения по разрешению разногласий, связанных с нарушением права землепользования» [7, с. 26].

Согласно другому подходу, который нашел отражение в труде Г.А. Свешникова «земля, выступая дополнительным предметом в гражданско-правовых спорах, внедряет свои свойства в специфику их разрешения, а приоритет свойств этого объекта гражданских прав позволяет сделать вывод о том, что это разновидность земельного спора. Нельзя называть земельными спорами правовые конфликты, разрешаемые в порядке производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. Сам спор возможен только по поводу прав на конкретный земельный участок, что невозможно при оспаривании действий (бездействия) и решений специальных субъектов даже в случае, если эти действия нарушают земельные права. Им присущ публично-правовой характер, и оспаривание таких действий в рамках искового производства недопустимо» [5, с. 23].

Исходя из приведенных позиций, на наш взгляд, под земельным спором следует понимать конфликт, который возникает между субъектами права на землю, между субъектами права на землю и государственными органами по поводу владения, пользования и распоряжения землей.

Таким образом, можно выделить следующие признаки земельного спора:

- это конфликт двух или более сторон на один и тот же объект (земля);
- это процесс по разрешению противоречий между его участниками;
- в предмет земельного спора может входить сам земельный участок, а также имущество, которое связано с землей;
- рассматривается в процессуальном порядке, установленном Российской Федерацией.

Элементами земельного спора являются:

Во-первых, сами стороны, которые могут быть как двусторонние, так и многосторонние;

Во-вторых, непосредственно предмет спора – субъективные права на землю, а также законные земельные интересы граждан и юридических лиц;

В-третьих, объект спора – земля (как прямо, так и косвенно), земельный участок или его часть, доли в правах на земельные участки;

В-четвертых, содержание спора – субъективные права и соответствующие им обязанности.

В юридической литературе встречаются различные классификации земельного спора. Так, в зависимости от порядка их рассмотрения выделяют административные и судебные споры; в зависимости от субъекта споры, в которых обе стороны являются государственными органами или органами местного самоуправления; споры, когда одна сторона – землепользователь, а другая орган публичной власти; споры, обе стороны которого являются землепользователями (как физическое, так и юридическое лицо).

Магомедова М.М. утверждает, что «земельные споры можно классифицировать как:

1. Споры, возникающие по поводу предоставления земельных участков по поводу нарушения границ землепользования, произошедшего при отводе земельных участков.

2. Споры, возникающие в ходе осуществления прав на использование земли. Как собственник, так и арендатор, а равно иные лица, осуществляющие использование земли, вправе оспаривать по суду.

3. Споры, возникающие при изъятии земельных участков.

4. Земельные споры, возникающие из негаторных (владельческих) исков.

5. Земельные споры, возникающие в связи с земельно-планировочными работами.

6. Споры по поводу возмещения убытков, причиненных в ходе осуществления земельных правоотношений» [4, с. 6-7].

Само понятие «разрешение земельного спора» подразумевает под собой деятельность судов, урегулированную нормами права и направленную на устранение разногласий между спорящими субъектами, препятствующих реализации субъективных земельных прав и интересов, а также на определение либо уяснение прав и обязанностей сторонами спора [6, с. 208].

Судебная защита прав на землю – сложное явление в мире права, которое не является частью какой-либо одной определенной отрасли права, а занимает пограничное положение между процессуальными и материальными правами и подразумевает возможность восстановления нарушенного права лица, законность требований которого выявлена в ходе судебной процедуры и отражена в судебном акте.

Процессуальный судебный порядок рассмотрения земельных споров подразделяется на определенные этапы. Вначале заинтересованное лицо обращается в суд с исковым заявлением в целях защиты своих нарушенных или возможно нарушенных прав. Подчеркнем, переход к следующему этапу констатируется только после регистрации в органе судебной власти искового заявления с прилегающим к нему пакетом документов. Непосредственно на втором этапе осуществляется возбуждение дела о рассматриваемом земельном споре. Суд признает дело достаточно подготовленным и выносит решение о начале судебного разбирательства. На третьем этапе судебное заседание объявляется открытым и проверяется присутствие (явка) сторон и лиц, которые принимают участие в данном деле. Четвертый этап – рабочая стадия рассмотрения земельного спора, во время которой: а) докладывается дело; б) заслушиваются стороны и лица, участвующие в деле; в) изучаются доказательства; г) судом анализируются и оцениваются доказательства; д) излагаются и обосновываются позиции лиц, участвующих в деле. На последнем, пятом этапе суд принимает решение по данному земельному спору, при этом обеспечивается тайна совещательной комнаты, публично оглашается решение [3, с. 688].

При рассмотрении земельных споров суды руководствуются правилами о подведомственности и подсудности споров. В настоящее время земельные споры разрешаются арбитражными и третейскими судами, а также судами общей юрисдикции. Однако в научной среде существует группа единомышленников, настаивающих на необходимости образования специализированных судов по рассмотрению земельных споров либо специальных земельных судебных составов, входящих в уже известные нам арбитражные суды или суды общей юрисдикции. Например, В.М. Дикусар говорит: «Почему одни и те же земельные споры должны рас-

смаиваться разными судебными инстанциями – судами общей юрисдикции и арбитражными судами?» [2, с. 24].

Данный вопрос, к сожалению, пока не нашел своего ответа. И так, суд общей юрисдикции обычно рассматривает земельные споры с участием физических лиц (граждан), а арбитражные суды – споры между учреждениями, организациями, предприятиями и гражданами-предпринимателями. Суд общей юрисдикции вправе принимать к производству дело, в котором одна из сторон – организация, а другая сторона – гражданин. Но если гражданин осуществляет предпринимательскую деятельность или подает жалобу на решение местной администрации, то дело станет подведомственно арбитражному суду. Третейский суд вправе рассматривать земельные споры до начала их непосредственного разрешения судом общей юрисдикции.

Проанализируем правовой статус третейского суда при рассмотрении им земельных споров. Правовое положение данного суда закрепляется Федеральным законом «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015. Согласно ст. 2 указанного ФЗ: «Третейский суд – единоличный арбитр или коллегия арбитров» [1], которые избираются в согласованном порядке спорящими сторонами или назначаются Арбитражным учреждением для разрешения гражданско-правового спора. Третейский суд может осуществлять свою деятельность на постоянной основе или возникать для урегулирования конкретного земельного спора, причем суд вправе разрешать любой спор, подведомственный арбитражному суду или суду общей юрисдикции. Решение третейского суда обладает соответствующей юридической силой. Следовательно, оно является основанием возникновения у субъектов гражданских прав и обязанностей. Во время рассмотрения третейским судом дела по земельному спору запрещено производство по аналогичному спору судом общей юрисдикции или арбитражным судом. Если обязанное лицо не выполняет предписания, закрепленные в решении третейского суда, добровольно, то заинтересованная сторона вправе обратиться в суд общей юрисдикции или арбитражный суд (по подведомственности) с прошением о выдаче исполнительного листа.

Таким образом, земельные споры занимают далеко не последнее место в рейтинге судебных разбирательств, что свидетельствует о росте значения земли и её ресурсов в нашем государстве. Разрешение земельных споров – трудоёмкий процесс. Это объясняется тем, что отечественное законодательство несовершенно и зачастую заметна нехватка судебной практики по данным видам споров. Мы полагаем, что необходимо законодательно закрепить понятие «земельный спор».

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). ст. 2.
2. Дикусар В.М. Земельные суды – в России? // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 24.
3. Ерофеев Б.В. Земельное право России: учеб. М.: Юрайт-Издат, 2012. 688 с.
4. Магомедова М.М. Учебное пособие (курс лекций) по дисциплине «Земельные споры» для направления «Юриспруденция», профиля подготовки «Гражданское право». Махачкала: ДГИНХ, 2012. 72 с.
5. Свешников Г. А. Рассмотрение споров, возникающих из земельных правоотношений, в исковом производстве / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный процесс. М., 2014. 26 с.
6. Харламова О.А. Земельные споры. Теория и практика разрешения // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2009. №24-1. С. 208.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Волошина Ю.А., Казарян С.Н.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Булгаков В.В.

научный руководитель, доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

В статье рассматриваются особенности реализации прав на землю. Для раскрытия данной проблемы анализируются основания возникновения, прекращения прав собственника на земельный участок, выявляются характерные черты ограничений прав на землю. Эти правовые категории являются основой для эффективной реализации субъектом прав на землю.

Ключевые слова: земля, реализация прав, использование прав, право собственности, ограничение прав.

Проблема особенностей реализации прав на землю обусловлена состоянием правового регулирования земельных отношений в Российской Федерации, например, согласно Земельному кодексу: «земля является природным объектом и природным ресурсом» [1, ст. 6], а также объектом права собственности и иных прав. Земля – основа жизнедеятельности человека, следовательно, она должна иметь статус особого объекта правоотношений, со специфическими условиями реализации своих прав человеком на данный объект.

В научных исследованиях в настоящее время стремительно возрастает интерес к поднятой проблеме, так Ковалева И.С. отмечает, что «уровень правовой регламентации земли как объекта правоотношений и содержание прав на землю вызывают широкий круг вопросов как в научной литературе, так и в правоприменительной деятельности» [2, с. 8].

Прежде чем перейти к раскрытию данного вопроса, хотелось бы остановиться на нескольких правовых категориях, таких как «реализация права» и «использование права».

«Под реализацией права принято понимать претворение, воплощение предписаний юридических норм в жизнь путем правомерного поведения субъектов общественных отношений» [3, с. 249].

Стоит отметить, что по характеру активности субъектов выделяют четыре формы реализации права – соблюдение, исполнение, использование и применение. Но для раскрытия проблемы необходимо более тщательно рассмотреть такой термин как «использование». Использование права выражается в осуществлении возможностей, предоставленных нормами права. Рассмотрим использование права на землю в правовом аспекте.

Согласно Гражданскому кодексу: «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом» [4, ст. 209]. Стоит отметить,

что собственник земельного участка, реализуя свои права, может продавать его, отдавать в залог, дарить или сдавать в аренду и распоряжаться им иным образом.

Одна из формы реализации прав собственника на землю является использование земельного участка: возведение жилых, культурно-бытовых и иных строений, зданий в соответствии с целевым назначением данного участка; использование полезных ископаемых, имеющих на земельном участке, для собственных нужд; проведение осушительных, культуртехнических и иных работ.

Необходимо выделить, что особенности реализации прав на землю выражаются не только в их использовании, но и в их возникновении, прекращении. Рассмотрим на примере права частной собственности на земельные участки. Согласно части 2 статьи 15 Земельного кодекса РФ «граждане и юридические лица имеют право на равный доступ к приобретению земельных участков в собственность» [1, ст. 15].

К основаниям возникновения права частной собственности на земельный участок относятся:

- акты, изданные органами государственной власти или органами местного самоуправления (административно-правовые акты о предоставлении земельных участков);

- сделки в отношении земельных участков, совершенные в соответствии с ФЗ от 13.07.2015 №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»;

- свидетельство о праве на наследство;

- вступившие в законную силу судебные акты и др.

Помимо различных оснований возникновения права частной собственности на земельный участок, также особенностью является правовое регулирование, которое отнесено к компетенции РФ, а на уровне субъектов РФ данные отношения могут быть урегулированы только в том случае, если это допускает федеральный закон.

К основаниям прекращения права частной собственности на земельный участок относятся:

- отчуждение собственником своего земельного участка другим лицам;

- отказ собственника от права собственности на земельный участок;

- принудительное изъятие земельного участка у собственника.

Таким образом, особенностью прекращения права собственности на землю является то, что их можно разделить на добровольные и принудительные.

Следующей характерной чертой реализации прав на землю является их ограничение в соответствии с федеральными законами. Прежде чем раскрыть данный вопрос, необходимо дать определение такой категории как ограничение права на землю. «Ограничение права на недвижимое имущество – наличие установленных законом или уполномоченными органами в предусмотренном законном порядке условий, запрещение стесняющих правообладателя при осуществлении права собственности либо иных вещных прав на конкретный объект недвижимого имущества (сервитута, ипотеки, доверительного управления, аренды и др.)» [5, ст. 1].

Данная категория имеет правовые особенности:

1. Нормативный (на основании нормативного акта) и административный (на основании административного акта) способы установления.

2. Специфический объект – вещные права на конкретный земельный участок.

3. Особая цель – удовлетворение государственных, муниципальных и общественных потребностей.

4. Помимо общих оснований ограничения прав на землю (ограничения необходимые в целях защиты основ конституционного строя, безопасности России, обороны государства, прав и законных интересов субъектов правоотношений, нравственности и здоровья общества) существуют особые виды ограничений, которые закреплены в статье 56 Земельного кодекса РФ, например, особые условия использования земельных участков и режим хозяйственной деятельности в санитарно-защитных зонах; особые условия охраны окружающей среды с целью сохранения естественной среды обитания животного и растительного мира.

Отличительной чертой ограничений прав на землю является их деление на положительные, отражающие специальные условия пользования земельным участком, установленные для правообладателя; отрицательные, запрещающие определенные действия в отношении земельного участка.

Таким образом, субъекты земельных правоотношений смогут эффективно реализовать свои права на землю в полном объеме, если будут учитывать все особенности возникновения, изменения, ограничения прав на землю и их использование. Действующие правовые нормы в российском законодательстве позволяют в абсолютной мере использовать свои права на землю.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации [федеральный закон: принят Государственной Думой 28.09.2001 г.: одобрен Советом Федерации 10.10.2001 г. № 136-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

2. Ковалева, И.С. Особенности возникновения и реализации прав на землю: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ковалева Ирина Сергеевна. – М., 2008. – 165 с.

3. Морозова, Л.А. Теория государства и права / Л.А. Морозова. – М., 2010. – 384 с.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации [федеральный закон: принят Государственной Думой 21.11.1994 г.: одобрен Советом Федерации 30.11.1994 г. № 51-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

5. Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» принят Государственной Думой 17.06.1997 г.: одобрен Советом Федерации 03.07.1997 г. № 122-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3594.

МОЛОДЕЖЬ И ЕЕ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ: ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Воробьева С.В.

доцент кафедры конституционного и международного права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Колягина Е.С.

студентка кафедры конституционного и международного права,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

В статье на основании статистических показателей и данных социальных опросов исследуются причины низкой электоральной активности молодежи. Автором предлагаются эффективные формы и методы повышения электоральной активности молодых избирателей как одного из

приоритетных направлений государственной молодежной политики с учетом мотивационных основ, стимулирующих активное участие молодежи в выборах и в политической жизни государства.

Ключевые слова: избирательное право, электоральная активность, выборы, государственная молодежная политика, правовая культура.

В соответствии с положениями Конституции РФ каждый гражданин РФ имеет право избирать (активное избирательное право) и быть избранным (пассивное избирательное право) в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 32). Однако в современное время мы столкнулись с нежеланием граждан участвовать в политической жизни своего государства. В преддверии выборов Президента РФ проанализируем явку избирателей на президентских выборах за прошлые годы. Так, по данным ЦИК РФ самая высокая явка избирателей была зафиксирована на первых выборах Президента РФ в 1991 году – из 106 484 518 зарегистрированных избирателей в голосовании приняли участие 79 498 240 человек или 74,66%. С годами явка избирателей стала падать и уже в 2004 году зарегистрирована наименьшая активность избирателей – 69 572 177 человек или 64,38%. На президентских выборах в 2012 году явка избирателей составила 65,34% [11]. По данным опроса, проводимого в декабре 2017 года аналитическим центром «Левада-центр», желание прийти на избирательные участки в марте 2018 года заявляют 58% россиян. Ответы «совершенно точно буду голосовать» дают 28% избирателей, «скорее всего, буду голосовать» – 30% избирателей и 20% избирателей не знают, будут ли голосовать. При этом реальная явка, как утверждают исследователи, всегда ниже декларируемой и исходя из приведенных данных может составить 52-54% [12]. Приведенные данные свидетельствуют о низкой электоральной активности россиян.

Еще печальнее обстоят дела с электоральной активностью молодежи. Так, по данным социального опроса, проведенного Е.В. Копаевой, К.А. Котовой, С.Ю. Лисовой среди молодежи и студенчества г. Иваново, около 49,6% опрошенных (всего опрошено 253 человека) вообще никогда не участвовали в выборах, четверть опрошенных – 26% выступают в качестве избирателей крайне редко (в основном они посещают выборы Президента РФ), и только 22,7% опрошенных активно используют свое избирательное право. По результатам социального опроса можно определить и причины, побудившие молодых избирателей принимать участие в выборах (таблица) [5, с.84].

Таблица

Причины электорального участия молодежи в выборах

Причины электорального участия молодежи в выборах	%
Небезразлично будущее страны	27,3
Это мой гражданский долг	27,3
Патриотизм	22,7
Заставляют (родители, вуз, работодатель, СМИ, др.)	13,6
Я думаю, что мой голос имеет значение	4,5
Выбираю кандидата (партию), способного изменить ситуацию	4,6

Исследование, проведенное Г.П. Зинченко, показывает, что среди мотивов низкой электоральной активности молодежи преобладают убежденность в бессмысленности проведения выборов – «На выборы не хожу, потому что мой голос ничего не изменит», недоверие к органам государственной и муниципальной власти – «На выборы не хожу, потому что никому не верю», безразличие к политиче-

ской жизни государства – «На выборы не хожу, потому что мне это вообще неинтересно». [3, с. 135] Таким образом, современная молодежь, которая является серьезным социальным ресурсом гражданского общества, составляющим почти четверть от всего российского населения, обладающего избирательным правом, представляет собой наиболее проблемный сегмент электорального поля, поскольку, подчеркивают авторы В.В. Касьянов, Г.В. Дашкевич, С.И. Самыгин, результаты многочисленных исследований показывают незрелость молодежного электората и его неготовность ответственно подходить к исполнению своих гражданских обязанностей [4, с. 65]. Такое негативное электоральное поведение молодежи получило название абсентеизм [7, с. 118].

Поскольку молодежь наследует уровень развития общества, формирует образ будущего, ее роль должна учитываться во всех сферах общественной жизни. Именно поэтому вопросы, связанные с участием молодежи в выборах, становятся все более актуальными [8, с. 63].

Повышение электоральной активности молодых избирателей является одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики, что отражено и в Основах государственной молодежной политики на период до 2025 года (разработанных с учетом положений Стратегии государственной национальной политики в части реализации задач в сфере патриотического, духовно-нравственного и гражданского воспитания детей и молодежи), и в Молодежной электоральной концепции на 2014-2018 годы, основной целью которой названы повышение интереса молодых граждан РФ к избирательной системе и избирательному процессу в РФ посредством правового просвещения, привлечения молодежи к работе избирательных комиссий, подготовки сотрудников избирательных штабов, членов избирательных комиссий [10]. Молодежь, являющаяся стратегическим ресурсом РФ, служит залогом успешного развития России по всем направлениям, пишут Е.В. Андрюшина, Е.А. Панова [1, с. 79].

Учитывая мотивационные основы, стимулирующие активное участие молодежи в выборах и в политической жизни государства в целом, среди которых исследователи выделяют (по мере убывания значимости): стремление к саморазвитию; желание познакомиться с новыми людьми, интересно провести время, поучаствовать в совместной деятельности; желание улучшить ситуацию в стране, помогать другим, принести пользу обществу, можно сформировать эффективные формы повышения электоральной активности молодых избирателей. Во-первых, это вовлечение молодежи в социально-значимую и одобряемую деятельность. «Чем больше внимания уделяется вовлечению студенческой молодежи в социальную и общественную деятельность, тем выше ее электоральный потенциал и гражданская ответственность» – пишет С.П. Куликов. Эффективной площадкой для создания системы вовлечения молодежи в политическую деятельность автор видит формирование, развитие и поддержка студенческих организаций и студенческого самоуправления в учебных заведениях [6, с. 107]. Некоторыми исследователями предлагается организовывать дискуссионные площадки с целью обсуждения и решения проблем молодежной политики (лекции-беседы, круглые столы, дебат-клубы) [5, с. 85], а также волонтерские и общественные движения, основанные на добровольном, бескорыстном участии молодежи в различного рода общественных проектах: «...если ты знаком изнутри с общественными проектами, знаешь, что от тебя что-то зависит, ты не будешь оставаться в стороне, особенно не проигнорируешь такое важное событие как выборы», – пишет Е.А. Попова [9, с. 102].

Во-вторых, развитие правовой культуры молодых избирателей, проведение среди них просветительно-информационной работы по разъяснению законодательных актов РФ, знакомство их с конституционными правами и обязанностями, а также формирование определенных навыков, сопряженных с прикладным применением молодежью правовых знаний в повседневной жизнедеятельности [4, с. 67]. Так, в 2007 году ЦИК РФ принято решение о ежегодном проведении в российских регионах Дня молодого избирателя с целью привлечения интереса молодых избирателей к выборам, знакомства их с законодательством РФ о выборах и порядке проведения избирательной кампании, повышения гражданской ответственности. Однако, как показало анкетирование, проведенное Е.А. Поповой среди студентов в возрасте от 17 до 21 года, 99 из 110 опрошенных не слышали о Дне молодого избирателя, не говоря о том, чтобы принять в нем участие [9, с. 102]. Указанное свидетельствует о недостаточной работе, проводимой в этом направлении.

В-третьих, интеграция молодых поколений россиян, организация мягкого и органичного вхождения в политическую и социальную жизнь социума – задача, стоящая перед современными российскими политическими партиями, пишут В.В. Касьянов, Г.В. Дашкевич, С.И. Самыгин [4, с. 67]. Электоральный выбор молодого человека формируется под влиянием его окружения, особенностей и агентов его политической социализации, присущих ему оснований социально-экономической и политической стратификации [2, с. 175].

Также необходимо отметить, что значительную роль в повышении электоральной активности молодежи играют средства массовой информации. Согласно исследованиям, о политических процессах, в том числе о выборах молодые избиратели узнают из следующих источников: телевидение – 46,3%; интернет – 16,3%; пресса – 14,4%; радио – 10,6%; наглядная агитация – 9,8%; встречи с представителями власти, кандидатами – менее 1% [5, с. 85]. Учитывая роль средств массовой информации в формировании политической позиции молодых избирателей необходимо поддерживать и развивать сферу молодежного телевидения, развивать публицистические программы, интересные и необычные по формату, адресованные молодежи. Так, ЦИК Республики Татарстан совместно с местной молодежной общественной организацией «Городской Студенческий Совет» провела в городе Набережные Челны молодежное общественно-политическое ток-шоу «Молодежь и выборы», в котором приняли участие более 300 студентов, еще большая аудитория посмотрели эту программу по телевидению и в интернете [9, с. 102].

Учитывая вышеизложенное, считаем, что только совокупное применение указанных форм и методов повышения электоральной активности молодых избирателей приведет к положительному результату, при обязательном учете мотивационных основ, стимулирующие активное участие молодежи в выборах и в политической жизни государства.

Список литературы

1. Андрюшина Е.В., Панова Е.А. Участие дальневосточной молодежи в электоральных процессах (на примере выборов 10 сентября 2017 г.) // Власть. 2017. №11. С. 79-82.
2. Ефанова Е.В., Самолазова А.Е. Электоральный выбор молодежи: факторы формирования, поведенческие особенности // Вестник МГОУ. 2017. №4. С. 169-177.
3. Зинченко Г.П. От чего зависит электоральная активность молодежи? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. №3. С. 134-137.
4. Касьянов В.В., Дашкевич Г.В., Самыгин С.И. Модели политической социализации и электоральная активность молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №3. С. 65-68.

5. Копаева Е.В., Котова К.А., Лисова С.Ю. Политическая активность студенческой молодежи: проблемы и тенденции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №6-1 (80). С. 82-86.
6. Куликов С.П. Воспитательная работа как механизм повышения электоральной активности студенческой молодежи // Вестник РМАТ. 2015. №1. С. 103-107.
7. Муляр Е.Н. Молодежь и ее участие в выборах // Символ науки. 2015. №9-2. С. 118-120.
8. Низамов Р.Р. Электоральная активность молодежи: понятие и современное состояние // Молодой ученый. 2017. №35. С. 62-64.
9. Попова Е.А. Формы и методы повышения электоральной активности молодежи // Новое слово в науке: стратегии развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 101-103.
10. Постановление ЦИК России от 12.03.2014 года №221/1429-6 (ред. от 07.10.2015) «О молодежной электоральной концепции» // Вестник ЦИК России. 2014. №3.
11. Сведения о численности зарегистрированных в пределах Российской Федерации, за пределами территории Российской Федерации избирателей, участников референдума Российской Федерации по состоянию на 1 января 2017 года, 1 января 2018 года // [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.cikrf.ru/izbiratel/quantity/>.
12. Социологи прогнозируют рекордно низкую явку на президентских выборах // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/12/13/sotsiologi-prognoziruyut-rekordno-nizkuyu-yavku-na-prezidentskih-vyborah/>.

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПОЛНОМОЧИЯ НАБЛЮДАТЕЛЯ НА ВЫБОРАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Воробьева С.В.

доцент кафедры конституционного и международного права, канд. юрид. наук,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Скорбунова Ю.А.

студентка четвертого курса,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Статья посвящена правовому статусу и полномочиям наблюдателей на выборах в Российской Федерации, особенностям данного института и вопросам предотвращения коррупции при осуществлении выборов. В статье отражены основные принципы осуществления наблюдателями своих функций, возникающие в связи с этим проблемы, а также перспективы развития данного института.

Ключевые слова: избирательное право, конституционное право, наблюдатели на выборах.

Пунктом 3 статьи 3 Конституции Российской Федерации установлено, что высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы [6]. С учетом того, что согласно части 1 статьи 1 Конституции Российской Федерации Россия является демократическим государством, честные и состязательные выборы являются основой выражения свободной воли граждан.

Одним из гарантов отсутствия нарушений прав избирателей и участников выборов при их проведении является институт наблюдателей. Участие наблюдателя в осуществлении процедуры проведения выборов связано, в том числе, с необходимостью исключения коррупционной составляющей в действии членов избирательных комиссий и недопущения совершения ими противоправных действий.

Согласно пункту 42 статьи 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) наблюдатель – это гражданин Российской Федерации, уполномоченный осуществлять наблюдение за проведением голосования, подсчетом голосов и иной деятельностью комиссии в период проведения голосования, установления его итогов, определения результатов выборов, референдума, включая деятельность комиссии по проверке правильности установления итогов голосования и определения результатов выборов, референдума [9].

Статус наблюдателя в рамках проведения выборов Президента Российской Федерации регулируется статьей 23 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 19-ФЗ). При этом пунктом 8 статьи 23 указанного федерального закона предусмотрено, что наблюдателей вправе назначить зарегистрированный кандидат или его доверенное лицо, политическая партия, а также субъекты общественного контроля, указанные в статье 9 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [11].

В целях наиболее эффективного обеспечения реализации этого права указанными выше субъектами Центральной избирательной комиссией Российской Федерации издано Постановление от 30.01.2018 № 134/1110-7 «О Разъяснениях порядка назначения наблюдателей субъектами общественного контроля при проведении выборов Президента Российской Федерации» (далее – Постановление ЦИК России № 134/1110-7).

Постановление ЦИК России № 134/1110-7, в частности, определяет формы направления наблюдателей субъектом общественного контроля, которые включают фамилию, имя, отчество, адрес места жительства наблюдателя, а также номер его телефона [7]. По мнению ряда исследователей, представление в избирательную комиссию сведений о наблюдателях является необходимым в целях противодействия незаконному наблюдению, а также урегулирования взаимоотношений между наблюдателями и избирательными комиссиями [3, с. 34-37].

Указанное постановление также уточняет положения статьи 23 Федерального закона № 19-ФЗ, которая, в частности, предусматривает поочередное осуществление наблюдения за проведением голосования несколькими наблюдателями, назначенными одним субъектом общественного контроля, а также запрет на одновременное осуществление ими своих полномочий.

Следует отметить, что необходимость представления сведений о наблюдателях, а также ограничение их количества появились в отечественном законодательстве относительно недавно, с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 33 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в части деятельности наблюдателей».

С точки зрения М.А. Елизаровой указанное ограничение имеет принципиальную правоприменительную значимость в связи с возможностью последующего обжалования действий (бездействия) избирательной комиссии, в связи с чем свидетельские показания нескольких наблюдателей могут представлять более весомый аргумент в избирательных спорах [4, с. 134-136].

М.А. Елизарова определяет, таким образом, наблюдателя как свидетеля событий, происходящих на конкретном избирательном участке. С таким мнением следует не согласиться, поскольку в первую очередь наблюдатель выступает в качестве уполномоченного лица, осуществляющего контроль за исполнением законодательства Российской Федерации. Вместе с тем необходимо отметить, что наблюдатель не является должностным лицом, в связи с чем не обладает какими-либо инструментами воздействия на членов комиссии или иных участников избирательного процесса.

Основные права, обязанности и ограничения, возлагаемые на наблюдателей при осуществлении ими своих функций, определены в статье 30 Федерального закона № 67-ФЗ, регулирующего общие вопросы проведения выборов и референдумов на территории Российской Федерации.

Указанная статья, определяющая основные принципы обеспечения гласности в деятельности избирательных комиссий, предусматривает перечень полномочий наблюдателя, среди которых необходимо отметить следующие:

- наблюдение за выдачей бюллетеней избирателям;
- наблюдение за подсчетом числа граждан, внесенных в списки избирателей;
- обжалование действия (бездействия) комиссии в вышестоящую комиссию, избирательную комиссию субъекта Российской Федерации, Центральную избирательную комиссию Российской Федерации или в суд.

Исходя из этого основной задачей наблюдателя является контроль за обеспечением избирательной комиссией соблюдения норм законодательства Российской Федерации и, при необходимости, обжалование ее действий (бездействия) в судебном или во внесудебном порядке.

Д.В. Галкин полагает, что также одной из важных функций наблюдателя является возможность обращения к представителям избирательной комиссии (председателю или лицу, его заменяющему) с предложениями и замечаниями по вопросам организации голосования [2, с. 106-111].

Представляется, что норма, предоставляющая такое право наблюдателям (в частности, подпункт «д» пункта 9 статьи 30 Федерального закона № 67-ФЗ, подпункт 6 пункта 12 статьи 23 Федерального закона № 19-ФЗ), нуждается в дополнении в связи с необходимостью уточнения широты полномочий наблюдателя по данному вопросу. Следует также отметить, что не в полной мере ясны возможные последствия вынесения соответствующих предложений и замечаний наблюдателем, поскольку в указанных федеральных законах не предусмотрены инструменты их учета избирательной комиссией.

Необходимо учитывать, что наблюдатель должен также соблюдать определенные обязанности, неразрывно связанные с предоставленными ему правами. В соответствии с пунктом 10 статьи 30 Федерального закона № 67-ФЗ наблюдатель не вправе предпринимать действия, нарушающие тайну голосования, принимать непосредственное участие в подсчете бюллетеней, проводить агитацию среди избирателей, а также участвовать в принятии решений соответствующей комиссией, то есть каким бы то ни было образом влиять на результат выборов.

В связи с вышеуказанным следует отметить, что статус наблюдателя не предполагает участия в организации выборов, а предусматривает лишь контроль их проведения, однако предоставленные наблюдателю законодательством права могут быть использованы им для совершения противоправных коррупционных действий, в связи с возможностью осуществления своей деятельности в личных целях.

По мнению Е.А. Акунченко одним из коррупциогенных факторов при проведении выборов является использование своего специального правового статуса, служебного положения ради извлечения какой-либо выгоды вопреки законным интересам граждан и государства [1, с. 12-18].

И.А. Зырянова относит к числу субъектов коррупционного злоупотребления правом в избирательном процессе непосредственно членов избирательных комиссий, средства массовой информации, должностных лиц органов государственной (муниципальной) службы организации, а также кандидатов, их доверенных лиц и уполномоченных представителей, наблюдателей и избирателей [5, с. 33-38].

Следует отметить, что, по мнению ряда исследователей, наличие в федеральном законодательстве нормы, предполагающей удаление наблюдателя из помещения для голосования только по решению суда (пункт 12 статьи 64 Федерального закона № 67-ФЗ) фактически обеспечивает неприкосновенность наблюдателя и предоставляет ему необоснованно широкие возможности влиять на ход голосования и подсчета голосов [12, с. 105-108]. Необходимо согласиться с тем, что механизм реализации данной нормы в настоящий момент отсутствует, поскольку процесс подачи заявления в суд, равно как и его рассмотрение занимает намного больше времени, нежели необходимо для пресечения противоправных действий, осуществляемых наблюдателем.

В завершение следует отметить, что институт наблюдателей в современной России требует развития с целью уточнения полномочий наблюдателей в рамках осуществления избирательного процесса, а также предоставления как наблюдателям, так и членам избирательных комиссий более широкого спектра инструментов для взаимодействия и предотвращения возникновения коррупции, а также нарушения прав и законных интересов граждан и государства.

Список литературы

1. Акунченко Е.А. Коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе и основные меры его предупреждения // Избирательное право. № 2 (36). 2017. С. 12-18.
2. Галкин Д.В. Институт наблюдателей на выборах как форма общественного контроля // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 1. С. 106-111.
3. Гаранников П.С. Роль избирательных комиссий в организации и проведении выборов // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 11. С. 34-37.
4. Елизарова М.А. К вопросу о совершенствовании института наблюдателей на выборах в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства, права и гуманитарных наук. Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции аспирантов, магистрантов, студентов. 2015. С. 134-136.
5. Зырянова И.А. Основные субъекты коррупции в избирательном процессе // Мир юридической науки. 2013. № 10-11. С. 33-38.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. ст. 4398.
7. Постановление ЦИК России от 30.01.2018 № 134/1110-7 «О Разъяснениях порядка назначения наблюдателей субъектами общественного контроля при проведении выборов Президента Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=BA1A9EAC487558F1A5550F0E633F2B65&mode=fullsplus&BASENODE=1&ts=535553968016488007593829224&base=LAW&n=289441&rnd=0.7693153793293618#05667059089766361> (дата обращения: 25.02.2018).
8. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.07.2014. № 30 (Часть I). ст. 4213.
9. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 17.06.2002. № 24. ст. 2253.

10. Федеральный закон от 15.02.2016 № 29-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 33 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в части деятельности наблюдателей» // Собрание законодательства РФ. 15.02.2016. № 7. ст. 917.

11. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 13.01.2003. № 2. ст. 171.

12. Шутова В.Н. К вопросу об изменении статуса наблюдателя на выборах // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXII международной научно-практической конференции: в 2 т. 2017. С. 105-108.

РАЗВИТИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАЦИИ В РАЗРЕШЕНИИ БИЗНЕС-КОНФЛИКТОВ

Григорянц С.А.

доцент кафедры гражданского процесса, кандидат юридических наук,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Ростов-на-Дону

Черникова Н.С.

магистрант кафедры теории и истории государства и права,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассмотрены вопросы, связанные с использованием института медиации как эффективного способа защиты доброго имени в сфере предпринимательства. Отмечено, что несмотря на пока не высокий уровень востребованности медиации в бизнесе следует создать условия для повышения культуры предпринимательства, в том числе путем развития медиативных начал разрешения предпринимательских споров.

Ключевые слова: альтернативные способы разрешения споров, предпринимательство, конкурентные преимущества, медиация, бизнес.

Медиация является процедурой, направленной на поиск наиболее выгодного решения конфликтной ситуации для сторон. Где медиатор представляется лицом нейтральным по отношению к двум сторонам, принимающим участие в конфликте, он помогает гражданам (лицам) прийти к такому решению ситуации, используя не только юридические знания, сведения из деловой практики, но и знания в области психологии человеческих взаимоотношений [3, с.158]. Сам медиатор не выносит решений и в его компетенцию входит то, как более не навязчиво донести до сторон свою позицию относительно предмета спора. Участие в процедуре медиации является добровольным, прекратить процедуру можно в любой момент, результаты по проведению данного расследования уничтожаются и сохраняется полная конфиденциальность полученной информации в ходе собирания доказательств для урегулирования конфликта между сторонами.

Внедрение процедуры медиации в нашей стране в сфере предпринимательства идет не легко, так как институт медиации является молодым его существование принято считать с момента вступления Федерального закона в силу, а именно с 01 января 2011 года ФЗ № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника» [5]. Столь новый закон дал начало эффективному способу разрешения споров и конфликтов в различных ситуациях жизнедеятельно-

сти как людей, так и предприятий. По данным социологического исследования медиация является менее востребованной, в отличие от судебного урегулирования конфликтных ситуаций и спорных вопросов. Конфликты, рассматриваемые в суде, имеют во многих случаях настолько глубокий характер, что в частности случаев они не связаны с предметом спора. Поэтому при внедрении процедуры медиации необходимо выстраивать работу со всеми органами государственной, исполнительной власти и с общественными организациями. Ведь даже самое справедливое решение суда имеет возможность того что одну из сторон не всегда удовлетворяет принятое решение, либо вынесенное постановление. А медиация – это иной способ разрешения конфликтных ситуаций. Следует обратить внимание, что процедура медиации очень востребована в развитых Европейских странах, там перед топ-менеджерами крупных корпораций, изначально ставится задача не довести экономические споры и конфликтные ситуации до суда. В случае если специалист не урегулировал спор путем использования медиации и исход из данной ситуации мирным путем не осуществим, то в таком случае ставится вопрос о компетентности данного сотрудника корпорации.

Следовательно, внедрение практики по данному урегулированию споров необходимо постепенно применять в России, так как данный институт может значительно разгрузить суды. Деятельность правительства должна быть направлена на развитие и улучшение деятельности института медиации для того, чтобы большинство конфликтов в сфере предпринимательства разрешались с помощью медиаторов.

Целесообразно использовать процедуру медиации при разрешении конфликтов в сфере предпринимательства в случаях, когда сторонами конфликта являются добросовестные компании либо же предприятия, участники данных компаний либо же топ-менеджеры, которым важны партнёрские отношения, приоритет они ставят репутацию компании, готовы прибегнуть к примирительному диалогу с партнером и продолжать сотрудничать с компаниями-партнерами. Для достижения своих целей стороны не имеют цели использовать в ходе конфликта сомнительные средства. У участников разрешения конфликта отсутствует необходимость в создании юридических прецедентов, а также необходимость добиваться вынесения судебных решений против партнёра по бизнесу.

Особенности государственного регулирования предпринимательства заключается в том, что роль государственного регулирования в процессе глобализации предпринимательства меняется и характеризуется следующими особенностями. В новых экономических условиях возрастает роль международных структур, которые регулируют и поддерживают предпринимательство. Несмотря на снижающийся потенциал инструментария государственного регулирования предпринимательства, для некоторых отраслей и видов предпринимателей оно остается значимым [1, с. 96].

На настоящем этапе государственные методы регулирования должны быть направлены на политику поддержки таких субъектов предпринимательства, которые используют международные стандарты, имеют национальные стратегические ориентиры, а также цели развития инвестиционной привлекательности. Речь идет в первую очередь об инновационных секторах народного хозяйства [4, с.84]. Таким образом, не смотря на постоянное развитие сферы предпринимательства, внедрение медиации необходимо для поддержания более стабильного положения на рынке товаров и услуг, поддержка низко-конфликтного конкурентного состояния.

Сторонники развития медиации выделяют преимущественное положение ее применения в бизнесе, которое прежде всего заключается в экономии времени, так

как подготовка к процедуре мирного урегулирования конфликта занимает не больше недели, а сам процесс не более трех часов. Вследствие быстрого проведения процесса урегулирования, медиация осуществляет экономию денег и ресурсов, которые постоянно возрастают в тех случаях, если бизнес находится в конфликтном, а как следствие и в кризисном состоянии, и позволяет избежать судебных издержек. В ходе сохранения конфиденциальности в процессе медиативного разрешения спора, исключено попадание сведений о том, что компания находится в конфликте, уменьшая риск попадания данной информации в прессу и на сайты судов. В медиации решения принимают участники при содействии специально подготовленного посредника иными словами, будет ли решение исполнимым и выгодным для сторон, зависит только от них самих, а не от высшей инстанции, выносящей решение. А также успешно проведенная процедура медиации способствует налаживанию отношений сторон, в ходе принятия решений по выходу из конфликта рождаются бизнес-идеи, дающие серьезный импульс к взаимовыгодному сотрудничеству и развитию.

Поскольку Закон не так давно вступил в силу, обратившись к судебной практике можно наблюдать следующее, российская практика по применению процедуры медиации «в чистом виде» пока найти сложно. Однако у предприятий, действующих в пределах российской юрисдикции есть определённый опыт использования переговорного процесса как способа профилактики и предотвращения корпоративных конфликтов [2, с.211]. Опыт может лечь в основу дальнейшего развития процесса независимого внесудебного посредничества.

Медиаторы отмечают, что современные условия развития предпринимательства в нашей стране весьма непросты. Бизнес нуждается в защите своих прав и законных интересов. В праве каждого из участников искать наиболее приемлемые способы и технологии защиты путем применения медиативного разрешения конфликтов.

В качестве улучшения развития института медиации следует обучать юристов курсам медиации, установить дежурство медиаторов в судебных делах, создать отдельный кабинет для медиаторов, а также подключить средства массовой информации для осведомления о деятельности медиаторов, и возможно даже законодательно регламентировать процедуру медиации в России.

Если у вас возник конфликт с совладельцем или партнёром по бизнесу, не торопитесь идти в суд, следует пригласить опытного посредника и постараться с его помощью найти компромиссное решение.

Список литературы

1. Волкова О., Молодых А., Щипинова О. Молодежное предпринимательство: проблемы и перспективы развития // Актуальные вопросы использования интеллектуального потенциала молодежи в инновационном развитии донского региона : сборник материалов симпозиума в рамках Окружного молодежного инновационного конвента ЮФО, 10 октября 2013 г. / под ред. А.М. Старостина, Л.Л. Ивановой. Ростов н/Д., 2013.
2. Давыденко Д. Медиация как применительная процедура в коммерческих спорах: сущность, принципы, применимость //Хозяйство и право. 2005. №5.
3. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2011.
4. Майорова Л.Н. Малое предпринимательство как фактор экономического роста // Экономика XXI века. 2008. № 1.
5. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 № 193-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Дорохов Н.И.

к.и.н., профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
Московский университет им. С.Ю. Витте;
доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются основные проблемы государственного управления в области информационных технологий, дана общая характеристика административно-правовых основ в исследуемой сфере, их содержание и перспективы развития.

Ключевые слова: государственное управление, информационные технологии, информационные ресурсы, информационная безопасность, административно-правовые основы, административно-правовая ответственность, перспективы развития.

Информационно-правовое обеспечение государственного управления, развитие и применение информационных технологий в экономической, политической, социальной и иных сферах современного общества являются одним из приоритетных областей социально-экономического и научно-технологического развития страны. Это направление деятельности носит всеобщий характер и, безусловно, может быть отнесено к основным (общесоциальным) функциям государства.

Актуальность и острота данного направления государственной политики усиливается тем, что информационные процессы, технологии, ресурсы, иные информационные институты становятся заметным звеном предметной деятельности государства и его органов управления, выражают непосредственную связь между существенными, формальными признаками современного государства и его социальным назначением, определяют перспективы развития российского государства.

Информационно-правовое обеспечение государственного управления можно определить как направленную деятельность государства и иных уполномоченных субъектов по реализации политики государства в области информатизации и информационного обслуживания институтов публичной власти, населения страны, в целом общества и его интересов в данной сфере в определенных правовых формах.

В этих условиях одним из ключевых направлений государственного управления являются совершенствование института администрирования, системное совершенствование административно-правовых основ в рассматриваемой области, выявление круга организационных и правовых проблем, связанных с оценкой, состоянием и перспективами развития систем информационных технологий [1, с. 528-529].

Содержание административно-правовых основ в области информационных технологий включает в себя:

- 1) цели, задачи, принципы государственной политики в исследуемой области, их уточнение и актуализация с учетом информационного ресурсного потенциала России и ответственности государства перед обществом за качественное информационное обслуживание населения страны и обеспечение информационной безопасности;

2) систему органов государственного управления, иных органов, организаций и учреждений, участвующих в реализации государственной политики в рассматриваемой сфере, ее оптимизация, повышение эффективности и результативности;

3) оценку нормативно-правовой базы, ее состояния и совершенствования с учетом новых задач и перспектив развития общества и государства;

4) институт административной ответственности за правонарушения в информационной сфере, анализ их составов, а также характеристика мер административного обеспечения;

5) выявление проблем и определение путей их решения, совершенствования механизма государственного управления [2, с. 33]. Рассмотрим.

Первое. В соответствии с основами государственной политики в области информационного развития России, закрепленными в ряде основополагающих нормативно-правовых актов, в их числе федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и др.; государственными программными документами – «Информационное общество (2011-2020 годы)», утвержденном распоряжением Правительства РФ от 20.10.2010 №1815-р; «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», утвержденной указом Президента РФ от 09.05.2017 г. №203; «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (2001 г.)» и др. стратегической целью государственной политики в области информационных технологий является создание условий для развития информационного общества и формирования единого информационного пространства России; обеспечение жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере, обеспечение информационной безопасности; расширение объема и качества предоставления услуг физическим и юридическим лицам в информационной сфере.

Достижение данной цели предполагает решение ряда задач. В их числе:

– обеспечение предоставления гражданам и организациям услуг с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий;

– развитие технической и технологической основы становления информационного общества, а также по предупреждению угроз, возникающих в информационном обществе;

– обеспечение национальных интересов при развитии информационного общества путем формирования информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развития информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации, создания и применения российских информационных и коммуникационных технологий, обеспечения их конкурентоспособности;

– формирование новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы посредством широкого применения отечественных информационных и коммуникационных технологий, привлечения инвестиций в производство инновационных технологий, развития технологий электронного взаимодействия граждан, организаций, государственных органов и органов местного самоуправления, совершенствования механизмов электронной демократии и др.;

– обеспечение национальных интересов в области цифровой экономики путем формирования новых рынков, основанных на использовании информационных

и коммуникационных технологий, и обеспечение лидерства на этих рынках за счет эффективного применения знаний, развития российской экосистемы цифровой экономики, создания кросс-отраслевых консорциумов в сфере цифровой экономики на базе крупнейших российских интернет-компаний, банков, операторов связи и платежных систем, участников финансового рынка и др.

Второе. Субъектами государственного управления, участвующими в реализации государственной политики в области информационных технологий являются: Президент РФ, Федеральное Собрание – парламент РФ, Правительство РФ, Администрация Президента Российской Федерации, аппарат Совета Безопасности Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, Центральный банк Российской Федерации, органы законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, государственные внебюджетные фонды, фонды и институты развития, государственные корпорации, компании с государственным участием, частные компании.

Главным государственным органом, исполняющим объем федеральных полномочий в области информационных технологий является Министерство связи и массовых коммуникаций РФ, а также подведомственные ему Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Федеральное агентство связи и другие федеральные органы исполнительной власти.

Важно отметить, что нынешняя структура государственных органов, обеспечивающих управление в сфере информационных технологий стала результатом достаточно длительного процесса реформирования и оптимизации системы исполнительной власти. С 2007 г. более пятнадцати раз вносились изменения в структуру федеральных органов исполнительной власти, ответственных за осуществление функций по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере информационных технологий, включая использование информационных технологий при формировании государственных информационных ресурсов и обеспечение доступа к ним.

Такая динамика не могла не сказаться на качестве государственного управления в рассматриваемой области и отрицательно повлияла на многие управленческие процессы, направленные на обеспечение различных направлений в области информационных технологий.

В качестве примера назовем факт, что длительное время (до 2008 г.) федеральное министерство называлось Министерство по информационным технологиям и связи РФ и, по сути, действовало преимущественно в области информационных технологий и связи, но при этом в ведомственном подчинении имело федеральное агентство по информационным технологиям РФ, правой статус которого не был точно определен.

Фактически речь шла о дублировании функций министерства и федерального агентства, что, безусловно, приводило к малоэффективному использованию управленческого потенциала в рассматриваемой сфере. И таких примеров было более, чем достаточно. Между тем, проблемы с определением правового статуса отдельных органов государственной власти в области информационных технологий, обеспечения информационной безопасности, реализации их прав и обязанностей в информационной среде остаются. Это же касается и информационного статуса органов местного самоуправления, иных субъектов, обладающих специальным статусом в области информационной деятельности [3, с. 66-75].

Третье. Нормативно-правовое обеспечение государственного управления в области информационных технологий содержит более 1,2 тыс. нормативно-правовых актов, которые можно классифицировать на ряд групп:

1) международно-правовые акты – международные конвенции, договоры и соглашения, подписанные Российской Федерацией и ратифицированные в установленном законом порядке (Конвенция ООН по борьбе с киберпреступностью (2001 г.), Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (2005 г.), Окинавская хартия глобального информационного общества (2000 г.), Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (2003 г.), План действий Туниского обязательства (2005 г.) и др.);

2) Конституция РФ (статьи 23, 24, 29, 44, 71, 72 и др.) и федеральные законы («Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», «О противодействии терроризму», «О персональных данных», «О связи», «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и др.);

3) указы и распоряжения Президента РФ («О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 21.05.2012 №636 и др.);

4) постановления и распоряжения Правительства РФ («Об утверждении государственной программы «Информационное общество (2011-2020 годы)»: подпрограммы – «Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества и услуги, оказываемые на ее основе», «Информационная среда», «Безопасность в информационном обществе», «Информационное общество»; «Об утверждении перечня наименований услуг связи, вносимых в лицензии, и перечней лицензионных условий»; «О порядке регистрации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств»; «Об утверждении перечня средств связи, подлежащих обязательной сертификации» и др.);

5) нормативные акты федеральных министерств и ведомств, прежде всего Министерства связи и массовых коммуникаций РФ и находящихся в его ведении федеральных служб и агентств и др. («Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной услуги по осуществлению лицензирования деятельности в области оказания услуг связи», «Об утверждении требований к содержанию описания сетей связи и средств связи, с использованием которых будут оказываться услуги связи» и др.);

6) нормативные акты субъектов РФ по вопросам организации связи, предоставления информации, развития информационных технологий (к примеру, Закон г. Москвы от 24 октября 2001 г. №52 «Об информационных ресурсах и информатизации города Москвы»);

7) внутрикорпоративные акты (они регулируют деятельность ассоциаций и корпораций в сфере информатики, связи и массовых коммуникаций, а также в области информационных технологий) и акты локального уровня (они закрепляют перечень сведений, составляющих служебную, коммерческую, банковскую тайну; инструкции о форме первичной учетной документации, о правилах ведения электронного документооборота и др.).

Несмотря на достаточно разветвленную нормативно-правовую базу в рассматриваемой области, тем не менее, качество нормативного регулирования информационно-технологических процессов остается невысоким, среди очевидных недостатков следует назвать несоответствие ряда из них современным потребностям информационно-коммуникационным технологий и экономическим реалиям, повторность и дублирование, несвоевременность и недостаточная продуманность принимаемых актов и др.

Можно предположить, что устранение недостатков и повышение качества нормативно-правового регулирования можно достичь путем разработки и принятия единого кодифицированного акта типа Информационного кодекса РФ, объединяющего регулирование всех направлений создания информационной инфраструктуры и правил пользования информационными системами, информационными ресурсами и технологиями [3, с. 42].

Четвертое. Одной из ключевых административно-правовых основ, направленных на обеспечение развития информационных технологий и информационной безопасности российского общества является институт административной ответственности за совершаемые информационные правонарушения.

Административная ответственность за информационные правонарушения регулируется Кодексом РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ), федеральными законами «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», «О персональных данных», «О государственной тайне», «О связи», иными актами, в том числе регионального уровня, содержащими перечни составов информационных правонарушений. Основной круг составов административных правонарушений в области информации и информационно-коммуникационных технологий определен специальной главой 13 КоАП РФ «Административные правонарушения в области связи и информации» (27 составов), а также другие информационные и смежные с ними правонарушения предусмотрены в главах 5-8, 14-17, 19, данного Кодекса.

Основаниями административных наказаний, предусмотренных в главе 13 КоАП РФ, являются самовольные, противозаконные действия физических и юридических лиц в области информации и информационных технологий (ст. 13.2, 13.3, 13.9, 13.11, 13.13, 13.25), нарушения установленных требований и правил в информационной сфере (ст. 13.4, 13.5, 13.7, 13.12, 13.14, 13.17, 13.19, 13.20, 13.21, 13.22, 13.23, 13.27, 13.28), нарушения, вызванные несоблюдением установленных стандартов и норм в информационной среде (ст. 13.6, 13.8, 13.10, 13.15, 13.16, 13.18, 13.24, 13.26) и др.

Административным правонарушением (проступком) в информационной сфере называется противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие физического или юридического лица, посягающее на информационные права и свободы человека и гражданина, здоровье, общественную нравственность, установленный порядок и общественную безопасность, установленный порядок осуществления государственной власти, общественный порядок и собственность, законные интересы других лиц, за которые законодательством предусмотрена административная ответственность.

Состав административного правонарушения в информационной сфере – это совокупность характерных признаков рассматриваемого правонарушения, которые предусмотрены соответствующими нормами административного права и характеризующие данное правонарушение как общественно вредное, противоправное и нака-

зубое явление. Все признаки, характеризующие состав административного правонарушения в рассматриваемой области, существуют не отдельно, а в связи друг с другом. Они группируются в нечто целое, содержащее в себе четыре основных элемента: объект правонарушения в информационной среде, объективная сторона; субъект правонарушения в данной области и субъективная сторона. Рассмотрим.

Объект административного правонарушения включает административно-информационно-правовые отношения, а также тесно связанные с ними иные отношения, которые охраняются действующим административным и информационным законодательством и которым конкретным правонарушением приносится общественный вред, ущерб или создается угроза причинения такового. К непосредственным объектам правонарушения в информационной сфере относятся самые разные явления – сама информация, информационные ресурсы, информационная продукция, информационные технологии, программы для ЭВМ и баз данных, топологии интегральных микросхем, сами ЭВМ, их сети и многое другое.

Принципиально информационные правонарушения по объекту посягательств можно разделить на четыре группы:

- противоправные посягательства в сфере реализации информационных прав и свобод человека и гражданина;
- противоправные посягательства в сфере организации и деятельности средств массовой информации;
- противоправные посягательства против мер, обеспечивающих информационную безопасность общества, государства, гражданина;
- противоправные посягательства против индустрии телекоммуникаций и связи.

Объективная сторона административного правонарушения в информационной сфере проявляется в его внешней стороне, при этом наиболее важными элементами объективной стороны являются – противоправное действие или бездействие; наступившие последствия и причинная связь между ними; место, время совершения неправомерных актов; условия, средства, орудие, способы и др.

Субъект административного правонарушения в информационной сфере – это физические или юридические лица, которые совершили противоправные деяния и должны за это нести административную ответственность в установленном законе порядке. При этом физические лица должны быть вменяемые, достигшие определенного возраста, с которого наступает ответственность по действующему законодательству.

Субъективную сторону административного правонарушения характеризует психическое отношение субъекта правонарушения к совершенному противоправному действию или бездействию в области информации, информатизации, информационных технологий и иных информационных областях.

В качестве иллюстрации охарактеризуем состав административного правонарушения, представленный в ст.13.14 КОАП РФ «Разглашение информации с ограниченным доступом».

Объектом правонарушения выступают правовые отношения (сложившийся порядок) в области обеспечения информационной безопасности посредством установления правил защиты информации и запрета на разглашение информации с ограниченным доступом.

Объективная сторона данного правонарушения состоит в разглашении информации, доступ к которой ограничен федеральным законом. В соответствии с

Федеральным законом от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», разглашение информации – это действие или бездействие, в результате которых информация, составляющая коммерческую тайну, в любой возможной форме (устной, письменной, иной форме, в том числе с использованием технических средств) становится известной третьим лицам без согласия обладателя такой информации либо вопреки трудовому или гражданско-правовому договору.

Приведенное определение имеет универсальный характер и вполне может быть использовано для характеристики разглашения иных видов тайн и конфиденциальной информации. Важно отметить, что для привлечения к административной ответственности по комментируемой статье недостаточно факта разглашения информации, необходимо наличие еще ряда условий:

- доступ к разглашенной информации ограничен федеральным законом;
- разглашение информации совершено лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей;
- за разглашение такой информации не установлена уголовная ответственность;
- разглашение информации не связано с недобросовестной конкуренцией.

Один из основных принципов правового регулирования отношений в сфере информации гласит: ограничения доступа к информации устанавливаются только федеральными законами. Это означает, что режим ограниченного доступа в отношении определенного вида информации не может быть установлен подзаконными нормативными правовыми актами, актами субъектов РФ и др. Законодатель различными способами вводит ограничение доступа к той или иной информации: прямо указывает на ее конфиденциальность, либо относит информацию к категории ограниченного доступа, либо определяет круг лиц, которым такая информация должна предоставляться, либо характеризует информацию как тайну. Заметим, что в настоящее время в федеральных законах упоминается более 40 видов тайн. За разглашение части этих тайн установлена уголовная ответственность (см., например, ст. 137, 138, 147, 155, 183, 275, 276, 283, 284, 310, 311, 320 УК РФ). [4, с. 713].

Субъектами правонарушения, предусмотренного комментируемой статьей, являются граждане, должностные лица в случае, если доступ к информации они получили в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей.

Субъективная сторона данного правонарушения допускает как умысел, так и, возможно, и по неосторожности.

Пятое. Проблемы государственного управления в области информационных технологий диктуются и определяются самой ситуацией в информационной среде российского общества. Электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети «Интернет», стали частью повседневной жизни россиян.

Пользователями российского сегмента сети «Интернет» в 2016 году стали более 80 млн. человек. В России информационное общество характеризуется широким применением и доступностью мобильных устройств (в среднем на одного россиянина приходится два абонентских номера мобильной связи), а также беспроводных технологий, сетей связи. Создана система предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к которой подключились более 34 млн. россиян.

Граждане имеют возможность направить в электронной форме индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Информационные и коммуникационные технологии оказывают

существенное влияние на развитие традиционных отраслей экономики. Объем реализации товаров и услуг россиян в 2015 году достиг эквивалента 2,3 процента валового внутреннего продукта и имеет устойчивую тенденцию к росту [5].

В этих условиях наряду с задачей обеспечения всеобщего доступа к информационным и коммуникационным технологиям актуальной является проблема интенсификации использования самих технологий. Именно на решение этой задачи нацелена новая редакция государственной программы «Информационное общество (2011 – 2020 годы)». Целью госпрограммы является повышение качества жизни граждан и общества на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий. Для достижения этой цели планируется решить задачи по обеспечению предоставления гражданам и организациям услуг с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий, развитию технической и технологической основы становления информационного общества, а также по предупреждению угроз, возникающих в информационном обществе.

Как мы отмечали, данная программа содержит четыре подпрограммы, в рамках которых определены ключевые цели, задачи, проблемы, решение которых позволит говорить о реальных перспективах развития информационных технологий, в целом информационного общества в России.

В числе основных направлений выделим:

1. Создание условий для равного уровня доступности современных информационно-телекоммуникационных технологий;
2. Обеспечение равного доступа населения к медиасреде за счет строительства, восстановления, реконструкции, переоборудования объектов телерадиовещания; участия России в международном информационном пространстве, развития национальных информационных ресурсов;
3. Создание инфраструктуры, обеспечивающей информационную безопасность государства, граждан и субъектов хозяйственной деятельности посредством совершенствования контроля и надзора, в том числе разрешительной и регистрационной деятельности в сфере информационных технологий; предупреждения информационно-технологических угроз национальным интересам России;
4. Повышение уровня взаимодействия граждан, организаций и государства на основе информационных и телекоммуникационных технологий посредством развития электронного правительства, качества государственного управления на основе информационных технологий в области медицины, здравоохранения, и социального обеспечения, в области образования, науки и культуры, поддержки региональных проектов [6].

Формирование и развитие новых информационных технологий напрямую затрагивает важнейшие сферы российского общества, прежде всего, экономическую. В связи с этим одной из определяющих проблем в развитии информационных технологий на современном этапе выступает внедрение в России цифровой экономики и образование ее экосистемы.

В настоящее время создана и функционирует правительственная комиссия по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, в рамках деятельности которой в качестве основного звена разрабатывается программа формирования в стране цифровой экономики. К работе над данной программой привлечены 15 органов государственной власти и более тысячи экспертов.

В течение трех лет для создания правовых условий развития цифровой экономики планируется переработать и принять более 50 нормативных актов. Для реализации программы «Цифровой экономики» выделяется около 520 миллиардов рублей финансирования, из которых около 150 миллиардов – это финансирование бюджетное, соответственно более 350 миллиардов выделяют крупнейшие отечественные компании [7, с. 2].

И еще одна весьма жизненная проблема в области современных информационных и телекоммуникационных технологий должна быть учтена в содержании государственной политики в информационной сфере. Речь идет об увеличении игроков телекоммуникационного рынка за счет появления виртуальных операторов связи. Так называемые виртуальные операторы (или MVNO-операторы) – это компании, которые на инфраструктуре уже существующих операторов связи создают свои телекоммуникационные бизнесы, но под своим собственным брендом. Самые яркие примеры запущенных или готовящихся к запуску MVNO – это VK Mobile, созданный социальной сетью «ВКонтакте»; «Тинькофф Мобайл»; «Stars Mobile», а также аналогичные проекты Сбербанка, Ростелекома, ТТК («дочка» РЖД) и других

Сегодня доля таких виртуальных операторов составляет примерно 2 проц., но, по оценкам специалистов, в перспективе пяти лет она увеличится до 14-15%. Надо заметить, что в Европе подобные бизнесы занимают от 10 до 40% рынка. Развитие таких операторов, безусловно, усиливает конкуренцию, которая держит всех игроков рынка в тонусе.

Такая ситуация гарантирует бурное развитие технологий и решений. В качестве примера называют перспективы внедрения стандарта 5G, который в первую очередь отразится на индустриальном бизнесе. Считают, что именно этот стандарт, благодаря высоким скоростям, создаст предпосылки для запуска беспилотных автомобилей, «умных домов» и «умных городов», а также внесет существенный вклад в развитие телемедицины. Высокая конкуренция стимулирует операторов создавать уникальные и весьма разнообразные продукты и сервисы, которые выгодны в первую очередь широкому кругу клиентов.

В качестве иллюстрации отметим, что в конце 2017 года Департамент информационных технологий г.Москвы подтвердил, что стоимость мобильного интернета в Москве в 5-8 раз дешевле, чем в Нью-Йорке, и в 3-4 раза дешевле, чем в Лондоне. Такие перспективы развития информационных технологий, безусловно, создают новые условия и предпосылки для интенсификации социально-экономических, политических, интеллектуально-культурных, коммуникационных процессов в развитии российского общества.

Таким образом, государственное управление в области информационных технологий является одним из приоритетных направлений в деятельности государства и всего общества, стратегической целью которого выступает развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализация стратегических национальных приоритетов.

Автор считает, что в данной работе новыми являются попытки системного изложения административно-правовых основ государственного управления в области информационных технологий на основе программно-целевых, институциональных, нормативно-правовых, проблемных аспектов, результаты проведенного исследования могут иметь как научную, так и практическую значимость.

Список литературы

1. Дорохов Н.И. Административно-правовые основы государственного управления в области охраны окружающей среды и природных ресурсов: содержание и проблемы // Экологические и природоохранные проблемы современного общества и пути их решения: материалы XIII международной научной конференции: в 2-х ч. – М., 2017. Ч.2- С. 528-540.
2. Дорохов Н.И. Государственное управление в области охраны окружающей среды и природных ресурсов: административно-правовые аспекты // Человек, общество и культура в XXI веке. Сборник научных трудов по материалам Международной конференции 31 октября 2017 г.: в 5 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. – Часть IV. – С. 37-45.
3. Бачило И.Л. Информационное право: учебник для магистров. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. Юрайт, 2013.
4. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. – М.: Изд. Юрайт, 2010.
5. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы / Утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. №203.
6. Об утверждении новой редакции государственной программы «Информационное общество (2011-2020 годы)» / Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 №313.
7. Российская газета. 2017. – 19 декабря.

ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВА РЕБЕНКА НА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Дреус Ю.И., Третьякова М.С.

студентки второго курса магистратуры,

Уральский государственный юридический университет, Россия, г. Екатеринбург

Статья посвящена анализу права ребенка на сохранение индивидуальности, предусмотренного Конвенцией о правах ребенка 1989 года. Анализируется необходимость четкого определения всех элементов индивидуальности в целях обеспечения защиты прав ребенка государством. Предлагается четкий перечень элементов права ребенка на индивидуальность, который не предусмотрен статьей 8 указанного акта.

Ключевые слова: ребенок, индивидуальность, права ребенка, регистрация рождения, воспитание, семейные связи.

Обеспечение и защита прав ребенка – является безусловным приоритетом в деятельности государств во всем мире.

В настоящее время существует отрасль международного права, которая связана непосредственно с защитой и реализацией прав человека, а, как следствие, и ребенка. Международное право прав человека – совокупность норм, определяющих единые для международного сообщества права и свободы человека, устанавливающих обязательства государств по закреплению, обеспечению и охране этих прав и свобод и предоставляющих индивидам юридические возможности реализации и защиты признаваемых за ними прав и свобод [1, с. 223].

Одним из основных источников в сфере защиты прав ребенка является Конвенция о правах ребенка 1989 года (далее – Конвенция 1989 года). В части 1 статьи 8 указанного акта предусмотрено, что ребенку гарантируется право на сохранение своей индивидуальности. Такое право ребенка гарантируется и охраняется государством. Но что есть «право на индивидуальность»? Каковы его элементы? Ведь Конвенция 1989 года лишь приводит некоторые элементы, оставляя список открытым.

Актуальность данной темы заключается в том, что четкое закрепление всех элементов индивидуальности необходимо для обеспечения защиты прав ребенка

государством. Во избежание нарушения прав ребенка необходимо попытаться выделить наиболее важные и основные элементы индивидуальности ребенка.

Индивидуальность – это личное качество, свойственное данному индивидууму, отличающееся характерными признаками от других [3, с. 246]. Имя, гражданство и семейные связи как элементы индивидуальности закреплены в статье 8 Конвенции 1989 года. Тем не менее, данный список не кажется исчерпывающим и может быть дополнен следующими не менее значимыми элементами:

1. Регистрация рождения.

Государственная регистрация рождения ребенка является юридическим фактом подтверждения и признания появления ребенка на свет. Незарегистрированный новорожденный выпадает из правового поля своего государства, не приобретая с ним тесной, устойчивой правовой связи.

Незарегистрированному ребенку вправе отказать в оказании медицинской помощи, в предоставлении бесплатного образования, в предоставлении иных социальных гарантий. Такой ребенок не может доказать своего возраста, родства со своими родителями. В зрелом возрасте он не имеет право получать паспорт и иные документы, участвовать в выборах, быть официально трудоустроенным, претендовать на наследство своих кровных родственников.

По статистике, размещенной на официальном сайте Детского фонда ООН (далее – ЮНИСЕФ) в мире зарегистрировано только 71% новорожденных детей [5].

Такая статистика свидетельствует о необходимости решения проблемы, связанной с регистрацией рождения.

2. Право на воспитание.

В преамбуле Конвенция 1989 года закреплено положение, согласно которому ребенок для полного и гармоничного развития его личности должен расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания. Фактически от того в какой среде воспитывается ребенок зависит его подготовленность к самостоятельной жизни.

Воспитание – это целенаправленная деятельность по передаче социальных знаний, опыта, умений, нравственных и правовых норм, духовных ценностей от старших поколений к младшим [2, с. 18].

В процессе воспитания ребенок приобретает свою индивидуальность – черты, которые свойственны только ему. Ребенок становится личностью и определяет свой путь развития.

Государство также гарантирует ребенку его право на воспитание. В части 1 статьи 18 Конвенции 1989 года обязанность воспитывать ребенка возлагается непосредственно на его родителей.

Стоит также отметить, что дети, которые в силу различных причин и обстоятельств остались без попечения родителей, также не могут быть лишены права на воспитание, как элемента индивидуальности. Государство определяет таких детей в специализированные учреждения или предоставляет возможность усыновления [5].

3. Право ребенка на семейные связи как элемент индивидуальности ребенка необходимо конкретизировать, так как в данное правомочие может входить ряд иных прав. Например:

3.1. Право знать своих родителей.

Каждый ребенок имеет право знать своих родителей. Данное право является одним из важнейших личных неимущественных прав ребенка.

Однако реализация данного права ограничивается. В Конвенции 1989 года существует оценочная категория – «насколько это возможно». Таким образом, пра-

во ребенка знать своих родителей не может быть гарантировано полностью; государства лишь предпринимают все возможные попытки к этому. Существуют такие проблемные ситуации, как тайна усыновления или анонимные роды.

Учреждая тайну усыновления государства на законодательном уровне устанавливают запрет ребенку знать своих родителей. Более того, под страхом ответственности, иные лица принуждаются к нарушению этого права, например работники социальных органов и учреждений. Ряд развитых государств отказывается от тайны усыновления, считая это прямым нарушением прав ребенка.

Анонимные роды – это механизм, позволяющий женщине родить и оставить ребенка без раскрытия ее личности и наступления соответствующей ответственности. Таким образом, не устанавливается факт рождения конкретного ребенка от конкретной женщины. Такой вид рождения ребенка существует в ряде государств (во Франции, Чехии, Италии) с целью предотвращения инфанцитидов, незаконных аборт, убийства новорожденных. Однако такое желание государств сохранить жизнь и здоровье как матери, так и ребенка, нарушает право знать своих родителей.

3.2. Право ребенка жить с родителями.

Ребенок имеет право жить со своими родителями совместно и не разлучаться с ними. Проживание в семье совместно с родителями – залог правильного морального, психологического воспитания ребенка. Ребенок вправе получать воспитание как от отца, так и от матери.

Отдельно стоит отметить право ребенка, которое вытекает из права жить вместе с родителями – право не разлучаться с родителями. Ребенок всегда должен оставаться со своими родителями и не быть оторванным от них.

Однако существуют такие ситуации, когда разделение семьи происходит на законных основаниях. Например, арест или тюремное заключение родителей, лишение родительских прав. Тем не менее, имеют место быть вопиющие случаи насильственного разлучения семьи. Как правило, это происходит в условиях чрезвычайных или военных ситуаций.

В обстановке военного конфликта, стихийного бедствия или иного происшествия население охватывает паника. В таких ситуациях людям сложно адекватно оценивать происходящее вокруг, совершать осознанные и обдуманые поступки. Дети остаются без родителей в процессе плохо организованной эвакуации, бегства. Иногда родители, в силу вынужденных причин, осознанно оставляют своих детей с другими людьми для их спасения. Такие дети становятся уязвимыми – они лишаются защиты и заботы своих родителей в экстренных ситуациях. Все это негативно сказывается, прежде всего, на эмоциональном состоянии ребенка, что может привести к нарушению его здоровья [5].

Для того чтобы предотвратить незаконное разделение семей необходимо: повысить осведомленность населения о порядке действий при возникновении чрезвычайной ситуации; совершенствовать законодательство об эвакуации населения; проводить работу с населением, проживающим на потенциально опасных территориях; совершенствовать работу по эвакуации; не разделять семьи при эвакуации; сообщать населению о местах укрытия.

Право ребенка на сохранение индивидуальности – право, предусмотренное Конвенцией о правах ребенка 1989 года, которое неукоснительно должны соблюдать все государства-участники. Как уже было установлено, индивидуальность – широкое понятие, которое требует конкретизации.

В результате проведенного научного исследования установлено, что при более детальной регламентации права ребенка на индивидуальность, защита его прав со стороны государства будет иметь эффективное действие.

Список литературы

1. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право. Учебник для вузов. / Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999.
2. Левитан К. М. Юридическая педагогика: учебник / К. М. Левитан. – М.: Норма, 2008.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., дополненное. – М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003.
4. Шумилов В.М. Международное право : учебник / В.М. Шумилов. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2016.
5. unicef [Офиц. сайт]. <https://www.unicef.org/>

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ИМУЩЕСТВО ЗАКРЫТЫХ ПАЕВЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДОВ

Ефимова Ю.С.

заместитель директора по правовым вопросам и режиму,
МУП «Водоканал» г. Иркутска, Россия, г. Иркутск

Статья посвящена анализу правового регулирования права собственности на имущество закрытых паевых инвестиционных фондов с точки зрения основ континентальной системы права. В ходе исследования автором рассмотрен такой тип паевого инвестиционного фонда как закрытый паевой инвестиционный фонд, в состав которого может быть включено недвижимое имущество, а также рассмотрено содержание такого права собственности. Выявлено, что право собственности пайщиков на имущество паевого инвестиционного фонда не обеспечено абсолютно-правовыми способами защиты. В результате сформулированы предложения по устранению выявленных недостатков правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: право собственности, содержание права собственности, правомочия собственника, абсолютно-правовые способы защиты права собственности, паевой инвестиционный фонд, имущественный комплекс, право собственности на безналичные денежные средства, право собственности на бездокументарные ценные бумаги, акционерный инвестиционный фонд, распоряжение недвижимым имуществом, включенным в состав паевого инвестиционного фонда.

В настоящее время в нашей стране получила широкое распространение такая форма инвестирования как паевой инвестиционный фонд, под которым в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» [8] (далее – Федеральный закон) понимается имущественный комплекс, сформированный за счет объединения имущества учредителей управления и принадлежащий им на праве общей долевой собственности, а также переданный в доверительное управление специальной управляющей компании.

Такая форма инвестирования заимствована из правовой системы США, где подобные юридические конструкции функционируют на основе траста (доверительной собственности).

По данным Банка России по итогам 2016 года (данные за 2017 год еще не опубликованы) совокупное количество зарегистрированных паевых инвестиционных фондов (далее – ПИФ) составило 1 553 (при снижении к аналогичному периоду 2015 года на семь единиц). При этом стоимость чистых активов ПИФов достигла 2 579,9 млрд руб., увеличившись за год на 8,3%. Основной рост стоимости чистых активов наблюдался в IV квартале за счет сектора закрытых ПИФов, специализирующегося на недвижимости. Среднее число владельцев инвестиционных паев ПИФов неуклонно росло на протяжении всего 2016 года, что демонстрирует рост

интереса к ПИФам со стороны инвесторов. Количество пайщиков также выросло и составляет около 1,5 млн пайщиков [3].

В этой связи особую **актуальность** приобретает исследование вопросов, связанных с гарантиями прав инвестора, в том числе содержание принадлежащего пайщику права собственности на имущество, входящего в состав ПИФа. Данная тема, практически не изученная отечественными авторами, как правило, затрагивается в ходе исследования смежных институтов (рынка ценных бумаг, общих положений права собственности).

Создавая такой инструмент инвестирования как паевой инвестиционный фонд, законодатель предусмотрел разные типы ПИФов с особенностями состава и структуры их активов и, как следствие, с особенностями прав пайщиков. Понятие типа ПИФа в Федеральном законе не дается, более того, наименование типов ПИФов перечислено в ст. 11 Федерального закона «Договор доверительного управления ПИФом», при этом отличие типов друг от друга дано, в первую очередь, через отличие в правах пайщика, удостоверенных инвестиционным паем.

Так, в силу ч. 6 ст. 11 Федерального закона помимо существенных условий договора доверительного управления ПИФом, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом, правила доверительного управления ПИФом должны содержать одно из следующих условий:

1) наличие у владельца инвестиционных паев права в любой рабочий день требовать от управляющей компании погашения всех принадлежащих ему инвестиционных паев и прекращения тем самым договора доверительного управления ПИФом между ним и управляющей компанией или погашения части принадлежащих ему инвестиционных паев (открытый ПИФ);

2) наличие у владельца инвестиционных паев права в любой рабочий день требовать от лица, уполномоченного управляющей компанией (далее – уполномоченное лицо), покупки всех или части принадлежащих ему инвестиционных паев и права продать их на бирже, указанной в правилах доверительного управления ПИФом, на предусмотренных такими правилами условиях, а у владельца инвестиционных паев, являющегося уполномоченным лицом, права в сроки, установленные правилами доверительного управления ПИФом, требовать от управляющей компании погашения всех принадлежащих ему инвестиционных паев и прекращения тем самым договора доверительного управления ПИФом между ним и управляющей компанией или погашения части принадлежащих ему инвестиционных паев (биржевой ПИФ);

3) наличие у владельца инвестиционных паев права в течение срока, установленного правилами доверительного управления ПИФом, требовать от управляющей компании погашения всех принадлежащих ему инвестиционных паев и прекращения тем самым договора доверительного управления ПИФом между ним и управляющей компанией или погашения части принадлежащих ему инвестиционных паев (интервальный ПИФ);

4) отсутствие у владельца инвестиционных паев права требовать от управляющей компании прекращения договора доверительного управления ПИФом до истечения срока его действия иначе как в случаях, предусмотренных Федеральным законом (закрытый ПИФ).

Следует отметить, что, в первую очередь, особенности договора доверительного управления открытым, интервальным, биржевым или закрытым ПИФом вытекают из структуры и состава активов конкретного вида ПИФа. Во вторую оче-

редь, законодатель, обозначая различные типы ПИФов, создал тем самым разные инвестиционные инструменты в зависимости от степени риска участия в них.

Закрытый ПИФ, в состав которого может входить, помимо бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств, недвижимое имущество, а также содержание права собственности пайщиков на имущество закрытого ПИФа и стали предметом нашего исследования.

В соответствии с п. 15 ст. 13.2 Федерального закона имущество, переданное в оплату инвестиционных паев, включается в состав ПИФа. При этом в силу закона с момента окончания формирования ПИФа у владельцев инвестиционных паев возникает право общей долевой собственности на имущество ПИФа.

В этой связи полагаем важным проанализировать виды имущества, входящего в закрытый ПИФ (безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги, недвижимое имущество), с точки зрения возможности рассмотрения этого имущества в качестве объекта права собственности с позиций континентальной системы права.

Безналичные деньги (права требования). Безналичные деньги являются по своей сути правами требования, которые с использованием юридической фикции время от времени пытаются признать объектами вещных прав [9, с. 81–86], с чем, конечно, нельзя согласиться. Право собственности, на наш взгляд, может существовать только в отношении наличных денег, поскольку только такие деньги могут быть во власти собственника. Распоряжение же безналичными деньгами всегда связано с волей и платежеспособностью кредитной организации, а это значит, что данные отношения носят обязательственный, а не вещно-правовой характер.

Бездокументарные ценные бумаги (права требования). Природа бездокументарных ценных бумаг очень близка к природе безналичных денег. И в первом, и во втором случае это вещи, лишенные материальной оболочки, а потому в точном смысле не вещи, а права требования. К сожалению, судебная практика в вопросе предоставления лицу, обладающему правами требования, вещно-правовых способов защиты, в том числе виндикации, противоречива. В одних случаях суды, исходя из юридической фикции, как правило, называют складывающиеся отношения основанными на праве собственности и пытаются в связи с этим допустить возможность виндикации [5], в других – занимают позицию, в соответствии с которой исключается возможность владения бездокументарными ценными бумагами [6].

Среди научных авторов также нет единства в данном вопросе. В частности, Е. Н. Решетина предлагает признать объектом права собственности совокупность прав и тем самым отказаться от устоев классического понимания гражданского права [7, с. 10]. П. А. Горячев, анализируя способы защиты прав на бездокументарные акции, также ведет речь о праве собственности на такие акции [1, с. 96]. Однако представляется неверным менять начала гражданского права при невозможности объяснить природу какого-либо института права. Совокупность прав с позиций континентальной системы права не может быть признана объектом права собственности, невозможно допустить наличие права собственности на право требования – в таком случае право собственности на право требования и есть само это право требования. Для осуществления последнего достаточно его наличия. Вывод о том, что у бездокументарной ценной бумаги не может быть собственника, а может быть только правообладатель, подтверждается также положениями ч. 1 ст. 149 ГК РФ, предусматривающей, что право требовать от обязанного лица исполнения по бездокументарной ценной бумаге признается за лицом, указанным в учетных записях в качестве правообладателя.

Недвижимое имущество, имущественные права на недвижимое имущество. В соответствии с п. 2 ст. 33 Федерального закона в состав активов закрытых ПИФов может входить недвижимое имущество и имущественные права на недвижимое имущество.

Недвижимое имущество, под которым, исходя из смысла ст. 33 Федерального закона, понимаются недвижимые вещи, бесспорно, является объектом вещного права собственности пайщиков закрытого ПИФа. Под имущественными правами указанными правовыми актами понимаются права аренды недвижимого имущества, права по договорам участия в долевом строительстве объектов недвижимого имущества.

В соответствии с ГК РФ определены следующие особенности осуществления права долевой собственности на имущество: 1) распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников (п. 1 ст. 246 ГК РФ); 2) владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия – в порядке, устанавливаемом судом (п. 1 ст. 247 ГК РФ); 3) при продаже доли в праве общей собственности постороннему лицу остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли по цене, за которую она продается, и на прочих равных условиях, кроме случая продажи с публичных торгов (ст. 250 ГК РФ); 4) имущество, находящееся в долевой собственности, может быть разделено между ее участниками по соглашению между ними. Участник долевой собственности вправе требовать выдела своей доли из общего имущества (п. 1, 2 ст. 252 ГК РФ).

Вместе с тем п. 2 ст. 11 Федерального закона предусматривается, что раздел имущества, составляющего ПИФ, и выдел из него доли в натуре не допускаются. Присоединяясь к договору доверительного управления ПИФом, физическое или юридическое лицо тем самым отказывается от осуществления преимущественного права приобретения доли в праве собственности на имущество, составляющее ПИФ. При этом соответствующее право прекращается.

Таким образом, в отношении всех прав сособственников Федеральным законом установлены ограничения (либо исключения), которые фактически приводят к невозможности реализации данных прав.

Данные положения дали повод для обсуждения в научной литературе вопроса о наличии того или иного признака права долевой собственности на имущество в содержании правоотношений, складывающихся между учредителями доверительного управления (пайщиками) ПИФом. В частности, О. Р. Зайцев считает, что п. 1 ст. 245 ГК РФ применяется к данным правоотношениям, при этом порядок определения долей пайщиков, по его мнению, определяется Федеральным законом и соглашением пайщиков, условия которого содержатся в правилах доверительного управления ПИФом [2, с. 131]. Однако с мнением О. Р. Зайцева нельзя согласиться, прежде всего, потому, что анализируемые ими признаки (определение порядка владения, пользования и распоряжения, запрет на раздел общего имущества и реализацию преимущественного права покупки), на наш взгляд, являются не содержанием права общей собственности, а характеризуют специфику осуществления такого права. Более того, Федеральным законом никакого соглашения как определенного взаимодействия между пайщиками не предусмотрено (это признается и самим автором), договор же доверительного управления, заключаемый каждым пайщиком в отдельности и управляющей компанией, таким соглашением являться

не может, поскольку при этом никакого взаимодействия между собственниками не происходит.

Содержание права общей собственности отличается от содержания права единоличной собственности только тем, что на стороне управомоченных лиц действуют несколько собственников, с которыми по каждому вопросу, связанному с распоряжением, владением и пользованием, необходимо приходиться к определенному соглашению, иначе невозможно ни владеть, ни распоряжаться, ни пользоваться, ни осуществлять господства над вещью. Если пайщики не обладают в отношении имущества ПИФа правомочиями по владению, пользованию, распоряжению, то в таком случае нельзя говорить не только о праве общей собственности, но и о праве собственности как таковом.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона с момента присоединения к договору доверительного управления ПИФом пайщик становится собственником имущества, составляющего ПИФ. В момент возникновения права собственности на имущество ПИФа это имущество уже находится в доверительном управлении управляющей компании. Пайщик не обладает правомочиями по владению имуществом, более того, он не может ни при каких обстоятельствах вернуть себе фактическое обладание тем же имуществом, которое было передано в доверительное управление (в случае погашения пая пайщик получает только денежные средства в размере стоимости пая). Также пайщик имеет существенно ограниченное правомочие по распоряжению имуществом, принадлежащим ему на праве общей собственности. Федеральным законом (ст. 18) предусмотрено лишь несколько вопросов, которые решаются пайщиками на общем собрании, к ним относятся:

- утверждение изменений и дополнений, вносимых в правила доверительного управления закрытым ПИФом, связанных с изменением инвестиционной декларации, увеличением размера вознаграждения управляющей компании, расширением перечня расходов управляющей компании, подлежащих оплате за счет имущества, составляющего закрытый ПИФ, изменением типа ПИФа;
- передача прав и обязанностей по договору доверительного управления закрытым ПИФом другой управляющей компании;
- досрочного прекращения или продления срока действия договора доверительного управления этим ПИФом.

В свете рассматриваемого правомочия по распоряжению принадлежащим имуществом из указанных вопросов, решаемых пайщиками сообща, наиболее интересным для нас представляется вопрос передачи прав и обязанностей по договору доверительного управления закрытым ПИФом другой управляющей компании. Вероятно, это единственный способ реализации правомочия распоряжения имуществом, находящимся в собственности пайщика и составляющим ПИФ. Такое распоряжение происходит путем изъятия имущества, составляющего ПИФ, из доверительного управления одной управляющей компании и передаче этого имущества другой управляющей компании. Фактически ПИФ при расторжении договора доверительного управления во владение пайщиков не попадает, а сразу переходит в доверительное управление компании, определенной общим собранием пайщиков (поскольку указанная передача осуществляется в рамках соответствующего договора, заключаемого между двумя управляющими компаниями). Рассматривая правомочие распоряжения как правомочие определения юридической судьбы имущества, необходимо в данном случае определить, является ли данный акт распоряжения пайщика в полной мере свободным и отвечающим его интересам, имеется ли у

пайщика возможность распорядиться своим имуществом иным способом. Анализируя приведенные выше положения Федерального закона, можно прийти к выводу, что юридически и фактически пайщик ограничен в принятии решения по распоряжению принадлежащим ему имуществом, возможность принятия решения по определению конкретной управляющей компании еще не может свидетельствовать о наличии правомочия по распоряжению имуществом. Это правомочие в данном случае является неполным, сведенным лишь к одному варианту поведения и не отражает полноты господства собственника в принятии решения.

Правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом являются существенными правомочиями, определяющими суть отношений права собственности. Отсутствие любого из этих правомочий в содержании складывающихся отношений не позволяет квалифицировать их как отношения права собственности.

Пайщик, являющийся в силу прямого указания Федерального закона собственником имущества, составляющего ПИФ, в действительности не обладает правомочиями владения, пользования и распоряжения в отношении этого имущества, данное обстоятельство не ограничено во времени, объект права собственности (имущество, составляющее ПИФ) существует только как находящийся в доверительном управлении имущественный комплекс. Пайщик вправе лишь самостоятельно прекратить право общей долевой собственности, переуступив подтверждающий это право инвестиционный пай. Даже в случае прекращения ПИФа, в том числе по окончании договора доверительного управления, учредитель управления может претендовать только на пропорционально своей доле денежную компенсацию, полученную после продажи имущества, составляющего ПИФа. Более того, право общей долевой собственности пайщика не обеспечено (и не может быть обеспечено) какими-либо абсолютно-правовыми средствами защиты. Поэтому имеющееся право пайщика в отношении имущества, составляющего ПИФ, не может быть названо правом собственности. В связи с этим следует признать, что пайщики – владельцы инвестиционных паев не могут рассматриваться в качестве обладателей права собственности в отношении имущества даже закрытого ПИФа, в состав которого входят индивидуально-определенные вещи, поскольку этим собственникам фактически не предоставлено ни одно из правомочий собственника в отношении этого имущества, как, впрочем, и абсолютно-правовых способов защиты своего права. Данные выводы подтверждаются и складывающейся судебной практикой – в судебных актах прямо отказывается пайщику в защите нарушенных прав при совершении сделок, связанных с недвижимым имуществом ПИФа [4].

Следует также отметить, что интерес пайщика – владельца инвестиционного пая заключается в получении дохода управляющей компанией от инвестирования имущества ПИФа, как таковое право собственности на это имущество, составляющее ПИФ, отсутствие способов защиты этого права собственности пайщика не интересует. Таким образом, можно констатировать как фактическое отсутствие в складывающихся отношениях права собственности, так и необходимость таких отношений. По-видимому, нормы Федерального закона были буквально воспроизведены из аналогичных положений законодательства о трастах в англо-саксонской системе права, при этом разработчики Федерального закона, столкнувшись на практике с необходимостью «вписания» данного института в отечественную систему права, не проанализировали фактически складывающиеся отношения, а посчитали возможным сформулировать эти отношения как право собственности со значительными ограничениями по его реализации. Вместе с тем обозначение Фе-

деральным законом пайщика в качестве собственника имущества ПИФа создает у инвесторов уверенность, что в случае нарушений при осуществлении деятельности управляющей компанией по доверительному управлению ПИФом нарушенные права будут максимально защищены с помощью абсолютно-правовых способов защиты, однако в действительности при возникновении нарушений пайщик такими способами защиты воспользоваться не может. Данные обстоятельства негативно сказываются на восприятии института ПИФа как надежного инструмента инвестирования.

Учитывая изложенное, предлагается внести изменения в Федеральный закон в части исключения положений о праве собственности пайщика на имущество ПИФа. Однако при таких изменениях закономерно возникает вопрос, если пайщики не являются собственниками недвижимого имущества, входящего в состав ПИФа, то кто является собственником этого имущества? Для разрешения данного вопроса представляется необходимым обратить внимание на такой институт финансового рынка, как акционерные инвестиционные фонды, правовое регулирование которых также осуществляется Федеральным законом «Об инвестиционных фондах». Акционерный инвестиционный фонд является юридическим лицом, его конструкция позволяет приобретать недвижимое имущество в собственность акционерного инвестиционного фонда, инвесторы же приобретают акции данного акционерного инвестиционного фонда. Такое предложение позволит сохранить на рынке возможность инвестирования в инвестиционные фонды недвижимости с учетом действующих на территории Российской Федерации принципов континентальной системы права.

Список литературы

1. Горячев П. А. Признание права на акции бездокументарной формы выпуска: актуальные проблемы доказывания и сбора доказательств // Закон. 2006. № 7. С. 94-98.
2. Зайцев О. Р. Право общей собственности на паевой инвестиционный фонд // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 129-142.
3. Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов. Информационно-аналитические материалы [Электронный ресурс] / Банк России. 2016. № 4. URL: https://www.cbr.ru/finmarkets/files/supervision/review_paif_040517.pdf (дата обращения: 20.09.2017). Загл. с экрана.
4. Определение Верховного Суда РФ от 02.10.2015 № 309-ЭС15-11713 по делу № А71-9998/11 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [Электронный ресурс] / Компания «Консультант плюс». URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/17c26016-7cee-43b0-a96a-db1f15a832a5/A71-9998-2011_20151002_Opredelenie.pdf (дата обращения: 20.09.2017).
5. Определение Верховного Суда РФ от 29.03.2016 по делу № 305-ЭС16-1928 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс». URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf_ec.php?id=1426386 (дата обращения: 20.09.2017).
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.02.2015 по делу № Ф05-15563/2014 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [Электронный ресурс] / Компания «Консультант плюс». URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/ef5763ca-7f25-4283-94d5-e623eb784afb/A40-162100-2013_20150206_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 20.09.2017).
7. Решетина Е. Н. Правовая природа корпоративных эмиссионных ценных бумаг. Городец, 2005. 77 с.
8. Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // Собрание законодательства РФ. М. : Юрид. лит., 2001. № 49. Ст. 4562.
9. Чеговадзе Л. А. Объекты гражданских прав и новая редакция статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 10. С. 81-86.

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Жданова Н.Р., Мунинова М.С.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

В статье рассматриваются виды ответственности за нарушения земельного законодательства. Дается краткая характеристика уголовной, административной, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности. Также приводятся отличительные черты каждого из видов ответственности.

Ключевые слова: ответственность, земельное законодательство, правонарушения, возмещение убытков, особенности ответственности.

Для обеспечения эффективного использования земельного фонда Российской Федерации необходимым является закрепить в нормативно-правовых актах обязанность граждан и юридических лиц рационально использовать земельные ресурсы и установить юридическую ответственность за нарушения земельного законодательства.

Перед тем, как начать рассматривать особенности отдельных видов юридической ответственности, необходимо дать определение самому термину «ответственность».

Известный российский ученый-правовед С. С. Алексеев считает, что юридическая ответственность – это применение к виновному лицу мер государственного принуждения за совершенное правонарушение [1, с. 142].

Земельный Кодекс РФ определяет следующие виды ответственности: административная, уголовная, дисциплинарная и возмещение вреда, причиненного земельными правонарушениями, что относится к области гражданско-правовой ответственности (ст. 74-76 ЗК РФ). Рассмотрим более подробно каждый из этих видов.

В Кодексе об административных правонарушениях РФ вся 8 глава отведена для правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования. Правонарушение – это противоправное, виновное деяние деликтоспособного субъекта, причиняющее вред охраняемым законом интересам [6, с. 420].

Чаще всего административная ответственность предусматривается в виде штрафа. В частности, административная ответственность наступает за такие правонарушения, как самовольное занятие земельных участков, незаконное использование земель лесного фонда, захламливание и загрязнение земель, порча и уничтожение плодородного слоя почвы, порча сельскохозяйственных и других земель, повреждение сенокосов и пастбищных угодий на землях лесного фонда, нарушение сроков возврата временно занимаемых земель и т.д.

Нормы административного и земельного законодательства очень схожи, но все же можно найти некоторые отличия. Например, в КоАП РФ круг лиц, которые могут быть привлечены к административной ответственности, ограничивается

должностными лицами и гражданами. По общему правилу, на юридические последствия совершенного правонарушения не влияет, совершено оно в рабочее или нерабочее время.

Стоит отметить, что если в административном праве основанием для ответственности является правонарушение (проступок), то уголовной ответственности подлежат лица, совершившие преступление.

Уголовная ответственность наступает для лиц, действие или бездействие которых посягает на установленный земельный правовой порядок и представляют опасность для общества, государства или отдельных лиц. Уголовный Кодекс РФ предусматривает наказание для двух преступлений, связанных с земельными отношениями: регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ) и порча земли (ст. 254 УК РФ). Однако субъектом статьи 170 может быть только должностное лицо, которое имело прямой умысел или какую-либо заинтересованность в совершении преступления при помощи своего положения.

Применение дисциплинарной ответственности определяется статьей 75 Земельного Кодекса РФ. Особенностью данного вида ответственности является то, что дисциплинарные взыскания могут применяться только к тем должностным лицам и работникам организации, в чьи трудовые обязанности входит соблюдение земельно-правовых норм [3, с. 432]. Также Земельный Кодекс определяет еще одно условие назначения дисциплинарной ответственности – если в результате ненадлежащего выполнения работником трудовых обязанностей организация понесла административную ответственность за проектирование, размещение и ввод в эксплуатацию объектов, оказывающих негативное воздействие на земли, их загрязнение химическими и радиоактивными веществами, производственными отходами и сточными водами (ст. 75 ЗК РФ).

Гражданская ответственность за нарушения земельного законодательства выражается в возмещении вреда, причиненного земельными правонарушениями. Обязательным условием является наличие ущерба, причиненного противоправными действиями (бездействием). Помимо этого, Земельный Кодекс устанавливает еще одну особенность – возмещение вреда в полном объеме. Это значит, что возмещается реально причиненный ущерб и упущенная выгода [8, с. 95].

Процесс ведения дел о земельных правонарушениях – это сложный и многоступенчатый механизм. Только компетентные государственные органы могут заниматься его реализацией.

Отвечая на вопрос о причинах противоправных действий, нужно сказать о влиянии на человека таких факторов как:

- 1) Макросреда (состояние общества).
- 2) Микросреда (семья и круг общения).
- 3) Личные качества (закладываются в микросреде, но поддаются сильному влиянию макросреды).

Подводя итог, необходимо сказать о том, что все виды ответственности, по большей степени, можно разделить на карательные и восстановительные. Карательная представляет собой несение лицом негативных последствий, а восстановительная заключается в полном или частичном возмещении вреда, если объект уже невозможно привести в первоначальный вид, или же в восстановлении своими силами.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Государство и право. М.: Юридическая литература, 1996. 142 с.

2. Гражданский Кодекс Российской Федерации // Парламентская газета, 2006. № 214-215 // Российская газета, 2006. № 289. // Собрание законодательства РФ, 2006. № 51 (1 ч.).
3. Ерофеев Б.В. Земельное право: Учебник. М.: Юрайт, 2004. 656 с.
4. Земельный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ : принят Государственной Думой 28.09.2001 // Российская газета. – 2001. – № 211-212. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147 // Парламентская газета. – 2001. – № 204-205.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [федеральный закон: принят Государственной Думой 20.12.2001 г.: одобрен Советом Федерации 26.12.2001 г. № 195-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
6. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права: Учебно-методическое пособие. Краткий учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА, 1999. 448 с.
7. Конституция Российской Федерации: офиц. текст // Российская газета. – 1993. – № 237.
8. Романова Г.В. Земельное право: курс лекций для бакалавров. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. 190 с.
9. Уголовный Кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 1996. № 25. // Российская газета, 1996. № 113.

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ ПРИ СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ

Казакова Г.Р.

магистрант кафедры гражданского права и процесса, магистрант,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, Россия, г. Саратов

Яковлева А.П.

доцент кафедры гражданского права и процесса, канд. юрид. наук, доцент,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, Россия, г. Саратов

Статья посвящена проблемам установления происхождения ребенка при применении суррогатного материнства. Исследуются нормы законодательства Российской Федерации, регулирующие суррогатное материнство, порядок признания родителями ребенка лиц, давших согласие на имплантацию эмбриона суррогатной матери.

Ключевые слова: суррогатная мать, договор суррогатного материнства, происхождение ребенка, права и законные интересы ребенка, биологические родители, генетические родители, искусственная репродукция донора.

Институт установления происхождения детей в семейном праве имеет существенное значение в связи с тем, что он влияет на возникновение прав и обязанностей родителей и детей. По общему правилу происхождение ребенка определяется на основании кровного родства. Однако исключения составляют случаи, когда ребенок родился в результате применения искусственных методов репродукции человека или суррогатного материнства.

Обычно при применении методов искусственной репродукции человека не возникает юридических конфликтов при установлении происхождения ребенка. В такой ситуации и мать, и отец являются биологическими родителями. Совсем другая ситуация складывается в случае участия в отношениях по искусственной репродукции донора.

В соответствии с п. 9 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан» суррогатным материнством признается вынашивание и рождение ре-

бенка на основании договора, который заключается между женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона, и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, или одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям.

При рождении ребенка суррогатной матерью лица, давшие согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона этой женщине и состоящие в браке между собой могут быть записаны в качестве родителей родившегося ребенка только с согласия суррогатной матери.

Таким образом, в законодательстве закреплён приоритет биологической матери при установлении материнства и отцовства. При этом, срок, в течение которого суррогатная мать должна дать такое согласие, в законе не определяется. Логично предположить, что, так как в п. 6 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» заявление о рождении ребенка должно быть сделано не позднее чем через месяц со дня его рождения, то согласие суррогатной матери на запись супругов, давших согласие на имплантацию ей эмбриона в целях его вынашивания, в качестве родителей ребенка также должно быть получено в течение месяца.

В литературе активно критикуется позиция законодателя относительно записи родителями ребенка только с согласия суррогатной матери [5, с. 53]. По мнению ученых, матерью родившегося в результате применения таких методов искусственного оплодотворения ребенка должна быть признана та женщина, на лечение бесплодия которой были направлены предпринимаемые процедуры. В связи с этим предлагается ввести изменения в ст. 51 Семейного кодекса, и определить в ней, что родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, должны быть признаны лица, давшие на проведение процедуры имплантации эмбриона информированное согласие и состоящие в браке между собой.

Кроме того, при отказе суррогатной матери записать в качестве родителей генетических родителей выношенного ею ребенка нарушаются права и законные интересы самого ребенка, в частности право ребенка знать своих родителей, право на их заботу о ребенке, право на совместное проживание с родителями. Е.В. Бурмистрова отмечает, что ни в семейном, ни в гражданском законодательстве не предусмотрены нормы, возлагающие на суррогатную мать ответственность за отказ от добровольно принятого ею решения по передаче ребенка генетическим родителям [2, с. 71]. Целесообразно было бы в семейном законодательстве закрепить статус доноров спермы и ооцитов, прописать гарантии супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, что позволит защитить их права и законные интересы.

А.В. Майфат и Е.С. Резник полагают, что в действительности реальной возможности оспаривать материнство суррогатной матери сейчас нет, так как закон полностью в этом случае поддерживает суррогатную мать [4, с. 57].

Так между супругами и суррогатной матерью был заключен договор об оказании услуг суррогатного материнства, по которому суррогатная мать (гестационный курьер) при наступлении беременности в результате имплантации эмбриона, полученного путем экстракорпорального оплодотворения половых клеток генетических родителей, принимала на себя обязательства по вынашиванию, родоразрешению и последующей передаче рожденного ребенка генетическим родителям. Однако после родов ребенка суррогатная мать обратилась в органы записи актов гражданского состояния с заявлением о записи ее в качестве матери ребенка, а сво-

его супруга в качестве отца. Генетические родители подали в суд исковое заявление об установлении факта происхождения ребенка, аннулировании записи акта о рождении, обязанности не чинить препятствия в регистрации истцов родителями. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали в удовлетворении исковых требований со ссылкой на п. 4 ст. 51 СК РФ, т. е. обосновали свою позицию тем, что суррогатная мать не дала своего согласия на запись генетических родителей как родителей выношенного и рожденного ею ребенка.

Супруги обратились в Конституционный Суд РФ, пытаясь оспорить п. 4 ст. 51 СК РФ и п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы к рассмотрению в связи с тем, что предоставление права суррогатной матери указать себя в качестве матери выношенного ею ребенка других генетических родителей не выходит за рамки федерального правового регулирования и не нарушает конституционных прав граждан [6].

Однако это определение Конституционного Суда РФ поддержали не все судьи, так свое особое мнение выразили судьи Конституционного Суда РФ С.Д. Князев и Г.А. Гаджиев.

По мнению С.Д. Князева «при закреплении прерогативы суррогатной матери в разрешении вопроса о наделении генетических родителей материнскими и отцовскими правами, законодатель остается безучастным к интересам тех лиц, чьи половые клетки использовались для оплодотворения женщины, вынашивающей плод. Тем самым создается легальная почва для нарушения баланса конституционных ценностей и умаления прав и законных интересов не только генетических родителей, но и ребенка, рожденного в результате соответствующей вспомогательной репродуктивной технологии». Он полагает, что вынашивание и роды не являются достаточным основанием для предоставления суррогатной матери такой неограниченной свободы в определении обладателей родительских прав».

Следует сказать, что судебная практика по подобным делам востребована и актуальна, так как механизм гарантирования прав генетических родителей и суррогатной матери недостаточно продуман и проработан, несмотря на то, что институт суррогатного материнства существует в Российской Федерации с 1995 года. Наличие судебной практики в сфере отношений, вытекающих из суррогатного материнства, позволит распространить ее по аналогии и на остальные дела, связанные с искусственной репродукцией, связанные с искусственными эмбрионами, с правом их на жизнь, с искусственной инсеминацией, с предоставлением информации относительно биологического происхождения и другими проблемными вопросами [1, с.80-81]. Возможно, спорные вопросы можно было бы урегулировать принятием Закона «О суррогатном материнстве», в котором целесообразно объединить как медицинские нормы, касающиеся условий применения суррогатного материнства и требований к суррогатной матери, нормы семейного законодательства относительно установления происхождения ребенка, соблюдения его прав и прав и законных интересов генетических родителей и суррогатной матери, а также нормы гражданского законодательства относительно порядка заключения договора суррогатного материнства, его существенных условий, изменения и расторжения.

Очевидно, что при установлении происхождения ребенка в судебном порядке необходимо учитывать и его интересы. Некоторые ученые считают, что исполь-

зование критерия соблюдения интересов ребенка должно происходить по аналогии рассмотрения дел о порядке осуществления родительских прав, об определении места жительства ребенка и по другим спорам о детях [3, с. 22].

Одной из проблем при установлении отцовства и материнства является проблема неостребованности ребенка при вынашивании его суррогатной матерью ни женщиной, его вынашивающей, ни генетическими родителями. Семейное законодательство не предусматривает обязанности генетических родителей забрать ребенка у суррогатной матери и записать его на себя. Статья 51 СК РФ предусматривает лишь то, что генетические родители могут быть записаны как родители только с согласия суррогатной матери. В соответствии со ст. 48 СК РФ, устанавливающей, что происхождение ребенка от матери определяется на основании соответствующих медицинских документов, биологическая мать будет признана матерью ребенка на основании документов, выданных медицинским учреждением, принявшим роды. Однако в такой ситуации мать вправе оспорить материнство до внесения соответствующей записи в книгу записей рождений, аргументируя это тем, что не является генетическим родителем выношенного ею ребенка, что подтвердит и проведенная экспертиза. При такой ситуации права ребенка не соблюдаются, и такие его права, как право жить и воспитываться в семье, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, право ребенка на общение с родителями и другими родственниками, право на имя отчество и фамилию, право на получение содержания от своих родителей будут нарушены.

Таким образом, законодательство в области установления происхождения детей при суррогатном материнстве нуждается в уточнении. Целесообразно в этом плане внести изменения в семенной законодательства, касающиеся урегулирования правового статуса доноров спермы и ооцитов, гарантий супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона суррогатной матери, гарантий прав ребенка, родившегося в результате такой вспомогательной репродуктивной технологии.

Список литературы

1. Афанасьев С. Ф. Гражданский процессуальный аспект реализации репродуктивных прав и обязанностей // Вестник гражданского процесса. 2013. № 6. С. 80-81.
2. Бурмистрова Е. В. Установление происхождения детей при применении искусственных методов репродукции человека // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 71.
3. Лебедева О. Ю. Юридическая категория «родство» в современном семейном праве // Семейное и жилищное право. 2013. № 3. С. 22.
4. Майфат А. В., Резник Е. С. Современное состояние и перспективы развития законодательства в сфере использования репродуктивных технологий // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 57.
5. Серебрякова А. А. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства // Российская юстиция. 2016. № 12. С. 53.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 15. 05. 2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ и п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

К ВОПРОСАМ КВАЛИФИКАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСТАВОВ УБИЙСТВА (СТ.106 УК РФ)

Климанов А.М.

заведующий кафедрой уголовного права первого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук, Институт повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка, определяются временные понятия непосредственно родов и послеродового состояния. Даются практические советы квалификации данного преступления, совершенного в соучастии, что позволит следователю СК России успешно расследовать уголовные дела данной категории, которые, в силу своей достаточной малочисленности, представляют определенные проблемы для органов предварительного следствия.

Ключевые слова: умысел, убийство, привилегированный состав, соучастие, новорожденный, уголовная ответственность.

К убийствам со смягчающими признаками закон относит убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч.1 ст. 108 УК РФ), и убийство, совершенное при превышении мер задержания лица, совершившего преступление (ч.2 ст. 108 УК РФ).

В данной статье мы попытаемся рассмотреть некоторые вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ.

Объективная сторона данного привилегированного состава характеризуется наличием смягчающих признаков таких как время и обстановка совершения убийства новорожденного (ст.106 УК РФ).

Субъективная сторона данного вида убийства со смягчающими признаками включает в себя наличие аффектированного умысла, а также ограниченную вменяемость матери-убийцы новорожденного (ст. 106 УК РФ).

Объектом посягательства при преступлении, предусмотренном ст. 106 УК РФ выступает жизнь новорожденного. Новорожденным признается ребенок с момента непосредственного рождения до одного месяца жизни. Прилагательное «новорожденный» снимает часть возможных вопросов о понятии возраста ребенка, поскольку понятно, что это ребенок первого периода жизни после рождения. В то же время здесь возникают свои проблемы, связанные с определением начального периода понятия «новорожденный ребенок» и его конечного периода: когда именно начинается и когда заканчивается состояние новорожденности.

Начальный период новорожденности связывают с началом жизни человека. Для установления же конечного периода новорожденности обращаются к специализированным справочникам, как правило, к медицинским. Понятие новорожденности, в первую очередь медицинское, а затем уже чисто юридическое.

Большая Медицинская Энциклопедия определяет, что «...НОВОРОЖДЁННЫЙ (neonatus) – ребенок с момента рождения, первого вдоха и перерезки пуповины до четырехнедельного возраста...» [1].

Мнение Всемирной организации здравоохранения аналогично: «...новорожденный – это ребенок в возрасте до 28 дней...» [2].

Объективная сторона характеризуется действием (бездействием) матери, результатом совершения которого является причинение смерти новорожденному. Смягчающими признаками объективной стороны состава данного преступления уголовный закон признает время и обстановку совершения убийства. Убийство новорожденного во время или сразу же после родов означает, что оно совершается или в период родов либо в течении достаточно короткого времени с момента появления ребенка на свет. В ином случае убийство новорожденного, при отсутствии иных смягчающих обстоятельств влечет за собой квалификацию содеянного по п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ.

Мнения по определению понятия «сразу же после родов» существуют различные. Так, Г.В. Назаренко и А.И. Ситникова полагают, что этот период составляет до одних суток с момента родов, т.е. 24 часа [3].

Н.А. Лопашенко считает, что понятие «сразу после родов» более узкое и составляет не более одного часа. В обоснование своего довода она приводит следующие доводы. Слово «сразу» означает быстро, немедленно вслед за чем-либо. Последний период родов – это выход последа (плаценты). Обычно он составляет 10-20 минут, в редких случаях от 30 до 60 минут. Таким образом, по мнению Н.А. Лопашенко «сразу после родов» означает – значит немедленно после изгнания плаценты; предельный возраст новорожденного при этой разновидности убийства – до одного часа жизни [4].

Этой же позиции придерживаются В.Т. Томин и В.В. Сверчков, которые полагают, что понятие сразу после родов не может исчисляться часами, а тем более сутками [5].

Нам более близка позиция В.В. Малиновского и А.И. Чучаева, которые указывают, что единственным условием квалификации по ст.106 является время убийства – в процессе родов, т.е. до их окончания и начала внеутробной жизни новорожденного, или сразу же после окончания родов, т.е. ранний послеродовой период – от двух до четырех часов после выделения плаценты [6].

Судебная практика по делам данной категории достаточно разнообразна и исходит из того, что роды процесс сугубо индивидуальный, в связи с чем определение «сразу после родов» в каждом случае также индивидуально, определяется в каждом конкретном случае, однако ограничивается рамками раннего послеродового периода.

В качестве обстановки совершения преступления законодатель выделил психотравмирующую ситуацию под которой понимается неоднократное негативное воздействие окружающих на будущую мать как до начала родов, так и в процессе осуществления или после их окончания до истечения месячного срока.

Причинная связь при убийстве новорожденного заключается в том, что действие (бездействие) матери новорожденного закономерно вызывает гибель родившегося ребенка.

Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла. При прямом умысле мать новорожденного желает его смерти, при косвенном – сознательно допускает его гибель либо безразлично относится к наступлению его смерти. Умысел при этом может быть, как внезапно возникшим, так и заранее обдуманным.

При квалификации убийства новорожденного тщательному исследованию подлежат и другие признаки субъективной стороны – мотив и цель убийства. Мотивами детоубийства могут быть материальные затруднения, нужда, страх перед

осуждением окружающих, отказ отца от ребенка, нежелание отказаться от привычного образа жизни и многие другие. Целью убийства ребенка является причинение ему смерти. Субъектом данного преступления выступает только мать новорожденного ребенка, достигшая возраста 16 лет, признанная вменяемой или ограниченно вменяемой.

При наличии прямого умысла на убийство новорожденного и недоведении посягательства до конца по независящим от виновного лица обстоятельствам, ее действия (бездействие) надлежит квалифицировать как покушение на детоубийство по ч.3 ст.30 и ст. 106 УК РФ.

При совершении убийства новорожденного матерью в группе с другими соисполнителями ее действия квалифицируются по ст. 106 УК РФ, а действия соисполнителя по п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ.

В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении супругов О., которые сразу же после рождения ребенка договорились совершить его убийство. При этом непосредственный исполнитель – супруг О.С.А. не смог довести до конца преступный умысел по независящим от него обстоятельствам, а непосредственно лишила жизни ребенка его супруга О.Н.В.

Приговором Сормовского районного суда г. Нижнего Новгорода супруги осуждены – жена по ст. 106 УК РФ, муж – по ч.3 ст.30 и п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ. Апелляционным определением Нижегородского областного суда приговор оставлен без изменения [7].

При совершении убийства новорожденного в составе группы лиц с распределением ролей (например, при наличии подстрекателя, пособника и т.д.) действия матери квалифицируются также по ст. 106 УК РФ, а действия соучастников по п. «в» ч.2 ст. 105 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Полагаем необходимым также рассмотреть отграничения убийства новорожденного от иных составов убийства.

Убийство новорожденного (ст. 106 УК РФ) необходимо отграничивать от причинения смерти новорожденному его матерью по неосторожности (ст. 109 УК РФ) по характеру совершаемых действий, обусловленных формой вины. Преступные действия (бездействие), предусмотренные диспозицией ст. 106 УК РФ, носят умышленный характер, мать-детоубийца осознанно совершает действия (бездействие) по лишению жизни новорожденного и желает этого; не желает, но сознательно допускает наступление смерти либо относится к этому последствию безразлично. При причинении смерти новорожденному по неосторожности в виде преступной небрежности мать не предвидит возможности наступления смерти, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должна была и могла предвидеть гибель ребенка.

Убийство новорожденного с косвенным умыслом, совершенное путем бездействия (ст.106 УК РФ), отличается от оставления ребенка в опасности (ст.125 УК РФ) по содержанию и направленности умысла. При убийстве новорожденного направленность умысла свидетельствует о сознательном допущении смерти или безразличном отношении к последствиям своего бездействия. При оставлении новорожденного ребенка в опасности женщина рассчитывает, что ребенок не пострадает в результате оставления его без ее внимания.

Привлечение к уголовной ответственности по признакам убийства новорожденного исключается, если имело место невиновное причинение вреда в случаях,

когда смерть новорожденного была вызвана родами вне медицинского учреждения либо неумелого оказания матерью помощи новорожденному после его рождения.

Список литературы

1. Большая Медицинская Энциклопедия / [Электронный ресурс] / <http://бмэ.орг/index.php/НОВОРОЖДЕННЫЙ> (дата обращения 27.02.2018)
2. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения / http://www.who.int/topics/infant_newborn/ru/ (дата обращения 27.02.2018)
3. Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Квалификация преступлений: теория и практика: учеб. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 232 с.
4. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. В 3 т. Т.2. Особенная часть. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 576 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 3 т / В. Т. Томин [и др.] ; под ред. В. Т. Томина. – 10-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2016. – 1060 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) (отв. ред. В.В. Малиновский; науч. ред. проф. А.И. Чучаев). – М.: КОНТРАКТ, 2012. – 1040 с.
7. Официальный сайт Сормовского районного суда г. Нижнего Новгорода / <https://sormovskynnov.sudrf.ru>. Дело №1-100/2017 в отношении О. (дата обращения 27.02.2018)

ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ СУДОВ

Кукушкина Н.С.

магистрант, Институт государственного и международного права,
Уральский государственный юридический университет, Россия, г. Екатеринбург

В статье рассматриваются правовые позиции арбитражных судов по признанию и приведению в исполнение иностранных судебных решений, дается оценка подходам арбитражных судов в отношении удовлетворения заявлений о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений на основе принципов взаимности и международной вежливости, которые трактуются арбитражными судами как общепризнанные нормы международного права. Обращается внимание на то, что иностранные суды в вопросах признания и исполнения судебных решений, вынесенных в других государствах, исходят из четких указаний норм национального права, при этом принцип взаимности и принцип международной вежливости не интерпретируется как общепризнанная норма международного права, компенсирующая отсутствие соответствующего международного договора. В качестве основания для признания и исполнения иностранного судебного акта применяются только международные договоры, заключенные по данным вопросам.

Ключевые слова: признание и исполнение иностранных судебных решений, арбитражный суд, международные договоры, взаимность, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации.

Механизм признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений регламентирован нормами, как Арбитражного процессуального кодекса РФ, так и Гражданского процессуального кодекса РФ. Принципиально важный вопрос о круге подлежащих признанию и исполнению в России иностранных судебных решений в обоих кодексах решается одинаково: в зависимости от того, имеется ли со страной, суд которой вынес решение, соответствующий международный договор (ст. 241 АПК РФ, ст. 409 ГПК РФ).

Как указано в ст. 241 АПК РФ «решения судов иностранных государств, которые были приняты ими по спорам и иным делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности (иностранные суды), решения третейских судов и международных коммерческих арбитражей, при-

нятые ими на территориях иностранных государств по спорам и иным делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности (иностранные арбитражные решения), признаются и приводятся в исполнение в Российской Федерации арбитражными судами, если признание и приведение в исполнение таких решений предусмотрено международным договором Российской Федерации и федеральным законом» [2].

Несмотря на бесспорную позицию законодателя, арбитражные суды, рассматривая заявления об исполнении иностранных судебных решений при отсутствии соответствующего международного договора, принимают крайне противоположные решения: об их удовлетворении либо об отказе в удовлетворении.

Так, отказ в удовлетворении указанных заявлений мотивируется отсутствием между народным договора, регламентирующего вопросы признания и исполнения иностранных судебных решений. Удовлетворение заявлений происходит со ссылкой на принципы международной вежливости и взаимности, а также на международные договоры, непосредственно вопросы признания и исполнения иностранных судебных решений не регламентирующие.

Несмотря на наличие разнообразных мнений судов в решении вопроса об исполнении иностранного судебного решения при отсутствии международного договора, этот вопрос на обсуждение Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ вынесен не был. Решений Пленума указанного Суда по данному вопросу также нет, хотя он был предметом многочисленных обсуждений [9, с. 34].

Представляется, что крайне противоположные подходы судов общей юрисдикции и арбитражных судов по вопросам признания и исполнения иностранных судебных решений вряд ли имеют право на сосуществование. Единообразное регламентирование анализируемых вопросов в АПК РФ и ГПК РФ предполагает единообразное же толкование судами положений действующего как национального законодательства, так и международных договоров, участником которых является Россия.

В свою очередь, основоположником идеи исполнения иностранного судебного решения при отсутствии международного договора стал Верховный Суд РФ. Его Определением от 7 июня 2002 г. по делу № 5-Г02-64 [3] было отменено определение Московского городского суда об отказе в признании и исполнении решения английского суда при отсутствии международного договора. Как указал Суд, «заявление о признании и исполнении иностранного судебного решения может быть удовлетворено компетентным российским судом и при отсутствии соответствующего международного договора, если на основе взаимности судами иностранного государства признаются решения российских судов». На новое рассмотрение дело поступило ввиду того, что подведомственность указанной категории дел законодателем была изменена. Несмотря на то, что в конечном итоге в удовлетворении заявления о признании и приведении в исполнение решения английского суда было отказано, впоследствии процитированное выше мнение Верховного Суда РФ было истолковано арбитражными судами как вероятность признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения на основе принципов взаимности и международной вежливости как общепризнанных принципов международного права, являющихся составной частью правовой системы РФ в силу п. 4 ст. 15 Основного Закона [1].

По всей вероятности, сочтя данное основание для признания и исполнения иностранного судебного решения недостаточным и приняв во внимание импера-

тивное указание законодателя о необходимости наличия международного соглашения, арбитражные суды при рассмотрении очередного заявления о признании и приведении в исполнение решения английского суда решили сослаться на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., истолковав предусмотренное ст. 6 Конвенции право на суд как охватывающее все стадии судебного разбирательства, включая стадию исполнения судебных решений, в том числе вынесенных за рубежом [7].

Одновременно в судебном акте была сделана ссылка на Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии об экономическом сотрудничестве 1992 г., а именно на положение Соглашения, согласно которому как юридическим, так и физическим лицам каждой из стран должен быть предоставлен национальный режим в отношении доступа и механизма рассмотрения в любых судах и административных органах на территории другой страны.

При рассмотрении еще одного дела, предметом которого было заявление о признании и исполнении решения голландского суда [5], арбитражный суд определил процессуальные и материальные основания признания иностранного судебного акта следующим образом: ст. 241 АПК РФ; п. 4 ст. 15 Основного Закона; общепризнанный принцип международной вежливости, который, в свою очередь, предписывает государствам относиться к иностранному правопорядку вежливо и обходительно; принцип взаимности, предписывающий взаимное уважение судами разных государств результатов деятельности каждого; международные договоры России.

Принимая во внимание, что в последние годы работы Высшего Арбитражного Суда РФ большое внимание уделялось вопросам единообразия в толковании и применении арбитражными судами норм права, практически во всех судебных актах, которыми удовлетворены заявления о приведении в исполнение иностранных судебных решений в отсутствие соответствующего международного договора, присутствуют данные формулировки в качестве оснований [8, с. 143].

Между тем нельзя не отметить, что встречаются определения Высшего Арбитражного Суда РФ, которые подтверждают правильность решений судов, которыми было отказано в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения, в отсутствие соответствующего международного договора. Так, в Определении от 19 мая 2008 г. № 5105/08 правильность отказа в удовлетворении заявления о приведении в исполнение иностранного судебного решения подтверждена следующим выводом: «В соответствии с частью 3 статьи 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» обязательность на территории России постановлений судов иностранных государств, международных судов и арбитражей определяется международными договорами Российской Федерации» [4].

Таким образом, наличие весьма противоположных решений арбитражных судов по вопросу об удовлетворении заявлений о приведении в исполнение иностранного судебного решения при отсутствии международного договора свидетельствует о том, что единого мнения в отношении данного вопроса не имелось, принятие решения во многом зависело от субъективного мнения судьи, рассматривавшего дело. Основания, на которые ссылались отдельные судьи при удовлетворении заявлений об исполнении иностранных судебных решений в отсутствие международного договора, оценивались критически и не принимались в качестве надлежащих всеми без исключения судьями.

Следует также обратить внимание на ряд последних определений Верховного Суда РФ, в которых содержится отказ в передаче заявления для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ и подтверждается правильность удовлетворения заявлений о приведении в исполнение решения английского суда при отсутствии международного договора между Российской Федерацией и Англией и признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений. Более того, основания для удовлетворения заявлений о принудительном исполнении решения английского суда оказались весьма разнообразными [6].

Сейчас российские суды исходят из того, что иностранное судебное решение признается и исполняется, если будет доказано, что в государстве, где вынесено это самое иностранное судебное решение, хоть раз признавалось и исполнялось решение российского суда. Это своего рода ограничительное толкование принципа взаимности. Однако взаимность в таком виде не позволяет надлежащим образом ею воспользоваться, так как зачастую доказать наличие даже одного случая признания и исполнения российского решения в другом государстве не всегда представляется возможным. Чтобы с достоверностью разобраться в практике соответствующего иностранного государства, должен быть как минимум доступ к архиву судебных актов, что не всегда является возможным. Если запросить данную информацию через органы юстиции, то нет гарантии того, что этот вопрос будет разрешен должным образом. Кроме того, в этом никто не заинтересован, кроме самого заявителя (лица, обратившегося в суд с заявлением о признании и исполнении решения иностранного суда).

Таким образом, сформировавшаяся практика судов по вопросам признания и исполнения иностранных судебных решений говорит о том, что рассматриваемая категория дел оказалась весьма сложной, требующей правового анализа и обстоятельного корректирования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
3. Определение Верховного Суда РФ от 07.06.2002 № 5-Г02-64. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Определение ВАС РФ от 19.05.2008 № 5105/08. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение ВАС РФ от 07.12.2009 № ВАС-13688/09. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Верховного Суда РФ от 05.11.2015 № 305-ЭС15-13458. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление ФАС Московского округа от 02.03.2006 № КГ-А40/698-06-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Майар М.М.И. К вопросу о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений на территории Российской Федерации // International innovation research: сборник статей IX Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2017. С. 143-146.
9. Закирова И.И. О некоторых основаниях к отказу в признании и приведении в исполнение актов иностранных судов в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 11. С. 34-36.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ, ПРЕКРАЩЕНИЯ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кулаева О.Н.

обучающийся юридического факультета кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Российский государственный социальный университет, Россия, г. Москва

В статье рассматривается общая характеристика и правовые вопросы создания, прекращения акционерных обществ по законодательству Российской Федерации. Способы создания. Роль акционерных обществ в современной российской экономике.

Ключевые слова: акционерное общество, договор о создании общества, устав, акционер.

Одной из самых распространенных форм ведения предпринимательской деятельности в Российской Федерации является акционерное общество.

Акционерное общество создается с целью получения прибыли и может заниматься любой не запрещенной законом деятельностью.

Акционерное общество может быть создано двумя основными способами: путем учреждения нового акционерного общества; путем реорганизации существующего юридического лица, в результате чего образуется акционерное общество.

В любом из этих случаев акционерное общество будет считаться созданным с момента его государственной регистрации в регистрирующем органе.

Согласно пункту 1 статьи 98 Гражданского кодекса Российской Федерации, определяющей общие условия создания акционерного общества, учредители акционерного общества заключают между собой договор, который определяет: порядок осуществления ими совместной деятельности по созданию общества; размер уставного капитала общества; категории выпускаемых акций и порядок их размещения; иные условия, предусмотренные Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

Договор о создании акционерного общества заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами.

Договор о создании общества не является учредительным документом общества и действует до окончания определенного договором срока оплаты акций, подлежащих размещению среди учредителей.

При рассмотрении споров о признании договора о создании акционерного общества недействительным следует руководствоваться соответствующими нормами ГК РФ о недействительности сделок (пункт 6 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

Учредительным документом акционерного общества является его устав, утвержденный учредителями.

В том случае, если акционерное общество учреждается одним лицом, договор о создании общества не заключается. Все основные моменты, касающиеся создания акционерного общества, должны быть отражены в решении единственного учредителя о создании акционерного общества.

Акционерное общество может быть создано одним лицом или состоять из одного лица в случае приобретения одним акционером всех акций общества, одна-

ко акционерное общество не может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица, если иное не установлено законом.

Создание акционерного общества путем учреждения осуществляется по решению учредителей (учредителя). Такое решение принимается учредительным собранием, если учредителей несколько. Если учредитель один, то решение об учреждении акционерного общества принимается этим лицом единолично.

Учредители акционерного общества должны учитывать, что решения об учреждении общества; об утверждении устава общества; об утверждении денежной оценки ценных бумаг, других вещей или имущественных прав либо иных прав, имеющих денежную оценку, вносимых учредителем в оплату акций общества, принимается только единогласно.

Об избрании органов управления общества; об избрании ревизионной комиссии (ревизора) общества; об утверждении регистратора общества; при необходимости – об утверждении аудитора общества принимаются решения большинством в три четверти голосов, которые представляют подлежащие размещению среди учредителей общества акции. В этом случае решение об учреждении общества должно содержать результаты голосования учредителей общества и принятое учредителями решение об утверждении аудитора общества.

Учредители акционерного общества несут солидарную ответственность по обязательствам, возникшим до регистрации общества. При этом само общество несет ответственность по обязательствам учредителей, связанным с его созданием, только в случае последующего одобрения их действий общим собранием акционеров

Устав является единственным учредительным документом акционерного общества. Устав впервые утверждается учредителями при создании акционерного общества и подается вместе с другими документами в регистрирующий орган.

Акционеры акционерного общества и все органы общества обязаны четко выполнять требования устава акционерного общества.

К лицам, которые могут являться учредителями акционерного общества относятся граждане и (или) юридические лица, принявшие решение об учреждении общества.

Между тем, не все юридические лица могут являться учредителями акционерного общества.

Учреждать акционерное общество не имеют право государственные органы и органы местного самоуправления.

Однако из этого правила могут быть сделаны исключения, закрепленные в соответствующих федеральных законах.

Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» предусматривает следующие основания прекращения акционерного общества: 1) истечение срока, на который было создано общество; 2) решение общего собрания о ликвидации общества. Для принятия такого решения необходимо одобрение большинством в 3/4 голосов. Устав акционерного общества может предусматривать необходимость одобрения большим количеством голосов и иные требования; 3) открытие конкурсного производства в отношении имущества акционерного общества; 4) вступление в законную силу решения суда, отменяющего открытие конкурсного производства в связи с недостатком конкурсной массы; 5) вступление в законную силу решения суда, ведущего реестр, о недостатках в уставе общества.

Правление отсылает в суд заявление о прекращении акционерного общества. В случаях открытия конкурсного производства в отношении имущества акционерного общества, вступления в законную силу решения суда, отменяющего открытие конкурсного производства в связи с недостатком конкурсной массы и вступления в законную силу решения суда о недостатках в уставе общества, суд самостоятельно вносит в реестр сведения о ликвидации.

После принятия решения о прекращении деятельности акционерного общества происходит ликвидация.

Таким образом, акционерное общество прекращает свою деятельность только на основании решения участников о завершении ликвидации, принятого на общем собрании, либо на основании судебного решения о завершении деятельности по ликвидации общества, которое имеет юридическую силу только с момента его официального опубликования.

Акционерное общество считается прекратившим существование с момента внесения органом, осуществляющим государственную регистрацию юридических лиц, соответствующей записи в единый государственный реестр юридических лиц.

Сообщение о прекращении деятельности общества должно быть опубликовано в Официальном бюллетене гражданских и коммерческих извещений, а также в газете, в которой публикуются юридические уведомления по месту нахождения общества.

В заключении хотелось подчеркнуть, что акционерные общества в современной российской экономике играют значительную роль, организационно-правовая форма акционерного общества для рыночной экономики является самым приемлемым видом предпринимательского объединения, так как наиболее полно обеспечивает функцию концентрации капитала и его последующего использования.

Список литературы

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ (часть 1) (с изменениями и дополнениями на 25.03.2017). – Москва: Эксмо, 2017.
2. Федеральный закон от 31.12.2005 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 03.07.2016) (с изменениями и дополнениями на 01.01.2017).
3. Федеральный закон РФ от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц» (в ред. от 28.12.2016.)
4. Берзон Н.И., Ковалев А.П. Акционерное общество: капитал, правовая база, управление: Практик. пособие для экономистов и менеджеров. – М.: Финстатинформ, 2012.
5. Гончаров В.В. Создание и функционирование акционерных компаний. – М.: МНИПУ, 2012.

СОГЛАСИЕ НА СОВЕРШЕНИЕ СДЕЛКИ: ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

Николаева Ю.Е.

аспирант кафедры гражданского права, Южный федеральный университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматриваются нормы Гражданского кодекса РФ о согласии на совершение сделок. В частности, затрагиваются вопросы о правовой природе, форме и содержании такого согласия, а также последствия отсутствия согласия на совершение сделки. На основе анализа положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06. 2015 № 25 обосновывается вывод о

том, что согласие на совершение сделки по своей правовой природе представляет собой одностороннюю сделку.

Ключевые слова: сделка, согласие на совершение сделки, правовая природа согласия, недействительность сделки, последствия отсутствия согласия, Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Современное российское гражданское законодательство содержит значительное количество норм, предусматривающих получение согласия одних участников гражданского оборота на совершение юридически значимых действий другими участниками гражданского оборота. О согласии, как отмечает С. Н. Касаткин, говорится более чем в 150 статьях ГК РФ [7, с. 70].

Согласие на совершение гражданско-правовых сделок является одним из самых распространенных и значимых видов согласий. Следует отметить, что до внесения изменений в ГК РФ, вступивших в силу с 01.09.2013 г. в связи с введением в действие ФЗ от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации» [1] (далее – ФЗ от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ) в российском гражданском законодательстве отсутствовали общие нормы, которые регулировали бы форму и содержание согласия. Существовали отдельные специальные нормы, касающиеся, например, порядка одобрения крупных сделок или сделок с заинтересованностью (например, ст. 45, 46 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2]). Однако такие нормы не могли играть роль общих и применяться в отношении иных видов согласий.

По указанной причине в Концепции развития гражданского законодательства РФ [4] отмечалось, что смысл включения в ГК РФ отдельной нормы о согласии на совершение сделки состоит именно в унификации законодательных требований к выдаче различного рода согласий: согласия кредитора на перевод долга, согласия собственника на отчуждение имущества унитарного предприятия и др.

В соответствии с ФЗ от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ ГК РФ был дополнен ст. 157.1, содержащей общие положения, касающиеся согласий на совершение сделки, и ст. 173.1, устанавливающей правовые последствия отсутствия согласия на совершение сделки в виде ее недействительности.

Включение в ГК РФ универсальных правил относительно согласий на совершение сделки при сохранении многочисленных специальных норм актуализировало исследование ряда вопросов, связанных с согласием определенных лиц, не участвующих в сделке, на ее совершение. Одним из них является определение правовой природы такого согласия. Решение данной проблемы имеет важное значение, поскольку обуславливает выбор способов защиты права при нарушении норм о получении согласия, а также правовые последствия отсутствия необходимого в силу закона согласия на совершение сделки.

В процессе практического применения указанных законодательных новелл о согласии особое значение приобретает обеспечение единообразия правоприменения, так как содержание ст. 157.1 ГК РФ не дает однозначного ответа на ряд важных вопросов.

С целью унификации практического применения норм о согласиях на совершение сделки в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3] (далее – Постановление Пленума ВС

РФ № 25) достаточно подробно (пп.50-57) изложена позиция высшей судебной инстанции по ряду спорных вопросов.

Как уже упоминалось, правовым последствием отсутствия необходимого в силу закона согласия является недействительность сделки. Понятие «отсутствие согласия» является достаточно широким и, по нашему мнению, включает в себя ситуации отзыва согласия до совершения сделки, отзыва согласия после совершения сделки, выдачи согласия под влиянием заблуждения и т.д. Очевидно, что перечисленные ситуации будут иметь различные правовые последствия, вытекающие из правовой природы согласия.

В правомерности такого суждения убеждает и анализ Постановления Пленума ВС РФ № 25. В частности, п. 50 Постановления Пленума ВС РФ № 25 прямо указывает, что «по смыслу статьи 153 ГК РФ при решении вопроса о правовой квалификации действий участника (участников) гражданского оборота в качестве сделки для целей применения правил о недействительности сделок следует учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ об исполнении обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки)».

Анализируя данное положение, можно сделать вывод о том, что согласие на совершение сделки расценивается как волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, то есть как сделка. Из указанного вывода следует необходимость применения к согласию различных норм, регулирующих сделки.

Надо отметить, что требование о соблюдении определенной формы согласия в ст. 157.1 ГК РФ отсутствует. Исходя из оценки согласия в качестве сделки обобщенным представляется вывод о том, что форма согласия должна подчиняться общим нормам о форме сделки.

В норме, закрепленной ст. 157.1 ГК РФ, содержится указание на то, что такая форма выражения, как молчание, не считается согласием на совершение сделки, за исключением случаев, установленных законом. Судебная практика также не признает согласием молчание лица (п. 54 Постановление Пленума ВС РФ № 25).

В п. 55 Постановления Пленума ВС РФ № 25 содержатся важные разъяснения о форме согласия. Так, прямо указывается, что третьи лица могут выражать согласия в различной форме (как устной, так и письменной). Исключением являются случаи, когда конкретная форма согласия определена законом.

Полагаем, что в отношении юридических лиц должно быть установлено требование об обязательной письменной форме выражения согласия на совершение сделки. Согласие представляет собой волеизъявление лица, поэтому оно должно иметь форму, в которой оно может быть воспринято и однозначно истолковано иными участниками гражданского оборота. По нашему мнению, с учетом искусственной природы юридического лица как субъекта права и во избежание злоупотреблений со стороны как самого юридического лица, так и сторон сделки необходимо придавать согласиям письменную форму. В подтверждение высказанной позиции, полагаем, можно привести положения п.1 ст. 161 ГК РФ, в соответствии с которой все сделки, совершаемые юридическим лицом, должны иметь простую письменную форму (за исключением случаев, когда в силу закона для таких сделок обязательной является нотариальная форма).

Согласие на совершение сделки, данное третьим лицом, должно быть доведено до сторон сделки. В соответствии с п. 2 ст. 157.1 ГК РФ о своем согласии либо отказе в нем третье лицо или соответствующий орган сообщает лицу, запросившему согласие или иному заинтересованному лицу в разумный срок после получения обращения лица, запросившего согласие. В связи с формулировками, использованными в данной норме, возникает вопрос о круге лиц, которых следует известить о наличии либо отсутствии согласия.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 55 Постановления Пленума ВС РФ № 25, достаточным признается направление согласия любому из контрагентов сделки. По нашему мнению, подход, продемонстрированный судебной практикой, является обоснованным: именно до сведения сторон сделки должна быть доведена воля третьего лица, поскольку в этом случае наличие согласия создает у сторон разумные ожидания того, что сделка имеет достаточную устойчивость и в дальнейшем не будет оспорена.

В соответствии с п. 56 Постановления Пленума ВС РФ № 25 лицо, дающее предварительное согласие, вправе дополнительно указать условия, на которых оно согласно с тем, чтобы сделка была совершена. Несоблюдение сторонами сделки названных условий дает третьему лицу право на ее оспаривание на основании ст. 173.1 ГК РФ.

В научной литературе высказано мнение, согласно которому согласие – это односторонняя сделка, содействующая заключению основной сделки, так как соответствует требованиям, предъявляемым ст. 153 ГК РФ к сделкам, а воля одобряющего направлена на возникновение прав и обязанностей у субъектов сделки [6, с. 21]. Именно это обстоятельство обуславливает возможность применения к согласиям положений ст. 157 ГК РФ об условных сделках. Поскольку необходимость согласия установлена в интересах того лица, которое вправе одобрить либо не одобрять совершаемую сделку, то такое лицо может поставить свое согласие на совершение сделки под наступление определенного условия.

В п.56 Постановления Пленума ВС РФ № 25 указано, что третье лицо вправе дать одно согласие на совершение нескольких сделок. В Постановлении Пленума ВС РФ № 25 при этом подчеркивается, что статья 157.1 ГК РФ не предусматривает возможности выдачи общего согласия третьего лица на совершение любых сделок с конкретно неопределенным имуществом. Допустимость такого согласия может быть предусмотрена законом или вытекать из особенностей правоотношений сторон сделки и третьего лица, выражающего согласие на ее совершение.

Данные разъяснения следует понимать в том смысле, что согласие не может быть абстрактным и должно обладать достаточной степенью определенности.

Согласно п.2 ст. 157.1 ГК РФ согласие с учетом временного критерия может. При этом, как отмечается в литературе, только последующее согласие и одобрение являются тождественными понятиями. Вследствие чего понятие «одобрение» не применимо к понятию «предварительное согласие» [5, с. 15]. Юридическое разграничение данных разновидностей согласия выражается в установлении различных предъявляемых к ним требований. Так, в соответствии п.3 ст. 157.1 ГК РФ при предварительном согласии должен быть определен только предмет сделки, а при последующем указывается сама сделка.

Применительно к предварительному согласию в п. 56 Постановления Пленума ВС РФ № 25 содержится указание на право лица, дающего такое согласие, дополнительно указать условия, на которых оно согласно на совершение сделки.

Несоблюдение сторонами сделки этих условий влечет за собой возможность ее оспаривания на основании ст. 173.1 ГК РФ. Думается, что в качестве таких дополнительных условий можно использовать существенные условия соответствующего договора. Так, например, для договора купли-продажи недвижимости в качестве такового может выступать цена приобретаемого или отчуждаемого имущества.

С учетом сказанного можно прийти к заключению о том, что в предварительном согласии должны быть указаны, во-первых, предмет сделки, описанный таким образом, чтобы его можно было идентифицировать. Во-вторых, иные существенные условия совершаемой сделки.

Согласно п. 57 Постановления Пленума ВС РФ № 25 третье лицо, давшее предварительное согласие на совершение сделки, вправе его отозвать, уведомив стороны сделки до момента ее совершения и возместив им убытки, вызванные таким отзывом (ст. 15 ГК РФ). Поскольку гражданским законодательством не установлены правила об отзыве согласия третьего лица на совершение сделки, в таком случае по аналогии закона подлежат применению положения об отзыве акцепта (п.1 ст. 6, ст. 439 ГК РФ). Отзыв согласия, сообщение о котором поступило сторонам сделки после ее совершения, считается несостоявшимся. Отзыв предварительного согласия после совершения сделки, равно как и отзыв осуществленного последующего согласия (одобрения) не могут служить основанием для признания сделки недействительной.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что ситуация отзыва данного согласия (как предварительного, так и последующего) законодательно вообще не урегулирована, что, безусловно, представляется пробелом в правовом регулировании, который настоятельно требует своего восполнения.

Правоприменительная практика предлагает руководствоваться в данном случае аналогией закона и общими принципами гражданского права, в частности, принципом добросовестности (ст. 10 ГК РФ). Именно применением принципа добросовестности можно объяснить, по нашему мнению, установленное п. 57 Постановления Пленума ВС РФ № 25 правило о необходимости возмещения убытков, которые понесли стороны сделки, получившие согласие третьего лица и разумно полагавшиеся на такое согласие.

Далее, применение принципа добросовестности и разумности предполагает, что во взаимоотношениях третьего лица и сторон сделки должна существовать правовая определенность с целью сохранения стабильности гражданского оборота. Это означает, что возможность отозвать свое согласие у третьего лица должна быть ограничена во времени. Применение правил об аналогии с акцептом позволяет сделать вывод о том, что третье лицо вправе отозвать согласие лишь до момента совершения сделки.

Необходимо обратить внимание также и на иные правовые последствия отзыва согласия (как предварительного, так и последующего), совершенного уже после заключения сделки. В частности, в Постановления Пленума ВС РФ № 25 сделан вывод о том, что отзыв согласия после совершения сделки не может служить основанием для признания сделки недействительной.

Список литературы

1. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 100 – ФЗ//Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.

2. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
3. Постановление Пленума Верховного Суда № 25 от 23.06.2015 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 30.06.2015 (Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8 август 2015)
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: Решение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.
5. Бакаева И.В. Согласие на совершение сделки: проблемы и решения // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 12. – С. 13-17.
6. Брезгулевская Л.К. О правовой природе согласия на совершение сделки // Юрист. – 2014. – № 22. – С. 19-23.
7. Касаткин С.Н. Понятие и признаки согласия как гражданско-правовой категории // Право и экономика. – 2013. – № 3. – С. 69-73.
8. Тололаева Н.В. Признание сделки недействительной и ответственность по договору: разъяснения ВС РФ. М., 2017.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СЛОЖНОУСТРОЕННЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Османова Д.И.

магистрант, Институт государства и права,
Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень

Мишурнина А.А.

профессор кафедры конституционного и муниципального права, д-р юрид. наук,
Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень

В статье рассматриваются особенности конституционно-правового статуса сложноустроенных субъектов Российской Федерации, специфика правового регулирования взаимодействия органов государственной власти, их права, обязанности, гарантии и ответственность на примере Тюменской области. Отмечаются существенные признаки, характерные для сложноустроенных субъектов Федерации. Исследуется вопрос о равноправии субъектов Российской Федерации, входящих в состав сложноустроенного субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: сложноустроенный, сложносоставной субъект Российской Федерации, автономный округ, особый статус, равенство субъектов, федеративное устройство.

Устойчивость и постоянство федеративных отношений в любом государстве во многом определяется имеющимся равноправием субъектов Российской Федерации, как в отношении других субъектов Федерации, так и по отношению к федеральному центру. Принцип равноправия реализуется в том случае, если субъекты Федерации обладают одинаковым (равным) правовым статусом, имеют одинаковый объем прав, обязанностей и ответственности.

Особенности федеративного устройства Российской Федерации отображаются в специфике структуры ее отдельных субъектов, которые получили название в науке конституционного права «сложноустроенных субъектов» («сложносоставных»). Такой способ объединения субъектов Российской Федерации вызывает активные дискуссии в научных исследованиях.

В статье 5 Конституции Российской Федерации определено, что наша страна состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов – равноправных субъектов Российской Федера-

ции. При взаимодействии с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны [1]. Следует согласиться с мнением французского ученого Ж. Марку, который указал, что «... федерализм предполагает равенство прав между субъектами или, по крайней мере, ставится установить подобное равенство» [9].

Между тем, среди ученых правоведов давно ведутся споры об отсутствии полного равноправия субъектов Федерации. Одним из фактов, свидетельствующим о наличии асимметрии, является положение части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации, допускающее вхождение одного «равноправного» субъекта в состав другого, что само по себе затруднительно определить как «равноправность». Такие субъекты называются сложноустроенными. Особенность правового статуса этих регионов заключается в том, что они могут войти в состав Российской Федерации в качестве ее равноправных субъектов самостоятельно, либо через другой субъект, составными частями которого они являются.

В действующем федеральном законодательстве отсутствуют нормы права, регламентирующие конституционно-правовой статус сложноустроенных субъектов Российской Федерации.

В начале 1990-х годов в составе Российской Федерации имелось несколько сложноустроенных субъектов. Именно в таких субъектах начался процесс объединения регионов. Первый прецедент объединения субъектов и изменения состава Российской Федерации начался с вхождения в 2005 году Коми-Пермяцкого автономного округа в состав Пермской области [3].

На сегодняшний день осталось только два сложноустроенных региона – Тюменская область, в составе которой находятся Ямало-Ненецкий автономный округ и Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, и Архангельская область, в которую включен Ненецкий автономный округ.

Объединение субъектов Федерации в 2004 – 2008 годах исключило самостоятельность «входящих» автономных округов, которые стали муниципальными районами либо административно-территориальными округами с особым статусом.

Отдельные ученые, в том числе, Степаненко Ю.В., предлагают сложноустроенные субъекты определить как «полисубъекты», в связи с тем, что после объединения двух или трех субъектов вместе, каждый субъект сохранил самостоятельность. А другие субъекты Российской Федерации, которые после вхождения лишились статуса субъекта Федерации, предложено именовать «моносубъектами» [10].

Правовые отношения между автономными округами, находящимися в составе областей, их взаимодействие, регламентируются Конституцией Российской Федерации, уставами соответствующих областей и автономных округов.

Согласно части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации, включение автономного округа в состав края либо области свидетельствует о наличии такого положения, при котором автономный округ, является одновременно частью иного субъекта Федерации – соответственно края или области. Такое положение свидетельствует об особенностях правового статуса, как автономного округа, так и края или области, в состав которых он включен. Вместе с тем, термины «входящие в состав», «включает территорию», полагают наличие подчиненности и неравенства отношений [8].

Конституционный Суд Российской Федерации, при толкований положений части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации, констатировал следующее: «... включение автономного округа в состав края, области не влечет за собой сме-

ны их конституционно-правовой природы как субъектов Федерации и не свидетельствует об утрате автономным округом своего статуса в целом или в части (население, территория, система органов власти, законодательство и т.д.). Вхождение автономного округа не лишает субъекта Федерации равноправного статуса среди других субъектов, так как он вправе по своему усмотрению распоряжаться всеми теми полномочиями, которые предоставлены ему Конституцией Российской Федерации. Самостоятельность и равноправие автономного округа в отношении своих полномочий, территории гарантируются вместе с другими конституционными гарантиями. Кроме того, для изменения статуса автономного округа, согласно части 5 статьи 66 Конституции Российской Федерации не требуется согласия края или области в состав которых входит автономный округ» [4].

Следует отметить, что автономные округа, как и другие субъекты Федерации, обладают также учредительными полномочиями, то есть полноправны в принятии своих уставов, законов и иных нормативных правовых актов.

С учетом изложенного, можно определить сущностные признаки, характерные для автономных округов, входящих в сложноустроенный субъект Федерации:

1) стабильность правового положения субъектов Федерации, их территориальных границ муниципальных образований;

2) распространение действия отдельных нормативных правовых актов только в пределах территории сложноустроенного субъекта Федерации;

3) наличие возможных исключений из Федерального закона от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2];

4) функционирование уполномоченных органов власти, компетентных на реализацию политики, направленную на защиту прав и свобод коренного населения субъектов Федерации с особым статусом;

5) представительство интересов коренных малочисленных народов от административно-территориальных округов или муниципального района в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации;

6) установление гарантий законности отзыва глав муниципальных образований сложноустроенных субъектов Федерации, дополняющих гарантии установленных Федеральным законом № 131-ФЗ;

7) установление гарантий в части защиты территорий традиционного природопользования коренных народов:

– делегирование органами государственной власти субъекта Федерации органам местного самоуправления муниципальных районов отдельных государственных полномочий в части обеспечения прав коренных народов на приоритетное природопользование;

– передача в безвозмездное пользование, а также пожизненное наследуемое владение территорий коренным малочисленным народам, которые выделены субъектом Федерации.

К перечисленным признакам можно добавить и специфику в законотворчестве сложноустроенных субъектов Федерации.

Конституцией Российской Федерации федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Федерации предоставлено право заключения между собой договоров и соглашений по вопросу о разграничении предметов ведения и предоставленных им полномочий.

Так, например, субъектами сложноустроенного субъекта Российской Федерации – Тюменской области утверждена государственная программа по реализации Договора между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа «Сотрудничество» [5], которая предусматривает разграничение полномочий и сохраняет самостоятельность автономий.

Отметим, что среди ученых имеется мнение о несовершенстве правовой природы между такими договорами и федеральным законодательством по следующим основаниям:

– договоры содержат положения, находящиеся за пределами действия положений части 3 статьи 11 Конституции Российской Федерации, т.е. регламентируют более обширный перечень вопросов, чем разграничение полномочий между органами государственной власти;

– договоры предусматривают разграничение полномочий по предметам исключительного ведения Федерации, но не по предметам совместного ведения органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации;

– договоры и соглашения разграничивают полномочия, которые уже разграничены федеральными законами [7].

Таким образом, можно констатировать, что некоторая асимметрия конституционно-правового статуса отдельных субъектов Федерации все же имеется.

Одним из важных аспектов, характеризующих особенности правовой природы сложноустроенных субъектов в Российской Федерации, являются формы взаимодействия органов государственной власти.

Нормативные правовые и ненормативные правовые акты, которые приняты органами государственной власти Тюменской области и автономных округов совместно, действуют на всей территории Тюменской области [6].

Совместную подготовку и принятие нормативных правовых актов Тюменской области органы власти осуществляют в области защиты прав, свобод и законных интересов, как отдельных граждан, так и населения, вопросам местного самоуправления, административно-территориального устройства, борьбы с правонарушениями, работы систем жизнеобеспечения, включая автономные округа.

Обобщая изложенное, представляется возможным сделать ряд выводов:

1. Вхождение автономного округа в состав края или области не влияет на изменение их конституционно-правового статуса и, следовательно, не свидетельствует о том, что автономным округом может быть утрачена своя территория, население, система органов власти и законодательства и т.д. [11]. Вхождение автономного округа в состав другого субъекта Федерации не отнимает у него прав как равноправного субъекта, он вправе по своему усмотрению распоряжаться теми правами и полномочиями, которые ему предоставлены.

2. Специфика правового статуса сложноустроенных субъектов состоит в особенностях определения их территории и населения. Так территория Тюменской области, как сложноустроенного субъекта Федерации состоит не только из территорий муниципальных образований юга Тюменской области, но территорий Ямало-Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Соответственно население Тюменской области включает в себя население юга Тюменской области и население автономных округов. Это порождает необходимость взаимодействия органов государственной власти Тюменской области и автономных округов при проведении выборов Губернатора Тюменской области и де-

путатов Тюменской областной Думы. Так, Тюменская область, как сложноустроенный субъект является государственно-территориальным образованием, состоящим не только из своих административно-территориальных единиц и муниципальных образований, но и других государственно-территориальных образований Ямало-Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, что порождает между ними особенные правоотношения, основывающиеся на признании территории и населения входящих субъектов, наличия взаимных прав, обязанностей и гарантий.

3. Полагаем, что в качестве рекомендации можно предложить федеральному законодателю разработать законодательный акт, регламентирующий основы правоотношений в сложноустроенных субъектах Российской Федерации, в котором установить порядок взаимодействия органов публичной власти; права, обязанности, гарантии и ответственность. Это будет способствовать действительной реализации конституционного принципа равноправия субъектов Федерации во взаимоотношениях с федеральным центром, а также обеспечению единства и гармонизации механизмов их взаимодействия.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 08.10.2003. № 202.
3. Федеральный конституционный закон от 25.03.2004 № 1-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» // Российская газета. 26.03.2004. № 62.
4. Постановление Конституционного Суда от 14.07.1997 № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции РФ положения о вхождении автономного округа в состав края, области». // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 29. Ст. 3581.
5. Постановление Правительства Тюменской области от 30.12.2014 № 705-П «Об утверждении государственной программы по реализации договора между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и ЯНАО «Сотрудничество». URL.: www.admtumen.ru (дата обращения: 23.02.2018).
6. Устав Тюменской области от 30 июня 1995 года № 6 // Тюменские известия. 15.07.1995. № 133.
7. Барциц И.Н. Договорное регулирование федеративных отношений // Законодательство. 2001. № 6.
8. Ливеровский А.А. Субъект Российской Федерации в системе федеративной конституционной симметрии: автореф. дисс. док. юрид. наук. Москва, 2003. 247 с.
9. Марку Ж. Распределение властных полномочий в Российской Федерации в свете существующей практики федеративных государств – членов Совета Европы // Журнал российского права. 2002. № 9 // СПС КонсультантПлюс.
10. Степаненко Ю.В., Поташкова Н.И. К вопросу о конституционно-правовом статусе сложноустроенных субъектов Российской Федерации // Современный юрист. 2016. № 4.
11. Сунцов А.П., Мишунина А.А. Конституционно-правовые основы антикоррупционной экспертизы законодательных актов (их проектов) в Российской Федерации / Учебное пособие. – Тюмень, «Вектор Бук», 2016. – 208 с.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ

Пайтян Р.Х.

старший преподаватель кафедры международного права Юридического института,
Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск

Данная статья посвящена анализу современных проблем, связанных с международно-правовым регулированием миграции. Мировая практика свидетельствует о том, что международному сообществу и отдельным государствам не удалось наладить достаточное правовое обеспечение миграционной деятельности. Современный миграционный кризис, вызванный гражданскими войнами в странах Ближнего Востока, показал необходимость пересмотра способов разрешения такой ситуации. Ее невозможно разрешить на внутригосударственном или региональном уровнях, необходимо предпринимать более глобальные меры. Автором предлагаются пути решения проблем.

Ключевые слова: мигрант, вынужденная миграция, беженец, миграционный кризис.

В настоящее время повышенное внимание вызывает угрожающий рост недобровольной миграции людей. Мир столкнулся с тем, что миграционные процессы уже вышли из-под контроля, приобретя характер стихийности. И главными причинами являются вооруженные конфликты, политика дискриминации, иностранного вмешательства под лозунгом защиты прав, преследования. Новый миропорядок в этой сфере, на наш взгляд, можно определить одной фразой или лозунгом: "Как свести воедино защиту прав беженцев и естественное желание защититься от чрезмерной миграции?!"

Реалии современного мира показывают, что необходимо принимать меры, направленные на регулирование такого явления. Мировая практика свидетельствует о том, что международному сообществу и отдельным государствам не удалось наладить достаточное правовое обеспечение миграционной деятельности. Это сложный процесс, который затрагивает права и свободы человека, именно из-за этого необходимо наиболее тщательное регулирование миграционной политики государств.

Миграцию невозможно оценить однозначно. С одной стороны, она влияет на рынок труда, в какой-то степени осуществляет его стабилизацию, изменяет экономическую составляющую населения, но, с другой стороны, происходит неблагоприятное влияние на социальную сферу, рост преступности, безработицы. Для более детального регулирования вопросов миграции необходимо улучшать как национальные правовые акты, так и международные. Миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации является одной из форм государственного регулирования миграционных процессов и направлен на обеспечение и исполнение установленных Конституцией Российской Федерации гарантий соблюдения права каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации, на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации и других прав и свобод личности, а также на реализацию национальных интересов Российской Федерации в сфере миграции [4].

Генеральная Ассамблея ООН на первой сессии, проходившей в 1945 году, сформулировала принципиальные подходы к разрешению проблемы вынужденной миграции. А именно, что проблема беженцев является международной по своему охвату и характеру, ни один беженец или перемещенное лицо, окончательно или

абсолютно добровольно выразившее веские причины своего нежелания возвращаться на родину, не должны принуждаться к этому. Будущее таких беженцев и перемещенных лиц должно стать объектом деятельности международного органа, который необходимо создать. Поэтому основной задачей в рамках международного сообщества становится поощрение и содействие всеми возможными путями скорейшему возвращению беженцев в покинутые ими по тем или иным причинам страны [5].

Международная практика выработала многочисленные документы, в области правового статуса беженцев, вынужденных переселенцев, нелегальных мигрантов. К таким относятся, например, Конвенция о статусе беженцев 1951 года, Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и их семей 1990 г, Конвенция против транснациональной организованной преступности 2004 года, Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 года, Конвенция о приграничном сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств 2010 года и другие. Однако как показывают современные реалии, такое регулирование является недостаточным. Необходимо устранять правовые пробелы, которые стоят на пути установления оптимального уровня регулирования миграционных проблем.

Одной из основных проблем в области международного регулирования миграционных потоков является отсутствие унифицированного определения понятия "мигрант". Кроме того, проявляется несовершенство определения понятия "беженец", закрепленного в Конвенции 1951 года. Представляется верным дополнить указанием на ситуации массовых нарушений прав человека и вооруженных конфликтов в стране исхода [6]. В качестве примера можно использовать Соглашение стран СНГ 1993 г. «О помощи беженцам и вынужденным переселенцам» [1]. В данном региональном международно-правовом акте дается расширительное определение, в нем содержится указание на язык, как одно из оснований преследования и требует наличия связи между совершением насилия или преследования или существованием реальной опасности подвергнуться преследованию и вооруженными и межнациональными конфликтами.

Представляется верным ввести институт ответственности в отношении тех государств, по вине которых происходят оттоки населения из своих обычных мест проживания в поисках стабильной жизни. Это, зачастую, является следствием вооруженных конфликтов, внутренних беспорядков, гражданских войн, которые начались по вине вмешательства во внутренние дела государств. Международным правом, в частности в Уставе ООН закреплен данный принцип. Никакое государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела другого государства [3]. В международно-правовые акты, которые относятся к защите прав мигрантов, необходимо ввести такую норму. Современные реалии показывают, что именно из-за такого вмешательства и создания беспорядков, происходили оттоки лиц, ищущих убежище из Ливии, Сирии и других стран.

Кроме этого, является целесообразным осуществлять временную защиту лиц, которые еще не получили статус беженца. Зачастую, временные промежутки рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища затягиваются, и не ясно ка-

кие статусом обладают такие лица. Введение нормы о правовом положении такой категории лиц, позволит с одной стороны, наделять их правами, с другой стороны, они уже будут обладать определенными обязательствами перед государством, которое рассматривает возможность предоставления убежища.

Еще одним важным моментом, является необходимость принятия универсальной конвенции о территориальном убежище. В 1967 году Организация объединенных наций приняла Декларацию о территориальном убежище [3]. Важной является норма, в соответствии с которой, ни к какому лицу, которое ищет убежище, не должны применяться такие меры, как отказ от разрешения перехода границы или, если оно уже вступило на территорию, на которой оно ищет убежище, высылка или принудительное возвращение в какую-либо страну, где это лицо может подвергнуться преследованию. Однако декларация носит лишь рекомендательный характер. Конвенцию выработать так и не удалось. В этой области прогрессивными являются положения Каракасской конвенции ОАГ 1954 г. и Конвенции ОАЕ 1969 г. Принятие универсальной конвенции явилось бы прогрессивным шагом в области защиты прав беженцев.

Кроме осуществления защиты прав мигрантов, необходимо проводить политику по воспитанию правовой культуры лиц, которые в силу преследований на территории собственного государства, пересекают границы и ищут хорошие условия жизни. Миграционный кризис в Европе показал всю опасность, с которой может столкнуться местное общество, столкнувшееся с чрезмерным притоком мигрантов. Сами мигранты должны уважать законы государства, в которые прибыли.

Проблема мигрантов продолжает оставаться вызовом международному обществу. Необходимо переосмыслить всю существующую международно-правовую базу, регулирующую правовой статус таких лиц и их защиту. Современный миграционный кризис, вызванный гражданскими войнами в странах Ближнего Востока, показал необходимость пересмотра способов разрешения такой ситуации. Ее невозможно разрешить на внутригосударственном или региональном уровнях, необходимо предпринимать более глобальные меры.

Список литературы

1. Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам [Текст]: [принято 24 сентября 1993 г.] // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 5. – С. 20-23.
2. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета от 21 декабря 1965 года- Режим доступа: <http://www.un.org/ru>
3. Декларация о территориальном убежище от 14 декабря 1967 года- Режим доступа: <http://www.un.org/ru>
4. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 19.07.2017) "О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс
5. Иванов Е.В. Вынужденная миграция в международных правовых документах / Е.В.Иванов // Власть. – 2010. – №3. – С. 82-83.
6. Ястребова А.Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации / А.Ю. Ястребова // ВАКО. – 2014. – С. 116-118.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Паршикова А.Г.

студентка, Академия ФСИН России, Россия, г. Рязань

Данная статья посвящена вопросам криминологической характеристики потерпевших от преступлений, изучению жертвы с точки зрения виктимологии. Литература, которую по праву называют зеркалом окружающей человека действительности, задолго до специалистов привлекла внимание к фигуре жертвы и через судьбы своих героев заявила о важности и актуальности проникновения в социологию и психологию потерпевшего. Литература предприняла попытку в свойственной ей художественной форме объяснить, почему и каким путем люди подчас идут к беде.

Ключевые слова: криминология, криминологическая характеристика, виктимология, жертва преступления, криминальная виктимология, виктимологическое исследование.

Данная статья посвящена вопросам криминологической характеристики потерпевших от преступлений, изучению жертвы с точки зрения виктимологии. Литература, которую по праву называют зеркалом окружающей человека действительности, задолго до специалистов привлекла внимание к фигуре жертвы и через судьбы своих героев заявила о важности и актуальности проникновения в социологию и психологию потерпевшего. Литература предприняла попытку в свойственной ей художественной форме объяснить, почему и каким путем люди подчас идут к беде.

В настоящее время предупредительное, профилактическое направление в борьбе с преступностью выдвинулось на первый план и стало основным, преобладающим в деятельности органов внутренних дел. Борьба с преступностью и иными антиобщественными проявлениями предполагает, прежде всего, устранение тех негативных социальных явлений, которыми порождаются правонарушения, а также условий, способствующих противоправным действиям. Решая данную сложную задачу с помощью системы разнообразных по содержанию и формам мер экономического, социально-культурного, идейно-воспитательного и правового характера, необходимо эти меры сочетать и дополнять осуществляемой государственными органами и широкой общественностью работой по профилактике конкретных правонарушений.

Известно, что усилия государственных органов и общественности по профилактике правонарушений еще не всегда дают ожидаемые результаты. Это объясняется, на наш взгляд, помимо других причин, также и тем, что интерес представителей теории и практиков в области борьбы с преступностью концентрируется главным образом на правонарушителе либо на преступном акте. Как самостоятельному объекту изучения потерпевшему от преступления еще не уделяется должного внимания в теоретических разработках правоведов.

Между тем роль жертвы преступления в зарождении и развитии противоправного деяния не так пассивна и малозначительна, как может показаться на первый взгляд. Во многих случаях между правонарушителем и потерпевшим еще до предпреступной ситуации складываются сложные связи, образующие целый комплекс отношений, выливающих в результате в преступную драму [3, с. 95].

Виктимология возникла как реализация идеи изучения жертв преступлений и изначально развивалась как направление в криминологии. Однако со временем представления о ней претерпели изменения, определились различные позиции от-

носителем предмета виктимологии и ее научного статуса.

Виктимология изучает жертву в плане морально-психологических и социальных характеристик, влияющих на ее уязвимость, и ситуации, которые предшествуют преступлению, а также ситуации непосредственно преступления с тем, чтобы ответить на вопрос, как в этих ситуациях, во взаимодействии с поведением преступника, криминологически значимо проявляется поведение (действие или бездействие) жертвы.

Жертва преступления с точки зрения виктимологии – это пострадавшее физическое лицо, независимо от того, признано ли оно потерпевшим в установленном законом порядке и считает ли себя таковым.

Виктимология изменила ракурс, в котором традиционно рассматривался, да и сейчас рассматривается, человек, оказавшийся жертвой каких-либо криминальных или иных неблагоприятных для него обстоятельств. Она подошла к нему как к объективно значимому элементу конкретной опасной ситуации. Такой подход оправдан: многие преступления демонстрируют нам столь значительный «вклад» жертвы в происходящее с нею, что преступление нередко предстает как результат действия пары – преступника и жертвы. Более того, виктимология и причинителя вреда стала рассматривать с позиции жертвы, как потерпевшего, поскольку даже виновный человек становится таковым в силу мало зависящих от него обстоятельств.

Действия преступника часто зависят не только от его личностных особенностей, наклонностей и стремлений, но и от поведения потерпевшего, который своими неосторожными, аморальными и противоправными поступками может подать «идею» преступления, создать криминальную обстановку, облегчить наступление преступного результата [7, с. 72]. Поэтому при анализе роли конкретной жизненной ситуации в совершении преступления необходима всесторонняя и объективная оценка значения поведения потерпевшего.

В настоящее время, когда криминология располагает необходимыми материалами о личности преступника и его поведении, продолжает ощущаться потребность в сведениях о тех, кто становится жертвой насилия или кражи. Знание этих лиц, их анализ и обобщение данных о них, наряду с изучением личности преступника, может помочь лучше определить направление профилактических мероприятий, выделить группы людей, наиболее часто подвергающихся тому или иному общественно опасному посягательству, т.е. установить группы риска и «работать» с ними.

Без анализа поведения и личности потерпевшего, его реакций на действия преступника подчас невозможно определить, почему практически одинаковые преступные посягательства со стороны одних и тех же лиц далеко не всегда приводят к одним и тем же желаемым для преступника результатам. Во многих случаях, особенно при совершении преступления в острой конфликтной ситуации, между преступником и потерпевшим существует тесное социально-психологическое взаимодействие, и последний принимает самое активное участие в возникновении криминальной ситуации. Такой взаимодействие особенно часто можно встретить при анализе насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере, сексуальных преступлений и некоторых других.

Перед совершением преступления и при совершении преступления происходит столкновение двух личностей со всеми присущими им особенностями. И если под причинами конкретного преступления понимать некоторые психологические особенности, антиобщественные взгляды, стремления, наклонности и другие отри-

цательные черты личности преступника, порожденные вредными социальными воздействиями на него, то и поведение потерпевшего детерминировано главным образом его социальным бытием, его личностными, психологическими особенностями.

Во многих случаях жертва – активный элемент в предпреступной ситуации и в динамике преступного деяния. Иногда лишь случай решает, кто будет потерпевшим, а кто – преступником; возможно совмещение преступника и жертвы в одном лице; одно и то же лицо в одном и том же эпизоде может быть попеременно и преступником и жертвой. Так бывает в обоюдной драке или при сведении счетов между конкурирующими преступными сообществами, мести их членам и т.д.

Действуя как активный элемент ситуации, потерпевший своим поведением может привести преступника в состояние сильнейшего аффекта, страха, ненависти, ярости с сильными психомоторными реакциями, которые внезапны, а иногда даже и нежелательны для преступника. Этим нередко объясняется, что вор, грабитель или насильник превращается в убийцу, хотя перед совершением преступления он вовсе не намеревался убивать потерпевшего. В других случаях будущая жертва постоянными унижениями и оскорблениями приводит будущего преступника в аффективное состояние и тем самым провоцирует его на насилие [8, с. 92].

Итак, изучая жертву в различных аспектах и ее роль в генезисе преступления, криминальная виктимология исходит из того, что поведение человека по своей природе может быть неосмотрительным, рискованным, легкомысленным, распущенным, порою провокационным, а, следовательно, опасным для него самого. Такое поведение, естественно, увеличивает подверженность личности преступным посягательствам. В этом плане важное значение приобретают такие характеристики личности, как пол, возраст, социальный статус, выполняемые социальные роли, профессия, готовность действовать в критической ситуации определенным образом, а также окружающая среда, поведение третьих лиц и т.д. Сочетание объективных и субъективных факторов и их взаимодействие влияют на «способность» того или иного лица стать потерпевшим от преступления. Именно эта повышенная способность человека в силу ряда духовных, физических, социальных качеств при определенных объективных обстоятельствах становится «мишенью» для преступных посягательств и названа виктимностью.

Придание жертвам преступлений самостоятельной криминологической значимости, помимо всего прочего, означает необходимость поставить жертву с ее законными интересами и социально-правовым статусом в центр процесса отправления правосудия, сбалансировать ее права с правами обвиняемого, всемерно способствовать возмещению ущерба и снижению тяжести последствий преступления.

В последние два десятилетия виктимологические исследования переживают подъем как на Западе, так и в России. Во многом это обусловлено целым рядом внешних причин, а не какими-то особыми прорывами в теории или методологии самой науки о жертве. Прежде всего, повышенное внимание к вопросам функций жертвы в механизме совершения преступления и ее интересов связано с осознанием обществом масштабов роста преступности в условиях глобализации с ее массовой миграцией, резким усилением транснациональных преступных группировок, стремительной криминализацией целых регионов планеты и социальных групп. В этих условиях страх перед преступлением становится серьезной социальной фобией, на которую стремится оперативно отреагировать наука.

Список литература

1. Голикова А. В. Маргинальность, как предпосылка криминогенности и виктимности. В сб.: Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью. – Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 2011. – 552 с.
2. Горкин В. И. Некоторые аспекты «Концепции профилактики преступлений Российской Федерации». В сб.: Российская академия юридических наук. Научные труды. Выпуск 11. – М.: Издательство Российской академии юридических наук, 2011. – Т. 2. – 1090 с.
3. Гудина М. В. К вопросу о терминологии, используемой в деятельности полиции при профилактике и предотвращении преступлений. // Современное право. – 2012. – № 10. – С. 94-97.
4. Дворников А. Открытость правосудия сквозь призму профилактики преступлений. // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 119-122.
5. Дубошин А. В. Профилактика виктимного поведения девиантов: отечественный и зарубежный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 2. – С. 35-36.
6. Журавлева Ю. В. Место виктимологической теории в криминологии // Общество и право. – 2013. – № 1. – С. 208-212.
7. Захарцев С. И., Каширин Р. М. К содержанию понятий «профилактика» и «предупреждение» преступлений // Мир юридической науки. – 2012. – № 4. – С. 69-73.
8. Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика преступлений: учебное пособие. – Горький: Горьковская ВШМ МВД СССР, 1976. – С. 51.
9. Кабанов П. А. Криминологическая концепция криминальной политической виктимологии // Право и политика. – 2012. – № 11. – С. 185-192.
10. Карпович О. Г. Актуальные вопросы противодействия преступности в России. // Российский следователь. – 2012. – № 3. – С. 33-37.

ПОНЯТИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Паршкова А.Г.

студентка, Академия ФСИН России, Россия, г. Рязань

В данной статье рассмотрены проблемы и понятия профилактики преступной деятельности и преступности в целом, данная проблема имеет междисциплинарное содержание. Виктимологическая профилактика – является важнейшим элементом рациональной системы виктимологического направления предупредительного воздействия на преступность путем устранения виктимогенных факторов преступного поведения, наравне с деятельностью, направленной на устранение вредных последствий от преступного поведения.

Ключевые слова: профилактика преступлений, предупреждение преступности, принудительное воздействие, борьба с преступностью, криминологическая профилактика преступности.

В данной статье рассмотрены проблемы и понятия профилактики преступной деятельности и преступности в целом, данная проблема имеет междисциплинарное содержание. На страницах юридической литературы активно обсуждаются вопросы профилактики применительно к уголовному праву, криминологии, уголовному процессу, криминалистике и к теории оперативно-розыскной деятельности. Среди перечисленных отраслей знаний наиболее полно проблема профилактики преступности и преступной деятельности изучена криминологией и криминалистикой. Этому есть объяснение, поскольку многие тысячелетия человечество пыталось разработать взаимосвязанные законодательные, организационные и тактические меры профилактики преступлений, и учение о профилактике вошло составной частью в науки так называемого «криминального цикла», в первую очередь в криминологию и криминалистику.

Профилактикой преступлений интересовались многие отечественные уче-

ные-юристы. Во второй половине XIX в., исследуя явления профилактики, Б.Н. Чичерин писал о том, что государство должно энергично заботиться о благе общества и самого себя как политического союза. С этой целью оно не только охраняет личные права граждан, но и активно регулирует политико-правовую жизнь общества. Государство не должно ограничиваться пассивным пресечением правонарушений и восстановлением нарушенного права, оно должно использовать разветвленную предупредительную полицейскую систему. Он приходит к выводу, что «всеобщая система предупреждения была бы равносильна поставлению всего общества под самую невыносимую полицейскую опеку [1, с. 114]. Но точка зрения пользы заставляет отступить от этого начала. Там, где зло неотвратимо и неисправимо, пресечение пришло бы слишком поздно». Однако, выражаясь языком другого отечественного ученого Г.Ф. Шершеневича, «никакая власть в мире не располагает силою заставить человека поступать так, как она хочет, а не так, как он сам хочет». Во времена деятельности перечисленных ученых в основном сформировалась наука криминология, которая изучает преступность как социальное явление, преступление как индивидуальный волевой акт, личность преступника и на основе этого разрабатывает приемы и способы профилактики делинквентного поведения.

В настоящее время понятие «борьба с преступностью» широко встречается в нормативно – правовых актах, официальных документах, научных работах. Этот термин в криминологии используется для обозначения сложной системно-структурной деятельности, имеющей цель добиться снижения преступности и степени ее общественной опасности, устранить причины преступности. Наиболее активно теоретические исследования предупреждения преступности стали развиваться с начала 60-х гг. XX в. Так, в 1966 г. был издан первый советский учебник по криминологии, где предупреждение преступности понималось как совокупность различных взаимосвязанных между собой мер, проводимых как государственными, так и общественными организациями, направленных на то, чтобы предотвратить преступления и устранить причины, их порождающие [4, с. 272].

В своем монографическом исследовании «Профилактика преступлений», вышедшем в свет в 1972 г., профессор А.Г. Лекарь включил в деятельность по предотвращению преступлений в качестве составных частей:

– профилактику преступлений как деятельность государственных органов и общественных организаций трудящихся по выявлению и устранению причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению;

– предупреждение преступлений как установление лиц, обнаруживающих намерение совершить преступление, и принятие к ним мер с целью не допустить реализации этих намерений в преступные действия;

– пресечение преступлений как выявление лиц, подготавливающих совершение преступления, и принятие к ним мер в целях недопущения перерастания подготовительных действий в покушение, а покушение – в окончательное преступление [6, с. 195].

Профессор К.Е. Игошев в учебном пособии «Социальный контроль и профилактика преступлений» определил профилактику преступлений как закономерно сложившуюся на конкретном историческом этапе общественной жизни сложную, объективно обусловленную систему социально управляемой деятельности, обеспечивающей научно-теоретическую разработку и практическую реализацию мер, направленных на предупреждение преступлений и преступности.

Благодаря коллективному труду ученых (А.Э. Жалинский, В.К. Звирбуль,

В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский, А.Б. Сахаров, В.Г. Танасевич и другие) появилась фундаментальная монография «Теоретические основы предупреждения преступности», в которой с использованием системного подхода было раскрыто современное понятие и содержание предупреждения преступности, заложены методологические основы осуществления этой деятельности. В монографии «Теоретические основы предупреждения преступности» под ред. В.К. Звирбуль обосновано, что предупреждение преступности:

- является специфической областью социального управления;
- имеет многоуровневый характер;
- осуществляется в процессе решения, как общих задач социального развития, так и специализированных задач;
- имеет «древо целей», их иерархию, конкретизированную в территориальном разрезе, во времени и применительно к каждому звену системы;
- включает в себя широкий круг мер, воздействующих на причины и условия преступности.

Исследуя понятийно-классификационную характеристику предупреждения преступности, В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский, А.Б. Сахаров, по нашему мнению, справедливо предупредили отечественных ученых, что попытка некоторых специалистов на теоретическом уровне разграничить сферы применения понятий «предупреждение преступности», «профилактика», «предотвращение» противоречат смысловому содержанию указанных терминов [8, с. 115].

Криминология в силу своей специфики не может объединить разработку всеобъемлющих мер предупреждения преступности, и в разработке профилактических рекомендаций она не должна подменять другие отрасли юридической науки и, в частности криминалистику. Криминология изучает меры предупреждения преступности и разрабатывает способы предупреждения преступлений, основанные главным образом на методах убеждения и неуголовно-правового принуждения.

При рассмотрении понятия «профилактика» через призму криминологии, на наш взгляд, необходимо определить, что является объектом и предметом данной профилактики.

Объектом криминологической профилактики преступности является совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе осуществления деятельности по предупреждению преступлений, путем разработки и осуществления мероприятий экономического, социального, политического, правового, организационно-управленческого характера, направленных на выявление и нейтрализацию причин и условий существования преступности.

Предмет криминологической профилактики преступности – это конкретные криминогенные и антикриминогенные факторы и направленный на их устранение либо активизацию профилактический процесс, включающий в себя регулирующие нормы права, профилактические программы, конкретные мероприятия, формы, методы предупредительной работы, систему субъектов профилактики.

Вместе с тем профилактика преступлений на всех уровнях является одной из задач и другой науки криминального цикла – криминалистики. Специалисты считают, что указанная наука решает эту задачу своими специфическими путями, вооружая правоохранительные органы научно обоснованными рекомендациями о технических средствах, тактических приемах и методиках установления обстоятельств, способствующих совершению и сокрытию преступлений.

Итак, вышеизложенное позволяет сделать вывод, что понятие «профилакти-

ка преступности» может пониматься как в широком, так и в узком смысле. В широком понимании профилактика является синонимом предупреждения. В узком же смысле слова профилактикой считаются меры, направленные на выявление и ликвидацию причин и условий конкретных преступных деяний, а также на установление лиц, потенциально способных совершить преступление, с целью осуществления направленного предупредительного воздействия. Такая деятельность является одним из этапов комплексного предупреждения преступности.

Список литературы

1. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – 144 с.
2. Арестов А. И., Кобец П. Н. Профилактический потенциал правовых средств и их роль в предупреждении преступности // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 6. – С. 85-90.
3. Ахмедшина Н. В. Оптимизация мер учета сведений о потерпевших от преступлений. // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 334. – С. 88-90.
4. Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. – науч. изд. – М.: Наука, 1990. – 272 с.
5. Будякова Т. П. Типология как инструмент виктимологического исследования // Проблемы в российском законодательстве. – 2011. – № 6. – С. 24-28.
6. Варчук Т. В. Виктимологическое моделирование как частная криминологическая теория // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2012. – № 2. – С. 194-198.
7. Вишневецкий К. В. Тенденции виктимизации общества в России рубежа XX – XXI веков. // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2011. – № 1. – С. 14-18.
8. Гаджиева А. А. Понятие «жертвы преступления» в современных виктимологических исследованиях // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 114-115.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 230.1 УК РФ

Пешков Д.В.

старший преподаватель кафедры уголовного права первого факультета
повышения квалификации (с дислокацией в г. Ростов-на-Дону),
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье анализируется состав преступления, предусмотренный ст. 230.1 УК РФ – склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Проводится анализ уголовно-правовой нормы в целях установления правильной квалификации и эффективного применения в практической деятельности. Высказывается пожелание о дополнении уголовно-правовой нормы иными субъектами преступления.

Ключевые слова: квалификация, склонение, субъект преступления, спортсмен, тренер, специалист.

В ходе проведения Олимпийских игр в Пхёнчхане Республики Корея в допинг-пробах двух российских спортсменов обнаружены запрещенные к использованию в спорте вещества и как результат их спортивные успехи были аннулированы. Проблема с употреблением допинга спортсменами разных стран не сходит с первых полос средств массовой информации уже в течение длительного времени. Мировое спортивное сообщество, вводя в последние годы дополнительные жесткие антидопинговые меры, определенно поставило перед собой задачу установить

настолько непреодолимый заслон для «неспортивного» поведения отдельных спортсменов, тренеров, спортивных функционеров, жаждущих любыми средствами достигнуть высоких спортивных результатов и как бонус – достаточно высоких заработных плат или рекламных контрактов для обеспечения дальнейшей безбедной жизни.

Российская Федерация поддерживает введение жестких мер и на уровне национального законодательства пытается поставить надежный заслон этому явлению, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)» Уголовный кодекс дополнен ст. 230.1, предусматривающей ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Определив место указанной статьи в главе 25 УК РФ, законодатель тем самым определил объект данного преступления – это общественные отношения в сфере физической культуры и спорта. Применение допинга означает нарушение законодательства РФ, защищающего безопасность здоровья спортсменов. Дополнительным (факультативным) объектом может выступать жизнь и здоровье спортсмена, авторитет спорта в Российской Федерации. Потерпевшим в данном случае выступает спортсмен – физическое лицо, занимающееся выбранными видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях [1].

Объективная сторона части 1 ст. 230.1 УК включает в себя склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. В примечании к указанной статье законодатель указал на разные способы такого склонения. В частности, это любые умышленные действия, способствующие использованию спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в том числе совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) методов. Преступление считается оконченным в момент склонения спортсмена к употреблению допинга. Состав преступления части 1 ст. 230.1 УК формальный, в связи с чем не требуется наступления каких-либо последствий. Отказ спортсмена принять запрещенные вещества, средства или использовать запрещенные методы не влияет на квалификацию.

Виды субстанций (методов), запрещенных для использования в спорте, диспозиция статьи не содержит, но исходя из пункта 2 примечания, их перечень определяется Правительством Российской Федерации. Постановлением Правительства РФ от 28 марта 2017 г. № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» такой перечень утвержден и на сегодняшний день является исчерпывающим. Однако по понятным причинам, в связи с развитием науки и появлением новых медицинских препаратов, этот список в дальнейшем будет пополняться новыми запрещенными субстанциями или методами. В этой связи можно говорить о том, что предмет преступления, предусмотренного ст. 230.1 УК, имеет свои особенности. Область применения указанных субстанций (методов) ограничивается только занятиями спортом. В то же время нельзя исключать и иную ситуацию, связанную с использованием указанных субстанций,

поскольку некоторые из входящих в этот перечень веществ одновременно относятся к сильнодействующим и психотропным веществам или наркотическим средствам. Тогда отсутствие цели применения их в спорте не позволит квалифицировать незаконные действия с ними по ст. 230.1 УК. В таких случаях следует усматривать признаки преступлений, предусмотренных ст. ст. 228-228.4, 230, 234 УК.

Субъект преступления вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Диспозиция статьи прямо указывает на круг лиц, которые могут выступать субъектом данного преступления – тренер, специалист по спортивной медицине либо иной специалист в области физической культуры и спорта. В данном случае можно говорить о специальном субъекте, который на основании нормативного акта допущен к подготовке и участию спортсменов в соревнованиях. Под тренером закон понимает физическое лицо, имеющее соответствующее среднее профессиональное образование или высшее образование и осуществляющее проведение со спортсменами тренировочных мероприятий, а также осуществляющее руководство их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов [2].

Специалистом по спортивной медицине необходимо признавать врача, имеющего высшее медицинское образование [3], направлениями деятельности которого, являются наблюдение за питанием и самочувствием спортсмена, оказание ему первой медицинской помощи при травмах и лечение последних, а также фармакологическая подготовка спортсмена с целью повышения функциональных возможностей и адаптации к большим физическим нагрузкам.

Иным специалистом в области физической культуры и спорта могут быть признаны лица, входящие в тренерский штаб и выполняющие специализированные функции, направленные на подготовку спортсмена по различным направлениям. Перечень таких специалистов предусмотрен приказом Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ от 16 апреля 2012 г. № 347 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации» [4]. К ним относятся, например, администратор тренировочного процесса, директор (заведующий) физкультурно-спортивной организации, директор Центра спортивной подготовки спортивных сборных команд Российской Федерации, инструктор-методист по адаптивной физической культуре, инструктор по спорту, медицинская сестра по массажу спортивной сборной команды Российской Федерации и ряд других.

Субъективная сторона преступления предусматривает умышленную форму вины. При этом она может быть выражена прямым умыслом. Виновное лицо знает, что склоняет спортсмена к использованию запрещенных законодательством субстанции (метода), предвидит нарушение антидопингового законодательства и желает наступления ожидаемых результатов. Мотивом совершения преступления может выступать желание достижения спортсменом лучших, более высоких результатов, но также могут быть карьеризм, корысть, месть, личная неприязнь. Цели преступления, по нашему мнению, также могут быть разными и зависеть от субъекта его совершения. Например, завоевание спортсменом (командой спортсменов) призового места, получение государственной награды, более высокой заработной платы или гонораров за подготовку и достижение высоких результатов спортсменами. В случае совершения преступления в отношении спортсмена из мести или личной неприязни целью будет являться устранение сильного конкурента и про-

движение «своего» спортсмена. Однако ни мотив, ни цель преступления на квалификацию содеянного не влияют.

Часть вторая ст. 230.1 УК предусматривает три квалифицирующих признака: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору; в отношении заведомо несовершеннолетнего спортсмена либо двух или более спортсменов; с применением шантажа, насилия или угроз его применения.

Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору означает, что в склонении спортсмена к использованию запрещенных веществ или методов принимают участие два или более лиц, заранее договорившихся о совместном выполнении указанных действий. В случае, если в склонении спортсмена к использованию запрещенных средств принимало участие одно лицо, а иные лица способствовали совершению преступления иными действиями, то в зависимости от роли каждого их действия должны квалифицироваться с учетом положений ст. 33 УК о соучастии.

Несовершеннолетним по п. «б» ч.2 ст. 230.1 УК считается спортсмен, не достигший 18-летнего возраста. Совершение преступления в отношении двух и более спортсменов включает в себя как несовершеннолетних, так и совершеннолетних спортсменов, поэтому не исключается ситуация, когда все потерпевшие могут быть совершеннолетними.

Шантаж подразумевает распространение о потерпевшем или его близких позорящих сведений, которые могут причинить существенный вред их правам и законным интересам. Применение насилия включает любое физическое воздействие на потерпевшего, начиная от причинения физической боли и побоев и до причинения тяжкого вреда здоровью. С учетом степени тяжести нанесенного вреда здоровью действия виновного необходимо квалифицировать или по ч.2 ст. 230.1 УК, или по совокупности с преступлениями, предусмотренными гл. 16 УК. Угроза применения насилия является психическим воздействием на потерпевшего с целью добиться согласия на использование запрещенных веществ или методов. Она может быть выражена различными способами или действиями, но спортсмен реально должен опасаться осуществления такой угрозы. При этом высказанная угроза не обязательно может быть реализована.

Часть третья указанной статьи предусматривает ответственность за деяния, повлекшие по неосторожности смерть спортсмена или иные тяжкие последствия. Данный состав формально-материальный. Необходимо установить наличие причинной связи между склонением и наступившими последствиями. Преступление окончено в момент наступления по неосторожности смерти спортсмена или наступления иных тяжких последствий. Иными тяжкими последствиями можно признавать смерть двух или более спортсменов, причинение тяжкого вреда здоровью нескольким спортсменам, отстранение спортсмена от выступлений за сборную страны, невозможность выступления сборной команды страны на соревнованиях из-за выбытия нескольких спортсменов и т.п.

В заключение необходимо отметить, что норма ст. 230.1 УК направлена на защиту спортсменов от лиц, обязанности которых так или иначе связаны с спортивной деятельностью. Но спортсменов окружают и другие лица, которые заинтересованы в достижении ими высоких спортивных результатов и званий, и в настоящее время не включенные в перечень субъектов преступления. К ним можно отнести родителей спортсмена, спортивных агентов, часть которых, преследуя различные цели, может воздействовать на спортсмена в целях употребления им за-

прещенных веществ. Не входит в число субъектов преступления и спортсмен как член команды, например в игровых видах спорта (футбол, хоккей, баскетбол и др.). Не исключено, что один из спортсменов может склонить своего товарища по команде к принятию запрещенных препаратов. С учетом изложенного, считаем необходимым дополнить диспозицию статьи и признать всех возможных лиц субъектом этого преступления.

Список литературы

1. Пункт 22 ст. 2 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // ИПО «Гарант» (доступ локальный) (дата обращения 15.02.2018).

2. Пункт 24 ст. 2 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // ИПО «Гарант» (доступ локальный) (дата обращения 15.02.2018).

3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 июля 2010 г. № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения». Зарегистрировано в Минюсте РФ 25 августа 2010 г., регистрационный № 18247 // ИПО «Гарант» (доступ локальный) (дата обращения 15.02.2018).

4. Зарегистрирован в Минюсте РФ 4 мая 2012 г., регистрационный № 24063 // ИПО «Гарант» (доступ локальный) (дата обращения 16.02.2018).

РЕШЕНИЕ СПОРОВ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ И ИХ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Романова Е.А., Хлучина П.Д.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Булгаков В.В.

научный руководитель, доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Нельзя не отметить неразрывную связь между формированием земельных отношений и практикой разрешения земельных споров. С момента появления государственности земельная политика выступает одной из основных характеристик развитого государства. Цель данной статьи – на основании анализа системы источников права, регулирующих отношения в сфере разрешения земельных споров, выявить особенности становления и развития правового обеспечения разрешения земельных споров.

Ключевые слова: земельное право, право собственности на землю, земельный спор, спор о правах на земельный участок.

Возникновение и формирование упорядочивания земельных отношений и практики разрешения земельных споров представляют собой неразрывно связанные исторические явления. Это стоит отметить в первую очередь, ведь для более глубокого изучения проблемы необходимо проанализировать исторический аспект тематики. И для начала отметим, что одним из первых нормативных актов, затрагивающих данные отношения, является Русская Правда. Именно в этом сборнике правовых норм были сформулированы базовые принципы нормативного регламентации земельных отношений. Впрочем, уверенно можно сказать, что сам процесс

развития правового регулирования разрешения земельных споров был и пока еще остается трудным и неоднозначным [3, с. 27].

Существующее законодательство содержит гарантии защиты любых оспоренных или нарушенных прав собственников, землевладельцев, землепользователей и арендаторов земельных участков и предусматривает механизмы их реализации. Однако в текущих условиях судебная защита является наиболее приемлемой и действенной формой защиты нарушенных или оспоренных прав, на основе того, что судебные органы обладают самостоятельностью и независимостью по отношению к законодательной и исполнительной власти. Рядом особых полномочий по разрешению земельных споров и по реализации деятельности, направленной на определение, восстановление и защиту прав землеобладателей наделены арбитражные и третейские суды, а также суды общей юрисдикции. Земельные споры являются, когда действия участников земельных отношений, в том числе государственных органов, либо их необоснованное бездействие (уклонение от исполнения обязанностей) нарушают чьи-то права и интересы. Наряду с термином «земельный спор» в теории земельного права также применяют термин «спор о правах на земельный участок». Данное понятие не упоминается в Земельном Кодексе РФ в отличие от «земельного спора», но часто используется в постановлениях высших судов.

Рассматривая научную литературу, можно заметить, что многие исследователи считают термины «земельный спор» и «спор о правах на земельный участок» как тождественные.

В ст. 3 Земельного кодекса РФ определена сущность земельных правоотношений [2]. Понятие «Разрешение земельных споров» можно трактовать как деятельность судов общей юрисдикции, арбитражных и третейских судов, урегулированную нормами земельного, гражданского, гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального права, нацеленную на ликвидацию разногласий между спорящими субъектами, мешающим реализации субъективных земельных прав и интересов, а также на определение, восстановление нарушенных прав либо уяснение прав и обязанностей сторонами спора. В соответствии с правилами земельные споры рассматриваются судами о подведомственности и подсудности споров, которые устанавливаются процессуальным законодательством РФ. До принятия дела к судебному производству судом общей юрисдикции спор может быть рассмотрен третейским судом [7, с. 208].

На данный период времени законодательство формирует конкретные гарантии защиты оспоренных или нарушенных прав собственников, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков и содержит механизмы их осуществления. В момент, когда нарушены чьи-либо права или интересы в результате действия участников земельных отношений, в том числе государственных органов, либо их неосновательной бездействием (в качестве примера можно привести уклонение от исполнения обязанностей) – возникают земельные споры.

Выделяют несколько основных причин, вследствие которых возникают земельные споры. К таким можно отнести:

- недобросовестное поведение отдельных субъектов земельных правоотношений, которое выражается в попытке сформировать свое материальное и финансовое благополучие за счет другой стороны по земельному спору;

- правовую неграмотность в области земельного законодательства субъектами земельных отношений. Затруднительное положение в земельных отношениях и землепользовании страны подкрепляется следующими основными причинами;
- не своевременная государственная земельная политика и отсутствие надлежащих механизмов ее реализации;
- невыгодное (преимущественно в аграрной сфере) использование зарубежного опыта, который реализуется в странах с развитой рыночной экономикой;
- отсутствие определенной, последовательной государственной политики, комплексного развития земельного законодательства и всех сопряженных вопросов [5, с. 75].

Необходимо отметить профилактические мероприятия земельных споров, направленных на устранение причин и условий, а также сложностей, формирующих эти споры. К ним относят: «а) совершенствование действующей правовой базы не только в области земельного права, но и смежных с ним. Улучшение закона должно идти по трем первостепенным направлениям:

- развитие материальных норм права, в частности более четкого регулирования правомочий собственников, арендаторов земельных участков и других лиц, которые используют землю;
 - совершенствования процессуальных норм права, от надлежащего действия которых зависит;
 - оперативность осуществления правомочий субъектов и устранения конфликтных ситуаций;
 - детальный анализ и доработка правовой базы, улучшение нормативных актов, обеспечивающих применение материальных и процессуальных норм;
- б) развитие практики доведения до всех граждан и юридических лиц, находящихся на территории России об вновь поступивших изменениях нормативно-правовых актов;
- в) правовое обеспечение деятельности должностных лиц, на которых возлагается решение земельных вопросов, и в особенности той части, где могут появляться конфликтные ситуации;
- г) профилактика земельных споров.

Эффективная работа надзорных инстанций, которая обобщает дела по наиболее неоднозначным и сложным вопросам, вынесение пленумами судов руководящих постановлений и определений, открытость деятельности судов по рассмотрению данной категории дел в средствах массовой информации, их надлежащая оценка способствует объективному рассмотрению и должному решению земельных споров» [6, с. 61].

Таким образом, анализируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что земельные споры занимают весьма важное, значительное место по сравнению с иными судебными разбирательствами. И это не удивительно, ведь в нашей стране земля всегда имела большую ценность, а в последние года ее роль растет. Но при этом несовершенства законодательства и ряд других вопросов усложняют разрешение земельных споров и значительно затрудняет это процесс.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: офиц. текст // Российская газета. – 1993. – № 237.
2. Земельный Кодекс РФ: офиц. текст (с изм. и доп. от 31 декабря 2017) // Российская газета. – 2001. – № 211.

3. Бурцев О. В. Становление и развитие законодательного обеспечения разрешения межвых земельных споров: историко-правовой аспект // Проблемы законности. 2013. №124. С. 27-31.
4. Лойко П.Ф. Современные проблемы землепользования и неотложные меры по совершенствованию государственного управления земельно-ресурсным потенциалом Российской Федерации. // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2008. № 4. С. 70-91.
5. Фролов С.А. К вопросу о понятии и причинах возникновения земельных споров // Символ науки. 2017. №10. С. 60-62.
6. Харламова О.А. Земельные споры. Теория и практика разрешения // Известия ОГАУ. 2009. №24. С. 207-209.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ-РЕВИЗОРОВ К ВЫЯВЛЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Соловьев О.Д.

доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета,
кандидат юридических наук, доцент, Нижегородская академия МВД России,
Россия, г. Нижний Новгород

Горбачева А.В.

преподаватель кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета,
кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России,
Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассматриваются: в статье рассматриваются вопросы привлечения к участию в оперативно-розыскной деятельности специалистов-ревизоров. Автор обосновывает необходимость обладания специальными экономическими знаниями сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел.

Ключевые слова: специальные знания, документальные исследования, специалист-ревизор, преступления экономической направленности.

В настоящее время наблюдается опасная тенденция роста числа крупных глубоко замаскированных совершаемых в экономической сфере преступлений, ущерб от которых исчисляется миллиардами рублей. Не смотря на сократившееся число преступлений экономической направленности по сравнению с январем – декабрем 2016 года на 3,4%, материальный ущерб в 2017 году от указанных выше преступлений составил 234,3 млрд. руб., а общее количество тяжких и особо тяжких преступлений в общем массиве выявленных преступлений экономической направленности остается достаточно высоким – 56,9% [1]. Не случайно в своем ежегодном послании Федеральному Собранию В.В. Путин отметил: «Доходы государства не должны уходить мимо кассы. Бюджет ежегодно теряет большие деньги. Это прямое воровство» [2].

Ни для кого не является секретом, что расследование и раскрытие преступлений в сфере экономики – это работа не для одного сотрудника. Как справедливо утверждают В.Д. Грабовский и А.Ф. Лубин, при расследовании и раскрытии подобных преступлений налицо как минимум две стороны. Первая – это «владельцы» общего знания, которыми выступают следователь и оперативный сотрудник

ЭБиПК, а вторая сторона – это «держатели» специальных знаний, которыми являются специалисты и эксперты [3].

Анализ специальной литературы, посвященной теории и практике оперативно-розыскной деятельности в различных отраслях экономики показал, что все исследователи признают, что специфическим источником фактических данных о преступной деятельности являются бухгалтерские документы, записи в учетных регистрах и, в ряде случаев, материалы финансовой (налоговой) отчетности.

Однако одного перечисления документальных источников оказывается недостаточно для организации оперативно-розыскной деятельности. Упускается из виду главное – именно, что должно быть обнаружено в содержании названных документов. Это обстоятельство весьма важно, поскольку чаще всего обнаружение и исследование документов на этапе поиска и выявления следов противоправных деяний осуществляется с использованием такой формы специальных знаний как привлечение соответствующих специалистов по данному направлению. Оперативный работник при привлечении специалистов должен обязательно исходить из степени профессиональной подготовки лиц, оказывающих содействие на с тем, чтобы грамотно ставить им задачу, корректировать ход ее решения и, самое главное, понимать, каким образом добытая информация может быть использована впоследствии при доказывании события преступления.

Необходимо заметить, что непосредственно оперативный работник в своей работе по линии выявления экономических преступлений первым сталкивается с неявными признаками преступной деятельности. Однако, обладая лишь общими представлениями о признаках преступлений в сфере экономики, он не способен распознавать и обнаруживать следы этой деятельности. Именно поэтому, оперативный работник взаимодействует со специалистами, являющимися своего рода помощниками оперативному работнику в формировании документальной доказательственной базы [4].

Сам институт специалистов-ревизоров как аттестованных сотрудников оперативных подразделений ОВД России является относительно новым и функционирует с 2003 года. Его создание было вызвано серьезными затруднениями в деятельности оперативных подразделений по раскрытию преступлений в экономической сфере [5, с. 98]. Однако в настоящее время проблема привлечения к участию в выявлении подобного рода преступлений специалистов подразделений документальных исследований ЭБиПК («специалистов-ревизоров») стоит очень остро.

В ходе нашего исследования была проанализирована процедура привлечения сотрудников указанных подразделений ЭБиПК на территории ГУ МВД России по Нижегородской области. Вывод очевиден: данная процедура требует совершенствования. На сегодняшний день она выглядит следующим образом: оперативный сотрудник, обладая информацией о совершаемом преступлении в конкретной организации, должен подготовить рапорт на имя начальника подразделения УЭБиПК при согласовании с начальником 8 Отдела документальных исследований и начальником оперативного подразделения (инициатора исследования) на предварительное ознакомление с документами. При этом отдел документальных исследований делает своего рода заключение о достаточности изъятых документов для проведения по ним предварительного исследования. Далее после положительного решения начальника УЭБиПК оперативный сотрудник повторяет данную процедуру и пишет рапорт на проведение самого предварительного исследования документов, и лишь впоследствии, пройдя всю процедуру, он дает задание специалистам

УЭБиПК на проведение документального исследования, передавая изъятую документацию в подшитом и пронумерованном виде. Налицо очевидная полная аналогия с назначением криминалистической экспертизы, например, экспертизы почерка, иных объектов, которая отлична от экономической экспертизы.

Согласно результатам проведенного нами анкетирования, большинство сотрудников подразделений ЭБиПК отказываются от привлечения специалиста-документалиста именно по причине сложной процедуры, отнимающей много времени. В ходе интервьюирования оперативного сотрудника УЭБиПК ГУ МВД России по Нижегородской области мы получили следующий комментарий по данной проблеме: «Никогда невозможно сразу собрать пакет документов, который был бы достаточным для отдела документальных исследований, поэтому процедура привлечения специалиста-ревизора может затянуться на еще большее время» [6].

Нельзя не согласиться с высказанным мнением, ведь самое трудное в раскрытии экономических преступлений – смоделировать на основе оперативной информации преступную следовую картину [7]. Именно эту задачу должен выполнять специалист-ревизор, однако на сегодняшний день эту работу выполняет оперативный сотрудник.

Но, как оказывается, это далеко не единственная проблема в вопросе привлечения специалиста-ревизора. Некоторые из опрошенных работников отметили, что не хотят получать помощь от специалистов 8 отдела ЭБиПК, поскольку уровень компетентности таких сотрудников порой бывает ниже, чем у самих оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК.

Разрешить сложившуюся ситуацию помогает реформа, проводимая среди образовательных организаций МВД России. Так, с 2013 года в некоторых высших образовательных организациях МВД России введена новая специальность 080101.65 «Экономическая безопасность» по подготовке специалистов для борьбы с экономической преступностью. Особенность этой категории состоит в том, что специалисты получают высшее экономическое образование с одновременной ориентацией на борьбу с экономической преступностью.

Введение указанной специальности было продиктовано потребностями практики. Опыт органов внутренних дел показал, что специалисту, обладающему преимущественно юридическими знаниями, трудно противостоять высокоорганизованным и многоходовым экономическим преступлениям.

Сама по себе фигура специалиста-ревизора имеет определенную противоречивость. При сопоставлении деятельности специалиста-ревизора с деятельностью эксперта и ревизора можно говорить о том, что по своему статусу он близок к эксперту. С другой стороны, специалист-ревизор выполняет в известной степени функции ревизора; оба этих вида деятельности, как известно, не регламентируются процессуальными нормами.

Но в тоже время налицо методические отличия деятельности специалиста-ревизора подразделения документальных исследований от деятельности ревизора, поскольку специалист-ревизор не использует методы фактической проверки. Процессуальные отличия его деятельности от деятельности эксперта-экономиста состоят в том, что вся работа специалистом-ревизором проводится до возбуждения уголовного дела.

Подводя итог вышеизложенному, следует констатировать, что вопрос о научной компетенции специалистов-ревизоров подразделений документальных исследований органов внутренних дел нуждается в серьезной методологической разработке.

Только на этой основе можно качественно улучшить деятельность указанных подразделений и успешно противостоять преступности в экономической сфере.

Список литературы

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2017 года [Электронный ресурс] : [URL] :<https://мвд.рф/reports/item/12167987/>
2. Послание Президента Федеральному Собранию // Российская газета 2015. 4 декабря. № 6846 (275).
3. Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики: учебник / под ред. проф. В.Д. Грабовского, доц. А.Ф. Лубина. – Нижний Новгород: Нижегородская ВШ МВД России, 1995. С. 101.
4. Мизиковский Е.А., Игонина Е.С. Способы и приемы финансово-экономической ревизии при выявлении хищений бюджетных средств // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров), 2017. № 3. С. 18-23.
5. Леханова Е.С., Голубятников С.П. Судебно-экономические знания в деятельности субъектов доказывания по уголовному делу // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2012. № 17. С. 98.
6. Горбачева А.В. О роли специалистов-ревизоров в раскрытии преступлений в сфере экономики / Вестник Нижегородской правовой академии, 2016. № 11 (11). С. 19-21.
7. Мамкин А.Н. Финансово-экономическая экспертиза: методика исследования бухгалтерской отчетности: учебное пособие / Мамкин А.Н., Соловьев О.Д., Тимченко В.А. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2016. – 56 с.

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ

Стерликова В.С., Фунтова А.Д.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Булгаков В.В.

научный руководитель, доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

В статье указывается важность регулирования правоотношений, связанных с охраной земель. Рассматриваются нормативно-правовые акты, регулирующие данную сферу. Дается определение понятию «охрана земель» с точки зрения законодателя. Обозначается авторский подход в определении этапов, необходимых для сохранения земель. Приводятся мнения исследователей по поводу направлений развития института «охрана земель».

Ключевые слова: охрана земель, земля, сохранение земли, государственная политика в сфере охраны земель, собственники земли, землепользователи, земельное право.

Земля – уникальный ресурс человечества. Её можно рассматривать в трёх основных аспектах. Во-первых, в качестве природного объекта, представляющего собой неотъемлемую часть природного комплекса. Подтверждая сильнейшую взаимосвязь земли и иных компонентов природного комплекса, можно сослаться на мнение Боголюбова С.А.: «бесхозяйственность по отношению к земле немедленно или в недалеком будущем будет наносить вред всей окружающей среде, ... сопровождаться экологическим ухудшением всего природного комплекса» [1].

Во-вторых, земля может рассматриваться как природный ресурс. В данном случае, речь идет не только о ценных природных ископаемых, находящихся в недрах, но и о почве – верхнем плодородном слое земной коры.

В-третьих, земля может представлять собой и объект гражданских правоотношений. Стоит заметить, что по общему правилу, объекты, которые не являются результатом труда, не могут быть объектами гражданских правоотношений. Однако земля является исключением. Даже при условии отсутствия какой-либо обработки земля может являться объектом гражданских правоотношений. Регулирование правового положения земли, а также её охраны, осложняется и тем, что она тесно взаимосвязана с объектами, находящимися на её поверхности и в недрах. Речь идет не только о природных объектах, таких как лес, озеро, болото и т.д., но и об объектах, созданных человеком (жилые помещения, промышленные объекты).

Благодаря тому, что земля является таким важным ресурсом и объектом, её охрана стала одним из приоритетных направлений государственной политики. Необходимость охраны земель закреплена во многих нормативно-правовых актах. В ст. 9 Конституции РФ указывается, что «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» [4]. Стоит заметить, что указанная статья относится к первой главе Конституции, которая посвящена основам конституционного строя. Этот факт подчеркивает значение охраны земель в Российской Федерации.

В Земельном Кодексе РФ законодатель выделил целую главу, посвященную охране земель. В ст. 13 Земельного кодекса РФ дается следующее определение понятию «охрана земель»: «деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц, направленную на сохранение земли как важнейшего компонента окружающей среды и природного ресурса» [3].

По нашему мнению, сохранение земли должно включать в себя несколько процедур. Первой можно назвать предотвращение деградации и загрязнения земель, если земля находится в хорошем состоянии, но существует опасность появления негативных факторов. В случае если определенная территория подвергается неблагоприятным воздействиям со стороны человека, они должны быть остановлены. При условии невозможности полной остановки запущенных процессов необходимо стремиться к снижению скорости деградации земли. Следующий шаг – ликвидация загрязнений и иных нарушений земли. После этого этапа следует переходить к следующему, который заключается в восстановлении и последующем рациональном использовании земли. Последней процедурой, направленной на сохранение земли, должно стать улучшение состояние земли, например, с помощью мелиорации.

Работы по охране земель и почв, в большинстве случаев, должны проводить сами правообладатели за свой счёт. В исключительных случаях им может помочь государство, выделяя средства из бюджета, так как не всегда возможно осуществить правоохранительные меры за счет средств субъектов, в случае потребности в крупных затратах.

На собственников и землепользователей закон возлагает ряд обязанностей, исполнение которых необходимо для охраны земли. При этом стоит сказать, что особое внимание законодатель уделяет сельскохозяйственным землям и землям, находящимся в зоне промышленного производства. Собственники земли и землепользователи должны принимать меры для восстановления плодородия земли, предотвращения эрозии, затопления, иссушения, загрязнения, зарастания кустарником и иных деструктивных явлений.

Для обеспечения эффективной охраны земель разрабатываются федеральные, региональные и местные программы, включающие в себя перечень мероприятий по охране земель с учетом особенностей хозяйственной деятельности, природных и других условий.

Также охрана земель включает в себя экологические требования, содержащиеся в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 №7-ФЗ. Ст.3 указанного закона устанавливает основные принципы охраны окружающей среды в целом, которые относятся и к охране земли. Например, закон закрепляет следующий принцип: «охрана, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов как необходимые условия обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности» [6]. В этом же законе регулируется охрана редких и находящихся под угрозой исчезновения почв, которые подлежат государственной защите.

Исходя из вышесказанного, можно увидеть, что государство проводит политику, направленную на охрану земель. Помимо всех перечисленных мер, осуществляемых им, следует назвать некоторые направления государственной политики в сфере земельного права. Григорьева М.В., например, выделяет довольно большое количество направлений, среди которых «совершенствование государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля; совершенствование порядка изъятия земельных участков в связи с их ненадлежащим использованием; развитие государственного мониторинга земель...» [2, с. 125-126].

Развитие правового института «охрана земель» все время продолжается. Многими исследователями осуществляются попытки определить наилучшие и наиболее выгодные как для человека, так и для всей окружающей среды пути дальнейшего развития указанного правового института. Ряд ученых делает предположение о необходимости только правового развития. Однако мы, согласимся с точкой зрения Харькова В.Н., который в своей статье указал три основных направления развития института «охраны земли»: правовое, организационное и экономическое стимулирование эффективного и рационального использования земель [7, с. 221].

Отдельного внимания заслуживает позиция комплексного подхода к охране земель Симонова В.И., которая заключается в регулировании охраны земель не только с помощью «земельного, но и смежных отраслей права, а также учет неразрывно связанных с землей природных ресурсов» [5, с. 243].

Обобщая все вышесказанное, сделаем следующий вывод. Земля является одним из важнейших природных ресурсов, объектом гражданских правоотношений, частью природного комплекса, поэтому закон довольно подробно регулирует охрану земель». Однако, несмотря на это, мнения по поводу направлений дальнейшего развития данного института у различных исследователей расходятся, хотя подавляющее большинство уверено в правильности выбранного курса, который заключается в стремлении лучшим образом осуществить охрану земель.

Список литературы

1. Боголюбов С.А., Галиновская Е.А., Жариков Ю.Г., Минина Е.Л., Шуплецова Ю.И. Земельное право: учебник. Москва: Проспект, 2007. 376 с.
2. Григорьева М.В. Правовая политика в области использования и охраны земель // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. №2. С. 123-128.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. №44. Ст. 4147.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрании законодательства РФ. 2014. №31. Ст. 4398.
5. Симонов В.И. Комплексный подход к правовому регулированию охраны земель // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. №4(99). С. 239-243.
6. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 №7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. №2. Ст. 133.
7. Харьков В.Н. Правовые проблемы охраны земель // Известия Тульского государственного университета. 2013. №5. С.214-222.

ПРОБЛЕМА КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Трофимова О.А.

студентка пятого курса юридического факультета кафедры судебной экспертизы,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

Соловьев О.Д.

доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета, к.ю.н., доцент,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассмотрены: отдельные направления, связанные с компьютеризацией при производстве финансово-экономических экспертиз; проблема соотношения возможностей программного обеспечения и возможностей профессиональной деятельности эксперта.

Ключевые слова: судебный эксперт, компьютеризация, финансово-экономическая экспертиза, автоматизированное рабочее место эксперта.

За последнее десятилетие в Российской Федерации наблюдаются серьезные перемены в социуме и экономическая нестабильность. Такие изменения сопровождаются существенным ростом совершаемых в стране преступлений, в первую очередь – в сфере экономической деятельности.

Постоянно возрастающий профессиональный уровень субъектов преступлений, появление новых, сложных схем осуществления преступной деятельности, а также несовершенство существующих механизмов и технологий осуществления контроля за учетной и хозяйственной деятельностью экономических субъектов оказывают негативное влияние на экономическую безопасность в нашей стране.

Эффективное расследование и раскрытие экономических преступлений, совершаемых, как в процессе, так и под видом хозяйственной, а также учетной деятельности организаций, повсеместно требуют применения специальных знаний в области экономики, финансов, бухгалтерии, аудита, налогообложения, а также иных отраслей научных знаний. Исследование, проводимое в рамках финансово-экономической экспертизы, основывается на анализе хозяйственной деятельности организации, находящей свое отражение в материалах бухгалтерского учета и финансовой отчетности. Целью таких исследований является выявление сведений, свидетельствующих о противоправной деятельности, а также отражающих влияние определенных хозяйственных операций на финансовое состояние организации в целом. Результаты подобных исследований оформляются в виде заключения эксперта, которое является самостоятельным видом доказательства в судопроизводстве.

Решение как традиционных, так и новых экспертных задач при проведении финансово-экономических экспертиз невозможно без непрерывного внедрения новейших достижений науки и техники.

Компьютеризация в самом общем смысле представляет собой процесс внедрения электронно-вычислительной техники в определенную сферу жизнедеятельности человека. Данный процесс развития научно-технического прогресса не обошел стороной и судебно-экспертную деятельность во всех ее проявлениях.

По мнению автора, процесс компьютеризации в деятельности эксперта-экономиста следует рассматривать в двух аспектах:

1. Использование электронно-вычислительной техники (далее по тексту – ЭВМ) при проведении экспертных исследований.
2. Компьютеризация бухгалтерского учета, как объект экспертного исследования.

В настоящей статье более подробно будут рассмотрены направления применения ЭВМ в исследовательской деятельности эксперта-экономиста.

Универсальные программы общего назначения не только повышают производительность труда и эффективность работы эксперта, но и поднимают ее на качественно новый уровень. Различные версии текстового редактора Microsoft Word в настоящее время получили повсеместное внедрение и являются самыми распространенными программами для подготовки документов.

При проведении финансового анализа хозяйственной деятельности организации электронные таблицы значительно упрощают работу эксперта-экономиста, потому что позволяют проверять точность заполнения финансовых документов и отчетов, суммировать большое количество чисел и проводить сложные математические вычисления моментально, наибольшее распространение получили электронные таблицы Microsoft Excel.

Программы оптического распознавания текстов, вводимых со сканеров типа ABBYY FineReader, позволяют переносить текстовую и графическую информацию с бумажных носителей на компьютер, а также форматировать электронный документ из одного формата в другой (Например, документ формата PDF в формат EXLS). Использование данной технологии при подготовке документов существенно сокращает трудозатраты, связанные с машинописными работами, а также позволяет монтировать новый текстовый документ из уже имеющихся частей. Использование возможностей объединенных компьютерных сетей “Internet” в целях повышения качественного уровня информационного обеспечения эксперта справочно-вспомогательными данными позволяет получить необходимые информационные данные в большом объеме при малом затраченном временном интервале.

Анализ и оценка отдельных показателей финансового состояния организации и определения тенденций их изменения, осуществление статистического и динамического сравнения показателей позволяют производить системы автоматизации финансового анализа. Так, например, системы “ИНЭК-АФСР” и “ФинЭксперт” позволяют провести анализ имущественного положения предприятия, структуру активов и пассивов, финансовую устойчивость, ликвидность, анализ деловой активности и оборачиваемости средств, рентабельность капитала и продаж. Анализ

может проводиться не только по предприятию в целом, но и по его отдельным филиалам, подразделениям или их выбранной совокупности.

Во избежание экспертных ошибок разработаны и активно используются специализированные системы поддержки судебной экспертизы (СПСЭ). При использовании подобных программ эксперт-экономист получает возможность правильно описать, классифицировать и исследовать представленные на экспертизу объекты, определить стратегию производства экономической экспертизы, грамотно провести необходимые исследования в соответствии с рекомендованными методиками, подготовить и сформулировать экспертное заключение.

Все вышеперечисленные программы используются при конструировании компьютеризированных рабочих мест (КРМ) экспертов-экономистов. Автор работы предлагает определять КРМ судебного эксперта как многофункциональный комплекс технических средств на базе персонального компьютера, который оптимизирует процесс проведения исследования и составления экспертного заключения. А также обеспечивает доступ к централизованным массивам информации справочно-вспомогательных баз данных, экспертно-криминалистических учетов, правовой и технической информации, базам данных методов и методик экспертного исследования, посредством телекоммуникационных каналов связи.

Когда исследование возможностей применения кибернетики в судебной экспертизе приобрели ощутимый размах, а изобретения дали первые результаты – в научной среде начались дискуссии о способности машины вытеснить или заменить эксперта – человека. Никто из ученых не мог утверждать категорически о том, что ЭВМ вытесняет или способна заменить эксперта – человека, но при этом не одна научная разработка по вопросам применения кибернетики в судебно-экспертной деятельности не обходилась без указаний на то что, разработанный новый метод или предлагаемая методика использования ЭВМ не может заменить эксперта.

Так, например, А. Р. Шляхов писал: “Применение принципов кибернетики и электронно-вычислительной техники ни в коей мере не приведет к замене эксперта автоматом” [3, с. 156].

Р. М. Ланцман в своих научных работах, указывал: “...убежденность эксперта, оперирующего результатами работы ЭВМ, может быть объективно передана судебно-следственному органу. Ответы машины сами по себе не имеют самостоятельного доказательственного значения. Средством доказывания является заключение эксперта. Однако теперь уже в отличие от возможности поверить глазам, опыту, интуиции, детальным разметкам эксперта, судебно-следственный орган имеет возможность объективно оценить обработанную машиной информацию” [2, с. 134].

В другой работе, развивая эту же мысль, он пишет: “Применение кибернетического метода для целей криминалистического отождествления у подавляющего большинства криминалистов не вызывает возражений прежде всего потому, что он исключает влияние субъективного фактора в процессе сбора, обработки и оценки информации в исследуемых объектах” [1, с. 95], то есть процесс экспертного исследования, включая и оценку, полностью объективируется.

Создание систем гибридного и искусственного интеллекта, а также активное развитие информационных технологий дало понять, что данная проблема противо-

поставления человека и компьютерных программных систем не имеет по собой достаточного основания. Эксперт, обладая специальными знаниями, при проведении любого исследования занимает лидирующую позицию по отношению к компьютеру. Рассмотрим, аргументы данной позиции:

1. Эксперт-экономист при проведении исследования ставит перед собой конкретные цели, тогда как компьютерные интеллектуальные системы пока не обладают таким свойством, как постановка цели.

2. Эксперт-экономист, используя методы системного анализа, из глобальных целей выделяет подцели и ставит конкретные задачи. Компьютер не обладает подобной способностью.

3. Эксперт-экономист, используя свои специальные знания и творческий подход, разрабатывает и внедряет новые методы решения конкретных задач, в то время как программные модули работают в соответствии с заложенной в них автоматической методикой.

4. Эксперт-экономист, при использовании методов в своем исследовании, обрабатывает конкретные данные и приходит к конкретным выводам, которые может подвергнуть собственной оценке. Компьютерная система также применяет различные методы для решения поставленной задачи, однако, оценка выводов для компьютерных систем представляет определенные трудности.

В результате данной дискуссии отмечено, что эксперт и системы искусственного интеллекта должны не исключать, а взаимно дополнять друг друга. Важно заметить, что выбор и оценка конкретного решения остается за экспертом, потому что именно он несет ответственность за свои выводы и последствия от принятых решений.

Научно-технический прогресс не стоит на месте и на смену стандартным персональным компьютерам приходят мобильные устройства, по функциональным возможностям ничем не уступающие ПК. Мобильные устройства представляют собой ряд устройств, включающий в себя смартфоны, планшеты, электронные книги, интерактивные часы, ноутбуки, главной особенностью которых является компактность, а также количество выполняемых ими функций.

В связи с чем, автор работы предлагает обратить внимание на новое перспективное направление компьютеризации – использование мобильных устройств в судебно-экспертной деятельности. При проведении исследования в полевых условиях мобильные устройства могут существенно облегчить работу эксперта и сократить время проведения исследования.

Список литературы

1. Ланцман Р.М. Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка. М.: Наука, 1966. 95 с.
2. Ланцман Р.М. Проблемы использования современных возможностей науки и техники в уголовном судопроизводстве – М., 1969. 134 с.
3. Шляхов А. Р. Состояние и перспективы научных разработок автоматизированного решения задач и создания информационных систем в области судебной экспертизы // Проблемы информационного и математического обеспечения экспертных исследований в условиях решения задач судебной экспертизы. – М., 1984. 156 с.

К ВОПРОСУ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Федоров М.В.

магистрант кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
Россия, г. Чебоксары

Перепелкин В.И.

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, канд. юрид. наук,
Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
Россия, г. Чебоксары

Статья посвящена актуальным проблемам проведения осмотра места происшествия, связанных с применением огнестрельного оружия. Рассматриваются вопросы, организации, обнаружения, фиксации изъятия следов применения ОО.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, огнестрельное оружие, следы применения огнестрельного оружия, основные и дополнительные следы выстрела.

Из всех видов зарегистрированных преступлений за истекший 2017 год в Российской Федерации 4717 преступление совершено с использованием огнестрельного, газового оружия, боеприпасов, что составляет 0,2 %. Общая раскрываемость данных преступлений – около 70% [1]. Несмотря на «утешительную» статистику, следует учесть, что с применением огнестрельного оружия в основном совершаются тяжкие преступления, связанные даже с лишением жизни человеку. Такие преступления имеют большой общественный резонанс. Своевременное раскрытие и расследование таких преступлений является также эффективной их профилактикой.

Известно, что в большинстве случаев организация раскрытия и расследования преступления начинается с проведения неотложного следственного действия – осмотра места происшествия [2]. Целью осмотра является выяснение и анализ обстановки на месте происшествия, где, что, когда произошло, при наличии трупа обнаружение и фиксация на нем следов огнестрельных, а также других повреждений, обнаружение и фиксация огнестрельного оружия, стреляных пуль, гильз, дроби, пыжей и других вещественных доказательств [3].

Своевременный и качественный осмотр позволяет получить ряд ценных доказательств о предполагаемом преступнике (навыках владения оружием, преступном опыте в прошлом, профессиональных качествах снайпера, охотника, военного и т.п.), о примененном оружии (боевое, гражданское, спортивное, криминальное, изношенное, новое и т.п.), о дистанции и направлении выстрела, количестве произведенных выстрелов, о модели, калибре и конкретном экземпляре оружия и т.п. В то же время следует заметить, что поверхностный и некачественный осмотр может затруднить дальнейшее расследование уголовного дела, уничтожить имеющиеся доказательства, получить ориентирующую информацию для своевременной организации розыска преступника [4, 5].

При получении сигнала о совершенном преступлении с применением огнестрельного оружия дежурному ОВД следует немедленно сообщить об этом следователю, уяснить ситуацию (где, когда, кем оно совершено), имеются ли жертвы или

раненные, в какую сторону скрылись преступники, или преступник и организовать поиск преступника по горячим следам. При наличии раненных лиц немедленно организовать оказание первой медицинской помощи. Параллельно дежурный ОВД совместно со следователем должны собрать следственно-оперативную группу для безотлагательного проведения осмотра [6]. Хотя в уголовно-процессуальном кодексе РФ напрямую не предусмотрено обязательное привлечение специалиста – судебного баллиста, по нашему мнению, в данном случае желательно использовать его помощь, так как на месте происшествия часто выявляются оставленное оружие преступления, которое, как и взрывное устройство может быть весьма непонятного устройства (неисправное, заржавленное и т.п.), заряженное, со взведенным курком, разной марки и модификации. Следует заметить, что не каждый специалист-криминалист может грамотно обращаться с таким оружием на месте происшествия. Неумелые действия с обнаруженным экземпляром оружия может привести уничтожению следов рук, утрате несгоревших зерен пороха, непроизвольному выстрелу, к ранениям членов следственно-оперативной группы.

В случае обнаружения на месте происшествия лиц с огнестрельными ранениями возникает проблемы по оказанию первой медицинской помощи потерпевшим(-ему) и одновременным обнаружением и фиксацией огнестрельных повреждений. В данном случае врач скорой медицинской помощи при работе с пострадавшим может уничтожить следы выстрела вокруг входного отверстия ранения. В данном случае, на наш взгляд необходимо организовать тесную работу специалиста – баллиста и врача скорой помощи. По необходимости постараться до начала оказания первой помощи зафиксировать следы выстрела фото- и видеофиксацией, произвести смывы вокруг пулевого ранения продуктов выстрела с целью последующего их исследования [7].

Для определения местоположения стрелявшего необходимо привлечь кинолога с дрессированной собакой на поиск взрывчатых веществ. Кинолог может помочь обнаружить стрелянную гильзу, пулю, по которым имеется возможность идентифицировать оружие, из которого производился выстрел.

Если пуля находится в теле раненного или трупа, то следователь или специалист-баллист должен предупредить врача-хирурга или судебного медика о сохранении на ее поверхности следов выстрела, образовавшихся от канала ствола.

Большое значение для расследования имеет фиксация положения огнестрельного оружия на месте происшествия, на что иногда не обращают внимание. В протоколе необходимо отразить, на каком расстоянии расположено оружие относительно основных ориентиров места происшествия: кратчайшее расстояние от трупа, расстояние от ладоней рук, направление канала-ствола, относительно других неподвижных ориентиров – дерева, стены и т.п.

При осмотре места происшествия необходимо использовать имеющиеся научно-технические средства для поиска оружия, стрелянных пуль и гильз – металлоискатели, магнитные подъемники. Все обнаруженные объекты на месте происшествия зафиксировать на общем и частном плане. Если оружие использовано на открытой местности, то при составлении плана местности желательно использовать спутниковую карту местности, как наиболее точную и наглядную. В последующем на данной схеме-карте необходимо отразить все обнаруженные объекты и вещественные доказательства [8].

При задержании подозреваемого, необходимо сразу же провести его личный обыск, направленный на обнаружение огнестрельного оружия, боеприпасов, пороха, принадлежностей оружия (шомпола, ремней крепления, чехла, кобуры). Необ-

ходимо изъять верхнюю одежду на предмет обнаружения следов копоти, сделать смывы с рук для последующего проведения химической экспертизы.

Таким образом, своевременное, качественное и грамотное проведение осмотра места происшествия, связанных с применением огнестрельного оружия, использование возможностей современных научно-технических средств для обнаружения, осмотра, фиксации, изъятия следов и дальнейшее их исследование является залогом успешного раскрытия и расследования преступлений.

Список литературы

1. <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 20. 02. 2018 г.).
2. Перепелкин В.И., Константинова Ю.С. Актуальные проблемы организации и проведения осмотра места происшествия по грабёжам и разбойным нападениям на открытой местности. В сборнике: Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения. Сборник научных трудов по материалам всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Ответств. за выпуск: Т. Н. Потапова. 2017. С. 436-440.
3. Перепелкин В.И. Особенности осмотра места происшествия при расследовании убийств. В сб.: Социогуманитарные и правовые проблемы современного общества Матер. XVI межвуз. научной конференции. Чувашский филиал Московского гуманитарно-экономического института. 2015. С. 192-198.
4. Перепелкин В.И. Некоторые проблемы фиксации доказательственной информации при допросе. В сб.: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2013. С. 350-353.
5. Исаева Е.П., Перепелкин В.И. Современные способы фиксации, обстановки, проведения следственного действия. В сб. Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. Сб. материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова г. Чебоксары, 1 декабря 2017. С. 568- 571.
6. Адюкова Е.В., Перепелкин В.И. Использование идеальных следов в расследовании преступлений. В сб. Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова г. Чебоксары, 1 декабря 2017. С.557-559.
7. Нестерова К.К., Перепелкин В.И.К вопросу использования судебно-медицинских знаний в расследовании преступлений. В сб.: Новая парадигма социально-гуманитарного знания Сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конфер. В 6-ти частях. Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. 2018. С. 73-76.
8. Николаева А.Ю., Перепелкин В.И.Профилактика преступлений, связанных с незаконной охотой. В сб.: Национальная безопасность в экологической сфере: проблемы теории и практики. Сб. мат. Межд. науч.-практ. конф.. Отв. ред.: Н.В. Хураськина. 2017. С. 437-439.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Филатова А.В.

магистрант кафедры гражданского права и процесса,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, Россия, г. Саратов

Яковлева А.П.

доцент кафедры гражданского права и процесса, канд. юрид. наук, доцент,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, Россия, г. Саратов

В статье рассмотрены основные особенности определения морального вреда, причиненного средствами массовой информации. Проанализированы основные виды правонарушений со стороны СМИ по отношению к частным лицам, подходы к определению размера морального вреда,

дана оценка возможному применению методик по определению морального вреда в контексте компенсации морального вреда, причиненного СМИ.

Ключевые слова: СМИ, моральный вред, компенсация, личная жизнь, недостоверная информация, право на свободу слова.

Одной из основных ценностей свободного и демократического общества является свобода слова. Ключевым инструментарием обеспечения свободы слова являются средства массовой информации, чья активная и свободная деятельность в условиях недопущения цензуры считается важнейшим индикатором состояния гражданских свобод.

Вместе с тем, право на свободу слова и связанное с ним право на свободу деятельности СМИ не являются безграничными. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В соответствии со статьей 21 Конституции РФ, достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Таким образом, распространение недостоверной информации о личности является безусловным нарушением прав человека, которым человеку нанесен определенный вред. Рассмотрим в данной статье актуальные вопросы и проблемы компенсации средством массовой информации морального вреда, причиненного действиями СМИ.

По отношению к частным лицам, существует два основных вида нарушений, причиненных средствами массовой информации: распространение недостоверной информации и распространение информации, которая, хотя и является достоверной, но нарушает право каждого на неприкосновенность личной и семейной жизни.

При этом если распространение заведомо недостоверной информации в СМИ всегда является основанием для компенсации морального вреда, то в случае распространением информации, нарушающей право каждого на неприкосновенность личной и семейной жизни, необходимо учитывать баланс между общественным интересом знать важную информацию о публичной личности и правом на неприкосновенность личной и семейной жизни, вследствие чего неприкосновенность личной и семейной жизни публичных лиц ограничена [1].

Как отмечает О.В. Дмитриева [2, с. 60-63], под моральным вредом следует понимать такие нравственные или физические страдания, которые причинены действиями, посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна).

Следовательно, в случае если СМИ является причинителем морального вреда, лицо, которому этот вред был нанесен, имеет право требовать в судебном порядке его компенсации. Важно отметить, что право на компенсацию морального вреда, причиненного чести, достоинству, личной и семейной жизни и другим нематериальным благом, по общему правилу, имеет только физическое лицо, так как юридическое лицо не обладает вышеуказанными характеристиками.

Важно отметить, что не любое нелицеприятное для лица высказывание, опубликованное в СМИ, является основанием для взыскания морального вреда. Как отмечает О.Г. Зернова [3, с. 100-102], «защищать честь, достоинство и деловую

репутацию можно лишь при условии, что порочащие сведения не соответствуют действительности, поэтому не подлежат опровержению выражения и сравнения, которые нельзя проверить на истинность. Не могут составить предмет иска по данной статье также претензии к форме подачи материала, стилю изложения и художественным приемам, использованным автором публикации». Помимо этого, в соответствии со статьей 57 Закона РФ «О средствах массовой информации», СМИ, его редакция, сотрудники не несут ответственности за сведения, полученные в официальных сообщениях, полученные от информационных агентств, материалы пресс-служб государственных органов, организаций, учреждений, предприятий, органов общественных объединений, дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации, дословным воспроизведением фрагментов заявлений официальных лиц.

Как отмечает Д.А. Щеголихин [4, с. 81-85], суды фактически применяют презумпцию морального вреда, в соответствии с которой физическое лицо, в отношении которого совершено неправомерное деяние (действие или бездействие), признается претерпевшим моральный вред, если совершивший деяние не докажет обратное. Представляется возможным согласиться с мнением автора относительно необходимости закрепления презумпции морального вреда в российском законодательстве.

Одной из наиболее серьезных и актуальных проблем, в случае с распространением СМИ недостоверной информации либо неправомерным вмешательством СМИ в семейную или частную жизнь человека, является размер моральной компенсации.

Важно отметить, что во многих случаях (особенно в тех случаях, когда лицо ставит основной целью опровержение недостоверной информации) сумма требуемой моральной компенсации является символической (1 рубль или 100 рублей). Очевидно, что в данном случае, речь идет о фактическом добровольном отказе в праве получения моральной компенсации, который, в соответствии с принципом диспозитивности суд должен принять. В то же время, сослаться на такую судебную практику с целью уменьшения выплат в тех случаях, когда истец заявляет существенные денежные требования по компенсации морального вреда, недопустимо.

Как отмечает Т.Н. Пушкина [5, с. 170-175], при определении размера морального вреда суд должен комплексно оценивать целый ряд факторов: степень вины нарушителя, степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, иные заслуживающие влияния обстоятельства, в частности, требования разумности и справедливости.

По нашему мнению, индивидуализация назначения компенсации за моральный ущерб, причиненный действиями СМИ, является единственным способом установления справедливого и разумного размера компенсации морального вреда в каждом конкретном случае.

Рассмотрим две практически идентичные ситуации: фотографии «желтой» прессы запечатлели в полуголом виде двух людей. Одним из этих людей является актриса, регулярно исполняющая роли в эротических фильмах, а вторым – известный политик или общественный деятель. Хотя моральный ущерб, безусловно, нанесен обоим потерпевшим, очевидно, что он значительно выше, учитывая отношение к обнаженному телу, именно у второго лица.

Также следует отметить, что размер компенсации прямо пропорционален размеру нанесенного морального вреда. Очевидно, что распространение недостоверной информации в газете общим тиражом 5 миллионов экземпляров нанесет больший вред, чем информация, распространенная в малотиражном издании.

На вышеуказанных иллюстративных примерах можно констатировать, что предлагаемые некоторыми учеными методы определения размера морального ущерба [6], несмотря на относительную простоту и заманчивость такого подхода, не способны предусмотреть все те особенности, которые могут возникать при определении размера моральной компенсации за причиненный вред. Таким образом, активная работа ВС РФ по формированию соответствующей судебной практики и повышение профессионального уровня судей, рассматривающих такие дела, являются основными способами решения проблем компенсации морального вреда, причиненного средствами массовой информации.

Список литературы

1. Решение Европейского Суда по правам человека по делу «Принцесса Ганноверская против Германии» [Электронный ресурс] режим доступа: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/fon-gannover-protiv-germanii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>
2. Дмитриева О. В. Некоторые проблемы института компенсации морального вреда // Вестник ВИ МВД России. 2010. №1. С. 60-63.
3. Зернова О. Г. Вопросы судебной практики защиты чести, достоинства и деловой репутации в российском законодательстве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. №2. С.100-102
4. Щеголихин Д. А. Коллизии и пробелы компенсации морального вреда // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2007. №7. С. 81-85.
5. Пушкина Т. Н. Критерии определения размера компенсации морального вреда как основная проблема гражданско-правового института морального вреда // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. №1. С. 170-175
6. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М., 1997.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Хархун Д.С.

Поволжский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, г. Никольск

Статья акцентирует внимание на участии прокурора в административном и гражданском процессе.

Ключевые слова: прокурор, судопроизводство, заявление, право.

Современное российское законодательства в последние годы претерпевает существенные изменения в области процессуального права. В сентябре 2015 г. вступил в силу Кодекс административного судопроизводства РФ. С принятием нового кодекса изменились некоторые положения других нормативно-правовых актов. Так, В Гражданском процессуальном кодексе РФ утратил силу подраздел III раздела II «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений» (главы 23-26.2), глава 22.1 «Производство по рассмотрению заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок», глава 35 «Госпитализация гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатриче-

скую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке и психиатрическое освидетельствование в недобровольном порядке»; также внесены изменения в такие нормативно-правовые акты, как Налоговый Кодекс РФ, Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральный закон от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и другие [1].

Согласно ст. 39 Кодекса об административном судопроизводстве, прокурор вправе обратиться в суд с административным иском в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. Административное исковое заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, являющегося субъектом административных и иных публичных правоотношений, может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд.

Принципы работы прокурора в административном судопроизводстве закреплены статьей 39 кодекса.

Компетенции прокурора осуществляются в трех направлениях:

- путем обращения в суд с административными исковыми заявлениями;
- путем вступления в процесс для дачи заключения;
- путем обжалования в апелляционном, кассационном, надзорном порядке, а также путем пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам постановленных судебных актов.

Данные направления схожи по своей направленности с участием прокурора в гражданском процессе.

Организуя работу по обеспечению участия прокуроров в административном судопроизводстве, необходимо учитывать, что суд не наделен полномочиями привлекать прокурора к участию в деле по собственной инициативе. Соответственно, определение суда о привлечении к участию в деле прокурора по делам иной, не обязательной для участия прокурора категории дел не является для прокурора обязательным.

Процессуальное положение прокурора в административном процессе предполагает наличие широкого круга полномочий, реализация которых должна быть направлена на обеспечение прав участников процесса и вынесение судом законного и обоснованного решения.

Прокурор вправе заявлять ходатайства, в том числе о привлечении к участию в деле административного ответчика или ответчиков; о замене ненадлежащего административного ответчика надлежащим; о привлечении к участию в деле заинтересованных лиц; о производстве осмотра и об исследовании письменных или вещественных доказательств по месту их хранения или месту нахождения; о привлечении к участию в осмотре и об исследовании доказательств экспертов, специалистов, свидетелей; о даче судебного поручения суду другого района о производстве определенных процессуальных действий; о вызове свидетелей; о назначении экспертизы, в том числе повторной, дополнительной, комплексной или комиссионной; об отложении разбирательства дела; о повторном допросе свидетелей; о привлечении специалиста.

Прокурор вправе приводить свои доводы по возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, в том числе:

- об объединении нескольких административных дел в одно производство;
- о возможности рассмотрения административного дела без свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков;
- о последовательности исследования доказательств;
- об отказе административного истца от иска, о признании иска административным ответчиком, о мировом соглашении сторон;
- о признании лиц, заявляющих самостоятельные требования, относительно предмета спора третьими лицами в рассматриваемом деле;
- о распоряжении вещественными доказательствами;
- об отложении разбирательства дела;
- о последовательности исследования доказательств.

Прокурор вправе подавать заявления о применении мер предварительной защиты; об отводе судьи, секретаря судебного заседания, эксперта, специалиста, переводчика.

Прокурор вправе обжаловать следующие определения суда:

- о замене или об отказе в замене правопреемника;
- об отказе в принятии административного заявления;
- о возвращении административного заявления;
- об оставлении административного заявления без движения;
- об оставлении административного заявления без рассмотрения;
- о приостановлении производства по административному делу;
- о применении мер предварительной защиты;
- о восстановлении или об отказе в восстановлении пропущенного срока;
- по вопросу распоряжения вещественными доказательствами;
- по вопросу возврата носителей аудио- и видеозаписей;
- об отказе в принятии дополнительного решения;
- об отсрочке или о рассрочке исполнения решения суда, об изменении способа и порядка его исполнения [2].

Принципы работы и участия в деле прокурора в административном судопроизводстве во многом схожи с работой в гражданском процессе, т.е. прокурор несет те же права и обязанности, которые он несет в гражданском судопроизводстве.

Прокурор выступает в гражданском судопроизводстве по следующим видам дел: о лишении родительских прав, о восстановлении в родительских правах, об ограничении родительских прав (ст. 70, 72, 73 Семейного кодекса Российской Федерации); об усыновлении и отмене усыновления (ст. 125, 140 Семейного кодекса Российской Федерации, ст. 273 ГПК РФ); о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим (ст. 278 ГПК РФ); об ограничении дееспособности гражданина, о признании гражданина недееспособным, об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами (ст. 284 ГПК РФ); об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (ст. 288 ГПК РФ) и другие.

Участие прокурора в рассмотрении административных дел в порядке ч. 7 ст. 39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации является обязательным по делам: об оспаривании нормативных правовых актов (ст. 213 КАС РФ); о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан

Российской Федерации (ст. 243 КАС РФ); о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар или о продлении срока принудительной госпитализации гражданина, страдающего психическим расстройством (ст. 277 КАС РФ); о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке (ст. 283 КАС РФ); о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении (ст. 268 КАС РФ); об административном надзоре (ст. 272 КАС РФ) [3].

Прокурор в обоих видах процесса не является стороной и обязан обеспечить соблюдение норм Конституции и законодательства, действующего в Российской Федерации.

В ходе нашего исследования, было выявлено, что прокурор в административном процессе обладает теми же правами и обязанностями, что и в гражданском процессе. Однако, законодатель сделал значительно меньше категорий дел в административном процессе для прокурора, нежели в гражданском.

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации № 23-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства РФ. 2015. № 10. ст. 1393.
2. Павловская М.В. Особенности участия прокурора в административном судопроизводстве // Законность. 2016. N 1. С. 3-7.
3. Пределы участия прокурора в гражданском и административном процессе // URL : <http://mo57.ru/predely-uchastiya-prokurora-v-grazhdanskom-i-administrativnom-protsesse/> (дата обращения 25.02.2018 г.).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Хороших А.Э.

магистрант, Уральский государственный юридический университет,
Россия, г. Екатеринбург

В статье рассматриваются основные проблемы правового регулирования культурных ценностей, а также движимых художественных ценностей. Кроме того, обращается внимание на сложность законодательного регулирования произведений искусства, вывезенных или утраченных во время Второй мировой войны.

Ключевые слова: художественные ценности, правовое регулирование, закон, культурные ценности, ввоз и вывоз культурных ценностей.

Вступая в процесс обмена культурным опытом, каждое государство стремится сохранить собственные культурные ценности и преумножить свое культурное достояние. Однако ни для кого не секрет, что экспортные и импортные операции с культурными ценностями осуществляются не всегда легально и этому способствует несовершенство правового регулирования в данной сфере. По мнению Джулиана Рэдклифа, главы Регистра утраченных художественных ценностей Лондона (Art Loss Register), торговля предметами искусства является менее прозрачным и слабо урегулированным видом коммерческой деятельности.

При этом хищение культурных ценностей, различных произведений искусства не уступает по своей кратности их подделке. Самым известным историческим примером является похищение «Джаконды» из Лувра в 1911 году. По одной из версий в исчезновении картины подозревали даже Пабло Пикассо. Однако истинным похитителем оказался простой работник музея, который украл знаменитое произведение искусства из чувства патриотического долга и желания вернуть его на Родину в Италию. Также была и другая версия, согласно которой работник Лувра находился в преступном сговоре с мошенником, который в свою очередь несколько раз продавал коллекционерам подделку, виртуозно выдавая ее за оригинал [5, с. 136].

По сей день новостные ленты пестрят событиями о нелегальном вывозе или ввозе художественных ценностей, о том, что таможенные органы задержали очередного контрабандиста, пытавшегося вывезти из страны историческую реликвию с целью дальнейшей продажи.

В Российской Федерации порядок ввоза и вывоза культурных ценностей определяется Законом РФ от 15.04.1993 № 4804-1. В данном законе раскрывается понятие культурных ценностей. Также действует Приказ Россвязьохранкультуры от 14.03.2008 № 117 «О Перечне культурных ценностей, подпадающих под действие Закона Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1». Однако указанные нормативные акты не всегда позволяют с точностью установить относится ли то или иное произведение искусства к культурной ценности. В связи с этим необходимо привлечение эксперта-искусствоведа.

Важно отметить, что законодательством не устанавливается четкий критерий ценности предмета, поскольку такая ценность не всегда является материальной. Так, например, таможенные органы Московской области по соответствующему распоряжению передали офицерский кортик Центральному музею Вооруженных Сил. Данный кортик несмотря на свою цену в 870 рублей, был признан уникальным и имеющим особую историческую ценность [3, с. 20].

Так, «предмет, относящийся к культурной ценности, имеет определенное историческое, художественное и научное значение, причем это значение должно определяться определенными «масштабами». То есть для признания рисунка или картины культурной ценностью необходимо, чтобы она имела свое историческое или культурное значение не только как предмет особой важности для какой-либо отдельной семьи, к примеру, а для достаточно большого числа людей. Представляется, что конкретная вещь, чтобы быть признанной в качестве культурной ценности, должна нести свое историческое, художественное или научное значение в мировом масштабе, масштабе одного государства или административного субъекта внутри региона» [4, с. 32].

Особые трудности возникают при поиске культурных ценностей за рубежом, вывезенных или утерянных во время Второй мировой войны. Не для кого не секрет, что на оккупированных территориях немецкие захватчики безжалостно разграбляли музеи, библиотеки, как национальные, так и частные собрания произведений искусства. Так, например, из Франции были похищены картины Рафаэля, Рембрандта, Франсуа Буше и других великих художников. Аналогичная участь постигла и другие европейские города, при том, что Европа «...является сокровищницей, в которой сосредоточена большая часть произведений искусства и литературы за два тысячелетия западной цивилизации. В эту сокровищницу вторглась ор-

да вандалов, решивших эти бесценные богатства, унаследованные в известном смысле всеми нами, переместить в Германию» [1, с. 146].

Не менее трагичная участь постигла культуру и искусство Советского Союза, было вывезено огромное количество музейных экспонатов, икон, картин, разрушено культурно-исторических памятников, ансамблей дворцов, заповедников.

После окончания войны началось активное возвращение культурных ценностей на территорию СССР. Вывоз ранее похищенных с территории Советского Союза художественных ценностей осуществлялся в соответствии с постановлениями Государственного комитета обороны, также приказами военного командования Советской Армии и распоряжениями других компетентных органов.

В настоящее время предпринимаются различные меры, направленные на возвращение культурных ценностей из за рубежа, осуществляется издание Сводного каталога культурных ценностей России, похищенных в ходе Второй мировой войны. Однако проблема заключается в том, что не все вывезенные из России художественные ценности сохранились, большая часть из них была утрачена, разрушена. Кроме того, сохранившиеся произведения искусства находятся в частных коллекциях или переданы музеям, что также составляет сложность в их возвращении на Родину. Ярким примером, на мой взгляд, является наследие Казимира Малевича. Проведя выставку в Германии, художник оставил на временное хранение картины своему другу архитектору. Однако художник не успел вернуться за своими шедеврами. Спустя некоторое время архитектор обратился в СССР с просьбой забрать эти картины, но ответа и действий не последовало. В результате часть коллекций была передана коммерческой фирме, вторая часть отдана Нью-Йоркскому музею, а третья же часть вывезена в Амстердам и передана музею с правом пользования и условием вернуть картины по требованию законного собственника. На протяжении всего этого времени передачи, вывоза картин, дочь Малевича пыталась возратить их себе, как законному собственнику, наследнице великого художника. Однако ее попытки были тщетны, и она наняла адвоката. В это время Амстердамский музей открыл выставку и представил гостям работы Казимира Малевича. Помимо прочего, в дальнейшем обнаружилось, что целый ряд лиц из разных стран могут претендовать на художественное наследие Малевича.

Нанятый дочерью Малевича адвокат Тюссен основал бюро и начал переговоры с музеями по всему миру, в которых находились картины русского художника. В результате адвокат добился вынесения судебного решения, на основании которого русским наследникам Малевича причиталось по пять миллионов долларов в качестве арендной платы картин, находящихся в Соединенных Штатах.

Однако претензии наследников не были удовлетворены в полном объеме. В начале двухтысячных годов Амстердамскому муниципалитету был предъявлен иск о незаконном приобретении картин. В итоге, спустя четыре года судебных тяжб, представляя интересы наследников, адвокат Тюссен пришел к соглашению с муниципалитетом Амстердама о том, что меньшая часть полотен возвращается законным владельцам, а основная их часть остается в музее [2, с. 263].

Из приведенного примера прослеживается иная проблема, связанная с представительством. Сложность поиска утраченных культурных ценностей заставляет их владельцев обращаться к посредникам. Тем не менее, не всегда за дело берутся опытные профессионалы, при этом действуя добросовестно.

Иным способом возвращения произведений искусства является реституция. Под реституцией в международном праве понимается возвращение в натуре иму-

щества (вещей), неправомерно захваченного и вывезенного одним из воюющих государств с территории другого государства [2, с. 210].

Также в научной доктрине выделяют компенсаторную реституцию. Прежде всего, от обычной реституции ее отличает то, что происходит замена соответствующих предметов, подлежащих возврату, равноценными произведениями искусства.

Так, в Советском Союзе был разработан документ, который перечислял эквиваленты утраченных СССР художественных ценностей. В 1945 году была проведена Крымская конференция, на которой присутствовали представители трех держав: СССР, Великобритания, США. В США группой экспертов был подготовлен и опубликован специальный меморандум о реституции и определении собственности. В этом документе признавалось, что в случаях, когда возвращение собственности исключительной исторической, художественной или культурной ценности не представляется возможным, Германия и ее союзники должны предоставить их собственникам в качестве субститута эквивалентные культурные ценности.

Ряд положений о компенсаторной реституции был включен в последующие соглашения и мирные договоры.

Однако на практике возникает сложность в доказывании, что художественные ценности были вывезены насильственно. Также зачастую сложно определить равнозначность, эквивалентность цены похищенного предмета его субституту, а включить в перечень все эквиваленты просто невозможно. В конце концов некоторые из эквивалентов могут быть также утрачены.

Таким образом, очевидно несовершенство и сложность правового регулирования культурных ценностей, в частности вывезенных, похищенных, утраченных в период Второй мировой войны.

Список литературы

1. Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 146 с.
2. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право: Учебник. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, Инфра-М, 2013. 210, 263 с.
3. Клебанов Л. Судебное толкование уголовного закона о преступлениях против культурных ценностей // Уголовное право. 2011. № 6. 20 с.
4. Русанов Г.А. Понятие «культурных ценностей» и критерии отнесения предмета к культурным ценностям в науке уголовного права // Российская юстиция. 2008. № 4. 32 с.
5. Фидо М. Хроника преступлений. М., 1997. 136 с.

ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ НОРМ ЧАСТНОГО ПРАВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Швидкая К.В.

студентка второго курса магистратуры,
Уральский государственный юридический университет, Россия, г. Екатеринбург

В статье рассматриваются важнейшие этапы и процессы унификации норм частного права в государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР. В связи с развитием интеграционных процессов особый интерес представляет такое образование как Содружество Независимых Государств, его отличительные особенности и проблемы, возникшие в процессе объединения. Унификация норм частного права необходима для единообразного процесса урегулирования спо-

ров с участием иностранного элемента, что в условиях интеграции на постсоветском пространстве проходит весьма противоречиво.

Ключевые слова: унификация, СНГ, постсоветское пространство, международный договор, частное право.

Многие процессы гармонизации в федеральных системах и в различных странах были критически оценены в литературе. Мало внимания уделялось, по крайней мере, в частном праве, доктрине и теории, и больше публичному праву, нацеленного на процесс законотворчества в сфере частного права. Многие юристы фокусируют свое внимание на правах человека в частных правоотношениях и совсем не обращают внимания на так называемую конституционализацию частного права. Отмечается, что в результате эволюции на уровне публичного права (ЕС, международные организации, ВТО), произошли принципиальные перемены, которые повлияли и продолжают влиять на сферу частного права [12, с. 22].

Отношения, которые регулируются нормами частного права внутри государства, имеющие международный характер, входят в предмет международного частного права. Исходя из этого, предмет международного частного права может быть сформулирован как частноправовые отношения международного характера, или международные частноправовые отношения. Международные частноправовые – это также, прежде всего, имущественные отношения между физическими и юридическими лицами [7, с. 10].

Во всех областях международного частного права наблюдается усиление международного сближения или даже гармонизации. Однако важно иметь в виду, что международное частное право концептуально не требует нормативного регулирования. Международное частное право остается национальным законодательством, имеющим потенциал. Несмотря на сближение и гармонизацию международное частное право резко отличается от международного публичного права в двух основных аспектах: оно направлено на регулирование отношений между частными лицами, а не государствами; оно предназначено для работы в первую очередь на национальном уровне в национальных судах [11, с. 2].

Необходимость в международном частном праве обусловлена тем, что внутренние законы разных стран отличаются друг от друга. Если бы внутренние законы стран мира утверждали единообразные правила, удовлетворяющие требования всех сторон, то вполне вероятно, что не возникло бы необходимости в международном частном праве. Но поскольку разница существует не только во внутреннем законодательстве разных стран, но и в противоречивых решениях судов по вопросу применения законодательства в сфере международного частного права. Таким образом, возникает необходимость в создании унификации норм международного частного права.

Взяв за основу цивилизационный подход исследователей к пониманию постсоветского пространства, этот термин может быть определен как геополитическая общность народов бывшего Советского Союза, объединенных культурными, историческими и экономическими связями, а также приобретёнными проблемами в результате его распада [6, с. 98-147].

До распада СССР вопрос об унификации административных норм права не ставился в отечественной литературе, а интеграция в рамках стран социалистического лагеря поддерживалась иными методами, чем те, что были приняты в рамках общего рынка. Понятие «гармонизация права» применялось в работах авторов,

остановивших свое внимание преимущественно на проблемах Европейского общего рынка, а позднее Европейского союза. Когда речь идет об интеграции бывших республик СССР, ныне независимых государств, в экономический союз, необходимо еще раз обратиться к теории и опыту унификации и гармонизации права.

Новое законодательство, не только должно учитывать современный международный опыт правового регулирования, но и должно соответствовать национальным традициям и особенностям российского права. Это исключает прямое копирование («рецепцию») зарубежных шаблонов, созданных на основе европейского континентального права, на которых исторически базируется российское гражданское право, и предполагает постепенное освобождение отечественного права от поспешно принятых (или навязанных ему) чужеродных подходов [1, с. 10].

Необходимость сближения национальных законодательств, правовых и экономических условий функционирования хозяйствующих субъектов отмечается и в Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года, утвержденной Советом глав правительств Содружества Независимых Государств 14 ноября 2008 года.

В Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств, одобренной решением глав государств СНГ 5 октября 2007 года, к числу основных целей СНГ отнесено «дальнейшее сближение национальных законодательств государств – участников Содружества в различных сферах многостороннего сотрудничества на основе общепризнанных принципов и норм международного права» (п. 2.3) [18].

Важными этапами в углублении взаимного экономического сотрудничества между государствами, образовавшимися на территории бывшего СССР, стали Договор от 6 октября 2007 года "О создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза", решение Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 19 ноября 2010 года N 51 "О формировании Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества, принятии Республикой Беларусь, Казахстаном и Российской Федерацией Таможенного кодекса Таможенного союза, вступившего в силу с 1 июля 2010 года (Договором о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 Договор о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года признается утратившим силу), введение в действие с 1 января 2012 года новой редакции Единой товарной номенклатуры ВЭД и Единого таможенного тарифа Таможенного союза (документ утратил силу в связи с изданием Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 21.12.2016 N 153), и, наконец, появление Евразийского экономического союза (Договор о Евразийском экономическом союзе вступил в силу с 1 января 2015 года) и подписание Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза 11 апреля 2017 года. В Декларации от 18 ноября 2011 года "О Евразийской экономической интеграции" президенты трех государств – Белоруссии, Казахстана и Российской Федерации – заявили о переходе стран к следующему этапу интеграционного строительства – Единому экономическому пространству, подчеркнув при этом особое значение дальнейшего сближения, гармонизации национальных законодательств, а также их унификации в сферах, определенных соглашениями, составляющими договорно-правовую базу ЕЭП.

В условиях высокого уровня интеграции экономики государств СНГ, а тем более ЕАЭС, есть достаточные предпосылки для существенного расширения гра-

ниц унифицированного регулирования договорных отношений между находящимися на их территории обособленными субъектами.

Основная проблема унификации норм частного права заключается в том, что существует много отличий между внутренними законами стран, как и в их требованиях. На данный момент даже нормы международного частного права во всех странах отличаются, поэтому вопрос с участием иностранного элемента решить представляется трудным. Суд любой страны столкнется с дилеммой какие законы будут применяться в случаях, когда речь идет о привлечении иностранного элемента. Кроме того, суды будут давать противоречивые суждения по одному и тому же вопросу. Таким образом, унификация необходима в проведении судебных разбирательств.

Проблемы унификации заключаются, во-первых, в приведении государств к согласию на подписание конвенций по унификации и затем уже приведение законодательства к единообразию. Во-вторых, в удовлетворении требований государств-участников. Каждое государство хочет выступать неким архитектором конвенции в соответствии с его собственными требованиями и намерениями. В-третьих, сложность заключается в введении таких норм унификации во всех странах мира, а затем контроль данного процесса.

Для государств – участников СНГ экономическая интеграция является основным, если не единственным, способом занять утраченные ими после исчезновения СССР зарубежные рынки, а также сохранить национальную промышленность в условиях жесткой конкурентной борьбы с иностранным сегментом, действующим на их территории. Этим объясняется повышенный интерес юристов к проблемам гармонизации и унификации законодательства. Проблемы международно-правового регулирования экономических, социальных и культурных отношений являются ключевыми для достижения экономической интеграции между государствами-участниками. В этой связи особый интерес представляют анализ мировой практики и оценка документов, направленных на унификацию и гармонизацию права СНГ, в качестве неудавшегося проекта по объединению постсоветского пространства.

Особенностью унификации права стран СНГ было то, что государства двигались от общего к частному, от единых для всех республик основ гражданского законодательства при существовании различных гражданских кодексов союзных республик к различным гражданским кодексам суверенных государств, возникших на постсоветском пространстве. Разный уровень экономического развития и разная постановка правовых проблем, направленных на достижение определенного экономического результата, обусловили существование различий в законодательстве. Эти различия попытались сгладить путем принятия модельного Гражданского кодекса. Принятие модельных законов стало одним из главных направлений интеграции в странах СНГ. Особенностью этого способа гармонизации права является, однако, то, что имплементация модельного регулирования в национальное законодательство не гарантирует точного воспроизведения модели, а предполагает при соблюдении общих принципов учет национальных особенностей. В силу этой причины наряду с модельным законотворчеством в странах СНГ получил большое распространение метод международно-договорной унификации права.

Еще одним недостатком унификации права в странах СНГ является то, что при действительно большом количестве международных договоров лишь немногие эффективно решают проблему унификации и гармонизации права. В одних случаях

это связано с недостатками механизма имплементации международного договора, в других – с недостатками наднационального регулирования [9, с. 8].

Подводя итог, можно отметить, что унификация международного частного права в СНГ проходит весьма противоречиво. С одной стороны, договорная база получила значительное развитие, а с другой – нет согласованности в развитии национального коллизионного права. Коллизионные нормы договоров о правовой помощи между государствами – участниками СНГ не регулируют многие вопросы, оставляя место для применения коллизионных норм государств – участников, предусматривающих разные правила [8, с. 85].

Список литературы

1. Актуальные вопросы российского частного права: Сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения профессора В.А. Дозорцева / Сост. Е.А. Павлова, О.Ю. Шиловост. М.: Статут, 2008. С. 182.
2. Базедов Ю. Возрождение процесса унификации права: Европейское договорное право и его элементы // Государство и право. 2000. N 2.
3. Вольф М. Международное частное право / М. Вольф; Перевод с английского С.М. Рапопорт; Под редакцией и с предисловием проф. Л.А. Лунца. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. С. 703.
4. Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 392.
5. Курс международного частного права. В 3-х томах / Альтшулер А.Б., Звеков В.П., Лунц Л.А., Маковский А.Л., и др. М.: Спарк, 2002. С. 1007.
6. Марченя П.П. Международный круглый стол: “Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы” / П.П. Марченя, С.Ю. Разин // Новый исторический вестник. 2013. № 37. С. 98-147.
7. Международное частное право: Учебник / Л. П. Ануфриева, Бекашев, Г. К. Дмитриева и др.; Отв. ред. Г. К. Дмитриева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 688.
8. Международное частное право: Учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть / Отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. М.: Статут, 2011. С. 400.
9. Международно-правовые аспекты реализации интересов Российской Федерации в связи с формированием Единого экономического пространства: Научное издание / Под ред. Дорониной Н.Г., Лукьяновой В.Ю., Семилотиной Н.Г., Тиунова О.И. "ИЗиСП", "КОНТРАКТ", 2012. С. 40.
10. Проблемы унификации международного частного права: Монография / Отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова. – "ИЗиСП", "Юриспруденция", 2012. С. 234.
11. Geert van Calster. European Private International Law. Second Edition. Oxford and Portland, Oregon, HART Publishing, 2016, P. 520.
12. Faure Michael. Globalization and Private Law. UK, 2010. P. 488.
13. Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. // СПС "Консультант Плюс".
14. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // СПС "Консультант Плюс".
15. Постановление Межпарламентской Ассамблеи Государств – Участников Содружества Независимых Государств от 23 мая 1993 года «О рекомендательном законодательном акте «Об иностранных инвестициях» // «Кодекс».
16. Протокол Консультативного совещания председателей Верховных Советов (Парламентов) Содружества Независимых Государств от 27 марта 1992 года "О подготовке рекомендательных (модельных) законодательных актов государств – участников Содружества Независимых Государств" // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи Государств – участников СНГ. 1992. N 1.
17. Решение Комиссии Таможенного союза от 18 ноября 2011 г. N 850 "О новой редакции Единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза и Единого таможенного тарифа Таможенного союза".

18. Решение Совета глав государств СНГ О Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плана основных мероприятий по ее реализации от 05.10.2007 // СПС "Консультант Плюс".

19. Решение Совета евразийской экономической комиссии от 21 декабря 2016 г. N 153 о некоторых вопросах таможенно-тарифного регулирования // СПС "Консультант Плюс".

СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»

ПОПЫТКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Ковешников Г.В.

студент третьего курса института истории и международных отношений,
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Сметанин А.Г.

старший преподаватель кафедры физического воспитания,
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

В статье рассматриваются попытки формирования единой нации, объединяющей многочисленные народы Российской Федерации. Также методы, которыми власти пытались достичь этого единства. После развала СССР возникла острая необходимость, найти объединяющую идею для многочисленных народов России, стремящихся к самоопределению. Этой объединяющей идеей стала идея российской нации.

Ключевые слова: этническая общность, День победы, День народного единства, Российская нация, историческая память.

Процесс распада СССР и последовавший за ним всплеск национализма и этнического сепаратизма в республиках на территории РФ привел к разобщению общества. Само, собой в такой ситуации государство не могло оставаться в стороне и молчаливо наблюдать. Искались новые пути консолидации нации. На первом этапе идеи борьбы с коммунистической партией, демократические реформы и переход к рыночной экономике на короткий срок сплотили прогрессивную часть элит разных народов РФ. Однако, неудавшиеся экономические и социальные реформы укрепили мнение национальных республик о необходимости отделения. В этой ситуации понадобилось нечто большее, чем незамысловатые лозунги про демократию, нужна была новая общность, которая объединит народы Российской Федерации.

В этой ситуации государство обращается к идеям гражданской нации. Идея сплотить различные этносы надэтническим формированием не является изобретением государственных деятелей Российского государства. Такие попытки предпринимались и во времена Советского союза. Однако, ввиду того, что советский народ представлял собой социально-политическую общность, созданную на основе марксистско-ленинской идеологии, но с распадом СССР советский народ канул в небытие.

С точки зрения национального строительства ситуация в Российской Федерации выглядела куда лучше. Большую часть составляло русское население, которое могло бы стать ядром новой общности, которая бы переняла этот этноним. Таким образом, «конструирование» новой общности шло бы по французскому варианту, когда все граждане французского государства именуются французами. Но путь не подошел потому что территорию России населяют народы имеющие свою культуру, язык, мифы, основанные на собственной истории, и не проявляющие особого желания влиться в состав русского этноса. Кроме того, для самих русских это бы означал разрыв с русскими, живущими за пределами страны, на что многие не были готовы пойти. Поэтому идея опоры на русскую часть населения не оправ-

дал бы себя, а вызвал бы отторжение многочисленных народностей Российской Федерации.

Поэтому новая общность, создаваемая в России, представляет собой надэтническое образование, таким образом сохраняется многообразие народов России, со своими уникальными культурами, языками и традициями с одной стороны, а с другой стороны обеспечивается идея принадлежности всех граждан к единой общности – российской нации. Конструирование новой этнической общности происходит по нескольким направлениям: создание единой национальной символики, формирование общей культуры, формирование общих традиций, формирование общего положительного отношения к российской нации, как к надэтническому образованию, включающей все народы проживающие на территории РФ, укрепление позиций русского языка, как языка межнационального общения, а также формирование общей исторической памяти, через проведение особой исторической политики.

Центральное место в формировании общей исторической памяти занимает Великая Отечественная война. Она занимает центральное место в выстраивании новой нации так, как эта война затронула почти все народы современной Российской Федерации. Использование воспоминаний и мифов о битвах, оформляют чувство национального единства. Сегодня мы можем видеть, как изначально добровольная акция «Бессмертный полк», в некоторых регионах стала принудительной. А день победы по сути стал политической акцией, призванной скрепить нацию, памятью о славных свершениях прошлого.

Формирование общих традиций происходило через установление новых праздников таких, как день народного единства, который являет собой пример фальшструкта – образ прошлого созданный сегодня, преследующий определенные политические цели, и позиционируется, как праздник напоминающий жителям многонациональной страны о важности сплочения о том, что только вместе можно преодолеть трудности. День народного единства, по замыслу государства, является поводом всех граждан страны осознать себя единой нацией.

Еще один праздник, отмечающийся 8 июня- день семьи, любви и верности. Праздник учрежденный депутатами Государственной Думы и поддержанный всеми традиционными религиозными организациями России. Идеологический смысл данного праздника, заключается в том, чтобы сплотить народы вокруг института семьи. Ведь идеи любви и верности не имеют национальных и конфессиональных границ, а значит праздник будет отмечаться во всех регионах.

Если с формированием общих традиций дела обстоят более – менее удачно, то с формированием общей надэтнической культурой возникает ряд проблем. Эти проблемы проистекают из того, что различные народы, населяющие территорию РФ, имеют различную культуры, свои образы прошлого, мифы, которые не переведены на русский язык, поэтому включение их в «общероссийскую культуру» на данном этапе невозможно, также существует проблема урезания времени преподавания русского языка и литературы в национальных республиках в угоду национальным. Такой положение дел тормозит формирование общей культуры.

Также в вопросах формировании нации успешно задействуются этносимволические атрибуты. Так, например, после включения крымского полуострова в состав Российской Федерации в обществе возник вопрос зачем была проведена данная операция. Тогда официальная пропаганда заявляла о том, что Крым является исконной территорией России, стала апеллировать к воспоминаниям и мифам о крымской войне, в которой герои России отдавали свои жизни для защиты Крыма.

Севастополь стал городом-символом, городом русской воинской славы. Для государственного национализма в этой связи было важно «контролировать свои исконные территории», так как это историческая земля, и имеет символическую и геополитическую ценность для Российской Федерации.

Таким образом, государственная национальная политика в России имеет своей целью «конструирование» российской нации сверху, используя мифические образы собственной истории. Однако, можно говорить о том, что подходы, используемые государством, не достигли успеха и не получилось сформировать гражданскую нацию, так как тенденции этнокультурного обособления и размежевания в России явно доминируют над тенденциями гражданско-политической интеграции.

Список литературы

1. Лашевская А.Д. Значение государственных праздников для россиян // Журнал Дискуссия. – 2015. – С. 77-83.
2. Миллер, А. И. Национализм и формирование нации. Теоретические исследования 80-90-х годов / А. И. Миллер // Политическая наука. Нация и национализм. – М., 1999. – С. 5-18.
3. Панарин, С. Национально-культурное возрождение в республиках и территориальная целостность России / С. Панарин // Вестник Евразии. – 2006. – №1. – С.45-57.
4. Попов, П. Л. О понятии «нация» / П. Л. Попов // География и природные ресурсы. – 1997. – №2. – С. 147-157.
5. Руткевич, М. Н. Теория нации: философские вопросы / М. Н. Руткевич // Вопросы философии. – 1999. – №5. – С. 19-33.
6. Севастьянов, А. Н. Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? / А. Н. Севастьянов // Политический класс. – 2008. – № 41. – Май.
7. Тишков, В. А. Российский народ и национальная идентичность / В. А. Тишков // Известия – 2007. – 19 июня – С. 6.
8. Фадеичева, М. А. Нация и человек в советской концепции новой исторической общности людей // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2005 год. – С.230-243.
9. Ян, Э. Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходства / Э. Ян // ПОЛИС: Политические исследования. – 2000. – №1. – С. 114-123.
10. Дробижина Л.М., Аклаев Р.М., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-ых годов. М.: Мысль, 1996 239 с.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ – УГРОЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Куликов Р.С.

магистрант второго курса Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, Россия, г. Москва

В статье представлены результаты анализа международного опыта противодействия распространению экстремистской идеологии. Определены приоритеты международного партнерства в борьбе против этой формы политической деятельности. Обоснована необходимость активизации усилий в разработке и реализации комплекса соответствующих мероприятий в России.

Ключевые слова: международный терроризм, национальная безопасность, международный опыт, радикальные идеологии, экстремизм, тоталитарные идеологии, права и свободы, транснациональная преступность, контртеррористическая деятельность, цивилизационный конфликт, межкультурный диалог.

Парламентская Ассамблея Совета Европы 2003 г. определяет экстремизм как форму политической деятельности, противоречащую принципам парламентской

демократии и базирующуюся на крайних формах идеологий, порождающей межнациональную, межконфессиональную рознь, универсальным инструментом утверждения догматов которой является терроризм.

В отечественном законодательстве (ст. 1 Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») определение экстремизму дается в виде перечисления действий, признающихся экстремистскими и, в частности «...публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; ...».

Вместе с тем, в сфере интернационального взаимодействия утверждается понимание противостояния экстремистской деятельности, как в большей степени идеологического борьбы. Неслучайно в принятой Генеральной Ассамблеей ООН Глобальной антитеррористической политике акцентировано внимание именно на необходимость устранения условий, способствующих формированию в маргинальных слоях общества привлекательности террористической деятельности [1].

Эскалация международного терроризма (МТ), его проявления во все более масштабных и опасных формах обуславливают необходимость повышения индивидуального и коллективного потенциалов субъектов международных отношений. Для чего в последние годы международным сообществом был предпринят ряд шагов, свидетельствующих об осознании масштабов угрозы.

В частности, результатом общих усилий стран членов Организации Объединенных Наций выработана официальная позиция, заключающаяся в выработке официальной позиции стран-членов. Эта позиция основывается на том, что экстремистская идеология возвращает культуру насилия, нетерпимости, обесценивает человеческую жизнь, и на этой основе расширяет свою социальную базу. Своим адептам т.н. «проповедники истинной веры» предлагают универсальный инструмент для достижения желаемой цели – терроризм. В этих условиях трудно переоценить роль гражданского общества в борьбе с этим опасным явлением.

В Европейском Союзе противодействие радикализации общества рассматривается, как неотъемлемая составляющая контртеррористической стратегии. В этом контексте европейские страны сосредоточили свое внимание на следующих направлениях:

- выявление и пресечение деятельности в социальных сетях лиц и организаций, подстрекающих к участию в террористической деятельности,
- проведение контрпропагандистских мероприятий, имеющих целью утверждение в обществе толерантности и неприятия экстремизма,
- защита от дискриминации национальных меньшинств и содействие их интеграции в общественную жизнь.

Особое внимание акцентируется на жестком контроле и пресечении использования средств массовой информации (СМИ) для пропаганды терроризма. Важность их активного использования государственными органами, общественными организациями, религиозными общинами, деловыми кругами, образовательными учреждениями подчеркивается руководящими документами СБ ООН [2].

В настоящее время наиболее востребованным средством информации стала всемирная система компьютерных сетей (Интернет). Естественно, что этот информационный ресурс стал объектом пристального внимания контролирующих государственных органов. Так, в США запрещено распространять в интернете в информацию, обнародование которой запрещено в печатных и электронных сред-

ствах массовой информации. В связи с этим провайдеры обязаны сообщать правоохранительным органам о подозрительных клиентах.

В сфере контрпропаганды экстремистам-фундаменталистам в европейских антитеррористических структурах создаются специальные информационные подразделения. На них возлагается функция системного информационного обеспечения соответствующей государственной политики, в целях последующего развертывания информационно-пропагандистской работы. Их усилия направлены на формирование устойчивого неприятия гражданами насильственных методов политической борьбы.

Когда речь идет о нейтрализации пропаганды экстремистских группировок, которые «пытаются» апеллировать к религии, нельзя недооценивать роль теологического обоснования ошибочности радикальных интерпретаций вероучения. Тем более, что деятельность экстремистов и их идейная основа дают немало оснований для этого. Выдающиеся теологи, представители различных богословско-правовых школ, конфессий мировых религий осудили терроризм. В этом контексте знаковыми стали «Амманское послание» (9 ноября 2004), «Амманская декларация» (6 июля 2005), «Мекканская декларация» (8 декабря 2005), «Мадридская декларация» (18 июля 2008 года). Участники форумов отметили духовное единство мировых религий, их конфессий, течений и школ, призвали международное сообщество объединиться вокруг общих ценностей и моральных норм, распространять культуру умеренности и терпимости, толерантности и взаимопонимания, взаимного уважения к вере, традициям, религиозным символам, сделать диалог общим принципом международных отношений, не допускать распространения ненависти, вести борьбу с расизмом и экстремизмом [3, 4, 5, 6].

Отправной точкой указанных выше диалогов является категорическое осуждение идеологии, побуждающей к насилию. Кроме того, наметились тенденции, которые можно рассматривать как условия для его развития. В этом ряду – осознание западными сообществами проблемы исламофобии и практические шаги по её преодолению, предостережение относительно любых попыток связать терроризм с традиционными вероучениями и, в частности с Исламом.

И это доказывают государства-участники организации «Исламская конференция». Как и европейские страны они провозглашают целью своего развития достижения правления добродетелей, расширение политического участия, обеспечения верховенства права, защиты прав человека, социальной справедливости, и развитие институтов гражданского общества.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что основным средством межкультурного и межконфессионального диалога является распространение базовых знаний о религии и традиции разных народов, общечеловеческие ценности, внедрение образовательных программ, которые поощряют «свободу мысли, терпимость и образцовую умеренность в качестве альтернативы воинственности и экстремизму» [7, с. 6].

Осознание необходимости конструктивного сотрудничества государств, религиозных объединений граждан все больше утверждается в мире. В резолюции № 1743 (2010) ПАСЕ, в частности, указывается, что страны-члены организации должны поддерживать изучение религий, чтобы привлечь внимание общества к общему происхождению и ценностей иудаизма, христианства и ислама, а также их влияния на современный европейский гуманизм [8].

Власти стран-членов ЕС активно содействуют диалогу религий и культур, обеспечению основных прав и свобод человека, преодолению конфликтов политическими ненасильственными средствами [9]. Во всех европейских странах разжигание межэтнической и межконфессиональной ненависти и вражды признается преступлением. Приняты отдельные законы, запрещающие пропаганду фашизма и нацизма, а также деятельность организаций, исповедующих соответствующую идеологию. Одновременно на парламентских слушаниях, с привлечением представителей религиозных общин, других институтов гражданского общества, принимаются меры по законодательному обеспечению противодействия распространению радикальных идеологий.

Важным направлением противодействия крайним формам вероучений в условиях информационного общества является участие в контрпропагандистской деятельности, ученых, теологов и лидеров общественного мнения. В этой связи характерен опыт Израиля. Так, в стране активную информационно-пропагандистскую работу в этой сфере проводят неправительственные организации (НПО). Израильскими НПО активно пропагандируются идеи о недопустимости каких-либо контактов или взаимодействия с террористами, а также фиксируется внимание граждан на усилении бдительности в вопросах безопасности. В стране действует Международный институт противодействия терроризму, который целенаправленно информирует граждан о террористической угрозе и принимаемых государственных антитеррористических мерах. Материалы, распространяемые этой организацией, унифицируют представления в обществе о причинах терроризма и методах борьбы с ним, побуждают граждан содействовать органам государственной власти. Институт сотрудничает с Международным контртеррористическим академическим сообществом в разработке новых механизмов противодействия террористической угрозе, в поиске эффективных путей взаимодействия в этой сфере государства и институтов гражданского общества с участием экспертов из разных стран [10].

В последние годы стало практикой проведение международных конференций, на которых обсуждаются проблемы и перспективы диалога религий и культур с участием представителей государств, общественных организаций, религиозных общин, научного сообщества. В итоговых документах таких международных форумов, как: Международной конференции по борьбе с терроризмом (Эр-Рияд, 5-8 февраля 2005), Конференции по проблемам терроризма и экстремизма (Хартум, 24-25 июля 2007 года), Международной конференции «Терроризм: измерения, угрозы и контрмеры» (Тунис, 15-17 ноября 2007 года), Международной встречи на высшем уровне по вопросам демократии, терроризма и безопасности (Мадрид, 8-11 марта 2005 года) и ряде других, подчеркивается необходимость совместных усилий в противодействие распространению идей, исповедующих ненависть и поощряющих насилие, а также ведущую роль ООН в развитии международного сотрудничества на данном направлении.

Ряд инициатив, направленных на преодоление поляризации общества, содействие межкультурному и межконфессиональному взаимопониманию, основывается на партнерских связях с правительствами, международными и региональными организациями, институтами гражданского общества в рамках проекта «Альянс цивилизаций», основанного в 2005 году под эгидой ООН по инициативе Испании и Турции [11].

Необходимо подчеркнуть, что сама по себе террористическая деятельность не существует. Она лишь инструмент в руках экстремистских идеологов. Отечественные эксперты сходятся во мнении со своими коллегами из других стран о том, что, поставив преграду на пути распространения в обществе радикальных идей, порождающих ненависть и побуждающих к насилию можно обуздать терроризм.

Учитывая многонациональность нашей страны и число религий, исповедуемых народами Российской Федерации следует принять, как данность крайне уязвимое положение нашего общества от происков экстремистской идеологии. Поэтому в Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 "О стратегии национальной безопасности российской федерации" определяется, что «...Основными угрозами государственной и общественной безопасности являются:... деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации,... деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию,...».

Поэтому в актуальных условиях противостояния экстремистским идеологиям и экспорту терроризма существует насущная необходимость выработать в обществе необходимый иммунитет, способный противостоять этой чуме 21 века.

Список литературы

1. The United Nations Global Counter-Terrorism Strategy: Resolution adopted by the General Assembly on 8 September 2006 A/RES/60/288 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/504/88/PDF/N0550488.pdf?OpenElement>.
2. Резолюция Совета Безопасности ООН 1624 (2005) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/510/54/PDF/N0551054.pdf?OpenElement>.
3. The Amman Message (Amman, 9 November 2004) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ammanmessage.com/index.php?option=com_content&task=view&id=16&Itemid=30.
4. The Statement issued by the International Islamic Conference (Amman, 4 – 6 July 2005) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ammanmessage.com/index.php?option=com_content&task=view&id=20&Itemid=34.
5. The Makkah Al-Mukarramah Declaration (the Third Session of the Extraordinary of the Islamic Summit Conference, 7–8 December 2005) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oic-oci.org/ex-summit/english/Makka-dec-en.htm>.
6. The Madrid Declaration issued by the World Conference on Dialogue (Madrid, 16-18 July 2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/566/36/PDF/N0856636.pdf?OpenElement>.
7. Uniting against terrorism: recommendations for a global counter-terrorism strategy : Report of the Secretary-General (A/60/825) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/60/825.
8. Islam, Islamism and Islamophobia in Europe : Resolution PACE 1743 (2010) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://assembly.coe.int/ASP/Doc/XrefViewHTML.asp?FileID=17880&Language=EN>.
9. The EU Counterradicalization Strategy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transnationalterrorism.eu/tekst/publications/EU%20Counterradicalization%20Strategy.pdf>.
10. Акопян О. Противодействие терроризму. Зарубежный опыт [Электронный ресурс] / О. Акопян // Вебсайт Национального института развития современной идеологии. – Режим доступа: <http://www.nirsi.ru/68>.
11. Alliance of Civilizations: Report of the High-level Group (November 13, 2006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unaoc.org/repository/HLG_Report.pdf.

ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Куликов Р.С.

магистрант второго курса Института социально-гуманитарного образования,
Московский педагогический государственный университет, Россия, г. Москва

Статья посвящена вопросу обеспечения национальной безопасности с учётом влияния политических рисков, а также рассмотрению национальных интересов и стратегических национальных приоритетов РФ в контексте современной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: государство, национальная безопасность, политический риск, стратегия развития национальной безопасности, угроза национальной безопасности, силы обеспечения национальной безопасности, факторы обеспечения национальной безопасности.

Для рассмотрения вопроса, обеспечения национальной безопасности, в условиях влияния на неё политических рисков, обратимся к определению понятия «Национальная безопасность» (НБ). НБ – состояние защищенности общества, свобод граждан, которая включает в себя политическую, военную, экономическую, экологическую безопасность.

В свою очередь политический риск (ПР) – одна из разновидностей рисков, который постоянно присутствует в деятельности (субъектов НБ) государственных, общественно-политических и иных институтов, а также граждан, принимающих участие в соответствии с законом в обеспечении НБ. Т.е. ПР – «вероятность неблагоприятных последствий политических решений, принимаемых в условиях неопределенности, дефицита ресурсов (времени, информации и т.д.)» [1] для состояния защищенности перечисленных выше объектов НБ. В свою очередь это состояние защищенности выражается в достижении необходимого уровня национальных интересов, о которых речь пойдет ниже.

Основная отличительная черта ПР, заключается в масштабности и глубине его негативного воздействия, способности продуцировать негативные явления не только в конкретной сфере жизнедеятельности общества, но и в смежных, вести к кризисным явлениям, как внутри государства, так и на международной арене. В наиболее «благоприятном» варианте следствием ПР может быть (например) недополучение финансовых ресурсов той или иной отраслью экономики страны. Хотя и это чревато возможными проблемами в обеспечении военной, экономической, экологической и политической безопасности государства (при условии, что этот риск не будет «купирован»). В худшем же случае ошибочное политическое решение может привести к подрыву доверия граждан к тем или иным государственным органам, политическим образованиям и даже самой политической системе, вплоть до выхода из состава государства части его территорий.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что ПР особенно чувствительны в области обеспечения НБ. Поэтому прогнозирование, оценка возможных их негативных последствий, а также управление ими является крайне важной функцией субъектов НБ.

Как было указано выше, в следствии негативной способности ПР создавать «цепную реакцию» кризисных явлений их можно классифицировать, как странные, региональные и международные.

Показательным страновым ПР можно считать военные действия грузинских властей в августе 2008 г. против Южной Осетии и Абхазии, которые привели к отделению этих самопровозглашенных республик от Грузии. Другой вопрос – сколько государств их признали, но факт остается фактом. Как правило, данные риски ведут и к ухудшению экономической ситуации. Особенно в этом случае страдает «малый» бизнес.

В результате указанных выше военных действий, предпринятых грузинскими властями, курорты Абхазии (Сухуми, Гагра, Пицунда, Гадаута) перестали пользоваться спросом у туристов. Туристическая отрасль лишилась одного из главных источников дохода [2]. А если значительные территории страны зависят именно от этого сектора экономики, то стоит признать, что это реальный фактор воздействия на государственную власть с далеко идущими последствиями.

Другим ярким примером странового ПР является политическое положение на Украине. Военные действия, ведущиеся против самопровозглашённых Донецкой и Луганской народных республик, принесли горе и бедствие обоим сторонам вооруженного конфликта. Одновременно ВВП Украины уменьшился на 20%, экспорт товаров снизился почти в 2 раза, блокада Донбасса привела к утрате 2 млрд. долл. США экспортной выручки [3].

Кроме того, не просчитанные украинскими властями политические риски привели к региональному политическому конфликту с Российской Федерацией и к потере Украиной Крыма.

Третий тип риска – международный риск.

Вышеуказанные примеры наглядно демонстрируют, что если вовремя не локализовать страновые ПР, то они «запускают» спираль конфликтов и далее. В обоих ранее приведенных примерах мы видим, как переход от странового к региональному и далее к международному политическим рискам приводят к политическим кризисным явлениям на соответствующих уровнях.

Показательно, что в следствии ошибочности или обдуманно спланированных (третьими силами) политических действий со стороны украинских властей (как в свое время и грузинских) региональный кризис привел к международной конфронтации, как в политической, так и в культурных сферах. «Западники» клеймят позором и «назначают» в агрессоры Россию со всеми вытекающими последствиями.

В частности, с момента возвращения Крыма в состав Российской Федерации и даже еще раньше, с момента, когда был сбит над украинской территорией, на востоке Донецкой области авиалайнер Boeing 777-200ER, страны Запада обрушились с оголтелой критикой и неподтвержденными реальными фактами обвинениями в адрес Российской Федерации. Развернута беспрецедентная (после победы Великой октябрьской революции 1917 г. и времен «Холодной войны») кампания экономических санкций против нашей страны. Но, как показала практика нашими политическими оппонентами были недостаточно просчитаны ПР этих «демаршей». В результате – экономические потери и разочарование части общества западных стран политикой своих первых лиц. Так, попытка изоляции России обернулась против Евросоюза – большинство стран потерпело многомиллиардные убытки, в частности, касаясь импорта российского нефти и газа [4]. Конечно потери несём и мы, но «дивидендов» от этой т.н. «блокады» гораздо больше получила и продолжает получать наша страна: развивается российская экономика, в том числе и военная, прикладная наука и сельское хозяйство.

Выше сказанное доказывает насущную необходимость прогнозирования, оценки и управление ПР субъектами НБ.

На стадии прогнозирования ПР выстраивается вероятностная модель развития возможных негативных последствий для объектов НБ. Далее эти последствия необходимо оценить, как количественно, так и качественно. В ходе этого этапа определяется масштабность и устойчивость их негативного влияния. Исходя из этого субъект политической деятельности выбирает метод целенаправленного воздействия на объект НБ финансового, политического, экономического характера для минимизации негативных последствий или даже возможно полного их устранения [5].

На практике, в процессе выработки методов нейтрализации ПР необходимо учитывать основные принципы управления политическими рисками:

- принцип максимизации включает в себя наиболее полный охват всех сфер возникновения рисков,
- адекватности – незамедлительность реагирования на факторы, которые приводят к усилению риска,
- принятия – необходимость принятия решения о продолжении или прекращении деятельности в этих условиях.

Кроме того, следует иметь в виду, что эффективность нейтрализации ПР напрямую зависит от стадии их диагностирования и своевременного принятия конкретных мер.

Рассмотрим основные факторы обеспечения НБ с точки зрения входящих в данное понятие сфер жизни и общества, где влияние ПР может повлечь наиболее негативные последствия для степени защищенности объектов НБ.

1. Информационная безопасность, реализуемая путем: защиты персональных данных пользователей сети Интернет; обеспечения безопасности информационных систем на всех объектах государственной инфраструктуры; защиты государственной тайны, а также меры по борьбе с угрозами развязывания противоборства в информационной сфере.

Основные направления обеспечения Информационной безопасности заложены в долгосрочной стратегии социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. [6]

2. Социально-экономическая безопасность – качество жизни и уровень благосостояния российских граждан.

Выступая в роли общественного института, социально-экономическая безопасность имеет определенную правовую базу, различные структуры и правила поведения, позволяющие обеспечить дальнейшее социальное развитие. ПР в данной сфере могут выражаться в социальном расслоении общества, росте преступности и безработицы [7].

3. Военная безопасность – способность страны, её вооруженных сил противостоять нанесению ущерба её национальным интересам с использованием средств вооруженного насилия. В актуальных международно-политических условиях обозначились процессы усиления роли военной силы с целью обеспечения экономических и политических интересов государств мира [8].

4. Инновационное развитие – преодоление технологического барьера между Россией и другими западными странами. Основными направлениями инновационного развития является развитие нанотехнологий, ракетно-космической промышленности, станкостроения, судостроения и авиастроения.

В числе других факторов обеспечения НБ можно определить: патриотизм, национальное сознание и правосознание граждан, экологическую безопасность, духовно-нравственное воспитание [9].

Основные положения по реализации НБ заложены в документе, утвержденном 31.12.2015 Президентом РФ, "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" (Стратегия НБ).

Разработка Стратегии НБ это исторически важный шаг на пути к новому этапу развития России. И ключевым моментом здесь является тот факт, что государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности проводится под руководством Президента РФ. Он берет на себя персональную ответственность за реализацию приоритетных направлений государственной политики в сфере обеспечения НБ.

«...Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу» [10].

Так, в числе национальных интересов на долгосрочную перспективу Стратегия НБ определяет следующие: совершенствование обороны, обеспечение неизблемости конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности РФ; утверждение на международной арене России, как одной из лидирующих держав, целью которой является поддержание стратегической стабильности и обеспечение существования полицентричного мира; повышение конкурентоспособности, национальной экономики, укрепление политической и социальной стабильности, а так же совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, повышение качества жизни населения, сохранение и развитие традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Обеспечение вышеуказанных национальных интересов достигается путем построения необходимой обороны страны, государственной и общественной безопасности; повышением качества жизни российских граждан, экономическим ростом, развитием науки, технологий, образования, здравоохранения и культуры; защитой экология живых систем и рациональным природопользованием; достижением стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства. [10].

Резюмируя вышесказанное можно констатировать, что Национальная безопасность РФ в том виде, в котором она существует является прогрессивным стимулирующим фактором всестороннего развития российского общества.

В заключение следует отметить, что для каждого государства в зависимости от этапов их развития приемлемы и разные подходы к организации НБ. Не существует универсальной модели безопасности государства. Можно говорить лишь об оптимальности той или иной структуры НБ, соответствующей исторически сложившимся потребностям, возможностям страны, способной воспроизводиться, видоизменяясь и совершенствуясь с учетом новых вызовов и угроз.

Список литературы

1. Горшкова А.А. Политический риск и методы его оптимизации // Актуальные проблемы политологии: Сборник научных работ студентов и аспирантов Российского университета дружбы народов / Отв. ред.: д.ф.н., проф. В.Д. Зотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 139-142.
2. Юрьева Д. Война за горами// Российская газета – Федеральный выпуск №4728, 2008.

3. Гаевский Д. Десятки миллиардов: необратимый ущерб от войны в Донбассе// EurAsiaDaily, 2017.
4. Фалин. В. Если молча поднять лапки, Вашингтон изведет Россию до Индийской резервации / В. Фалин// Комсомольская Правда. 14.01.2015.
5. Краснов Б.И., Авцинова Г.И., Сосина И.А. Политический анализ, прогноз, технологии. 2002.
6. Башлы И.П. Информационная безопасность как ключевой фактор обеспечения национальных экономических интересов // Материалы международного научно-практического XI Южно-Российского логистического форума, 2015.
7. Смоленцева Е.В. Социально-экономическая безопасность Российской Федерации как фактор обеспечения национальной безопасности // Успехи современной науки, Т.5, №3, 2017, С. 84-86.
8. Рожкова Л.В. Военная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности в эпоху модернизации и глобализации: правовые, политические, экономические и социокультурные аспекты. Сборник статей III Международной научно-практической конференции, 2016.
9. Руденко А.М. Факторы обеспечения национальной безопасности как приоритетного направления государственной политики России // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия, №4, 2016. С. 16-21.
10. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 года №537 «О стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года.

СУБНАЦИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ В МНОГОУРОВНЕВОМ УПРАВЛЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Шабалина В.С.

студентка магистратуры, Юго-Западный государственный университет,
Россия, г. Курск

Шепелев М.А.

профессор кафедры международных отношений и государственного управления,
д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет,
Россия, г. Курск

В данной статье субнациональные акторы, а именно города, рассматриваются через призму концепции многоуровневого управления, которая наделяет субнациональный уровень «голосом» в разных сферах национальной и наднациональной жизни и размыкает силу государственной власти, заставляя её принимать во внимание мнение и роль городов в принятии политических решений.

Ключевые слова: субнациональные акторы, города, концепция многоуровневого управления, наднациональный уровень, государство.

Наиболее полно вопрос о роли субнациональных акторов в интеграции ЕС разработан в концепции многоуровневого управления (КМУ). Это связано главным образом с тем, что в концепции указанный вопрос с самого начала рассматривался как приоритетный. С момента появления КМУ авторы ставили вопрос об изменении роли, которую в европейской политике стали играть региональные и местные власти отдельных государств, а также неправительственные организации [4, с. 173].

Согласно концепции, принятие решений и интеграция в ЕС являются слишком сложными процессами, чтобы объяснять их теориями интеграции, в центре внимания которых находятся институты и их функции. М. Хуге и Г. Маркс утвер-

ждают, что за последние 50 лет власть и суверенитет в Европе перестали принадлежать одним только национальным правительствам – они переместились на наднациональный уровень (институты ЕС) и субнациональный (региональные и местные власти) [6].

Со временем появилось большое число определений многоуровневого управления, поскольку разные авторы исходят из разных эмпирических наблюдений и теоретических конструкций. В целом, для всех сторонников КМУ свойственно признание существования в ЕС взаимно пересекающихся компетенций различных управленческих уровней, при этом акцент делается на изучении взаимодействия между участниками (на наднациональном, национальном и субнациональном уровнях управления). Для всего разнообразия теорий, относящихся к конгломерату КМУ, по мнению М. Хуге и Г. Маркса, характерно то, что они имеют дело с региональной интеграцией и включают в себя расширение возможностей субнациональных акторов, понимая это как часть более широкого феномена – перераспределения власти от центра [5].

Модель многоуровневого управления значительно отличается от управления в традиционном смысле (*government* – в английской терминологии). Управление как «*governance*» предполагает в самом широком плане постоянный политический процесс выдвижения общественных целей, обеспечение системы средствами поощрения и санкций, которые гарантируют достижение обществом поставленных целей, а также мониторинг хода реализации задуманного и контроль над исполнением намеченного курса [3, с. 38]. В такой системе существует взаимозависимость между правительствами и неправительственными субъектами разной природы. Этот вариант управления является многоуровневым, поскольку взаимозависимость существует одновременно на разных уровнях, при том, что эти уровни являются проницаемыми.

КМУ выглядит несколько противоречиво. С одной стороны, имплицитно подразумевается наличие уровней, а значит некоей иерархичности, подчинении нижних уровней властной вертикали верхним. С другой – понятие «управление» как «*governance*» имеет в виду более сложный процесс координации, нежели это предполагает привычный правительственный подход [1, с. 14]. На практике заметно, что ЕС в лице своих организаций и институтов стремится активно вовлекать заинтересованные субъекты в разработку и реализацию тех политик и программ, которые их непосредственно касаются. Региональную политику по сравнению с другими политиками ЕС можно считать ярким примером многоуровневого управления. Комиссия ЕС активно привлекает субнациональные власти к консультациям, на ежегодных встречах с представителями регионов обсуждаются важные вопросы. Это делается для того чтобы, объединив усилия субнационального и наднационального уровня, активнее воздействовать на национальное правительство, которое должно выделять больше средств из бюджета на региональное развитие и на политику сплочения. В этом заинтересованы как регионы, так и европейские институты.

Пример региональной политики подтверждает, что многоуровневое управление представляет собой переговорный процесс между наднациональными, национальными и субнациональными органами власти [8, с. 392]. Он становится возможным, так как функции, которые раньше были централизованы и принадлежали государству, в ЕС передаются вверх европейским институтам и вниз – субнациональным единицам. Вместе с тем с правовой точки зрения субнациональный уро-

вень власти находится целиком и полностью в подчиненном положении по отношению к государству. В Договоре о ЕС региональный и местный уровень относятся к государственной вертикали власти. Они не рассматриваются в качестве самостоятельных и способных проявить себя в масштабе всего Европейского союза. Лишь в ст. 1-4 Лиссабонского договора говорится о том, что в соответствии с принципом субсидиарности ЕС может действовать в сферах, не относящихся к его исключительной компетенции, на национальном, региональном и местном уровнях, но лишь в том случае, если государства-члены не могут достичь поставленных целей [2]. Примеры из разных сфер говорят о том, что в ЕС существует не два уровня – национальный и наднациональный; к процессу управления подключаются и другие уровни – региональный и местный.

В условиях интеграции происходит размывание суверенитета национального государства. Национальные иерархические вертикали власти трансформируются таким образом, что субнациональные акторы получают возможность взаимодействовать с наднациональными институтами. Отношения строгой субординации между государствами-членами и их регионами заменяются менее строгими отношениями координации. В некоторых случаях центральное правительство страны становится посредником и представителем интересов регионов на европейском уровне.

В концепции отмечается важность тенденции к увеличению количества субъектов, участвующих в принятии и реализации решений – к ним относятся не только государства, но и негосударственные субъекты. Политический актор определяется как субъект (индивид или группа индивидов), способный к целенаправленным действиям, а институты – как набор общепризнанных формальных и неформальных норм, которые задают акторам рамки для деятельности [8, с. 396]. Особенностью многоуровневой системы ЕС является то, что субъект участвует (либо имеет такую потенциальную возможность) в выработке решения одновременно как на наднациональном, так и на национальном уровне, конечным проявлением чего является передача государством части своей власти и суверенитета вверх и вниз.

Благодаря КМУ у исследователей появляется теоретическая «рамка», с помощью которой можно объяснить феномен все более активного вовлечения регионов в европейский политический процесс, эмпирическими подтверждениями чему являются деятельность Комитета регионов, активность представительств регионов в Брюсселе, прямое взаимодействие регионов с Комиссией и др. Бум «регионалистских» исследований 90-х годов способствовал появлению массы научной литературы, посвященной изучению этой проблематики. К тому же периоду относится возникновение идеи «Европы регионов», суть которой заключается в том, что в результате децентрализации власти и постепенного перераспределения полномочий, национальный уровень значительно ослабнет [7]. Альтернативной интерпретацией является видение «Европы с регионами». Европейский уровень предоставляет дополнительные возможности некоторым наиболее активным регионам, которые стремятся достичь своих целей посредством использования альтернативных (национальному) каналов мобилизации территориальных интересов.

Логично предположить, что в условиях сетевой структуры организации властных отношений, свойственной многоуровневому управлению, нижний предел для субъектов не должен устанавливаться на уровне регионов. Более мелкие единицы – муниципалитеты, города и коммуны тоже обладают потенциалом, позво-

ляющим им принимать активное участие в европейском политическом процессе. КМУ может использоваться для изучения вовлечения в политику ЕС негосударственных субъектов.

Список литературы

1. Громогласова, Е.С. Теория и практика политического управления в Европейском союзе [Текст]: тематическая специальная литература / Е.С. Громогласова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 116 с.
2. Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества (Лиссабон, 13 декабря 2007 г.) (2007/С 306/01)*(1) [Электронный ресурс]: договор. Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/lisbon>
3. Стрежнева, М.В. Глава 2. Теории интеграции. Европейская интеграция [Текст]: учебник / М.В. Стрежнева, под ред. О.В. Буториной. – Москва: Издательский Дом «Деловая литература», 2011. – 720 с.
4. Стрежнева, М.В. Глава 8. Трансформация европейского государства в условиях глобализации. Транснациональные политические пространства: явление и практика [Текст]: монография / М.В. Стрежнева, под ред. М.В. Стрежнева. – Москва: Весь Мир, 2011. – 376 с.
5. Hooghe, L. A postfunctionalist theory of European integration: From permissive consensus to constraining dissensus [Текст]: article / L. Hooghe, G. Marks // British Journal of Political Science. – 2009. -Vol. 39. – №1. – p. 1-23.
6. Hooghe, L., Marks G. Multi-level governance and European integration [Текст]: monograph / L. Hooghe, G. Marks. – London: Rowman & Littlefield, 2011. – 251 p.
7. Loughlin, J. “Europe of the Regions” and the federalization of Europe [Текст]: article / J. Loughlin // Publius: The Journal of Federalism. – 2016. – Vol. 26. – №4. – p. 141-162.
8. Marks, G. Structural policy and multilevel governance in the EC [Текст]: article / G. Marks // The state of the European Community. – 2013. – Vol. 2. – p. 391-410.

Подписано в печать 09.03.2018. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 9,18. Тираж 500 экз. Заказ № 89
ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 1
ООО «АПНИ», 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а